
Россия, Русь! Храни себя, храни!

Союз писателей России

Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал

Основан в 1922 году

В НОМЕРЕ:

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Владимир БОЛЬШАКОВ. Крушение гегемонии коллективного Запада	3
Андрей АНТОНОВ. О рулевых российского кино и ТВ	108
Максим ВОРОБЬЁВ. Тень Иуды	147
Галина ПЫРХ. Право на детей	152

ПРОЗА

Владимир ГУРЬЯНОВ. И дал Бог силы. Повесть	12
Юрий МАНАКОВ. Рассказы	116
Родион РАХИМОВ. Два рассказа	160
Олег ХРАМОВ. Два рассказа	169

ПОЭЗИЯ

Иван ЩЁЛОКОВ. Весна и война... Стихи	99
Екатерина КАРГОПОЛЬЦЕВА. Гроза в ночи... Стихи ...	141
Борис ОРЛОВ. Средство для жизни. Стихи	182
Лариса ЖЕЛЕНИС. Улица к дому. Стихи	186
Стихи лауреатов	
III Конкурса художественного перевода	200

ВЕЛИКИЕ ИМЕНА

Лина МКРТЧЯН. **Грехостояние или жизнь** 190

ЛАРЕЦ

Владимир ЧИВИЛИХИН. **Куликово поле.**
Глава из книги «Память» 195

РУССКИЙ МИР

Евгений ЕВТУШЕНКО. **О национализме
и интернационализме** 214

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Григорий КАЛЮЖНЫЙ. **Металл Победы** 220

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АРХИВ

Сергей МИХЕЕНКОВ. **Стихи, опалённые войной** 225
Юрий БЕЛАШ. **Стихи** 234

СИМВОЛ ВЕРЫ

Сергий КАРАМЫШЕВ. **Дмитрий Ростовский** 238

ТАЙНОЕ И ЯВНОЕ

Владимир БОЛЬШАКОВ. **На руинах однополярного мира** 246
Мария МОНОМЕНОВА. **«Пришли русские, мы спасены!»** ... 255

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

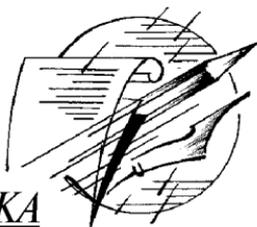
Светлана МАКАРОВА-ГРИЦЕНКО. **По плодам их
узнаете их...** 262
Олег КАССИН. **Нацисты, а не националисты!** 265
Юрий КОТ. **Кто руководит русской культурой?** 268
Андрей СОШЕНКО. **Нужно забирать своё** 271
Роман ЮШКОВ. **С широко закрытыми глазами** 273

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

Валерий ХАТЮШИН. **Протуберанцы.**
Размышления и воспоминания. Продолжение 276

КРУШЕНИЕ ГЕГЕМОНИИ КОЛЛЕКТИВНОГО ЗАПАДА

Как-то во Франции, в Ницце, когда СССР еще существовал во всем своем всемогуществе, мне довелось быть свидетелем спора одного русского эмигранта с журналистом местной газетенки, известным своими русофобскими статьями. Он выступал в читальном зале при Русской церкви на улице Лоншам с лекцией для эмигрантов, в которой утверждал, что СССР — это «колосс на глиняных ногах», а русские-де — это рабы, не способные к самостоятельному мышлению, а потому и терпят советскую власть. Один наш соотечественник, как я выяснил потом, наследник потомственного дворянина княжеской крови, какое-то время слушал рассуждения этого «лектора» о «немой России» и ее «исторической отсталости» от Запада, а потом не выдержал и выдал ему по полной: «В вашей Европе еще процветал каннибализм, когда у русских уже была Велесова книга. И с мылом вас познакомила Анна Русская, дочь короля руссов Владимира Мономаха, когда в 1051 году вышла замуж за вашего короля Генриха I. (Замечу попутно, что именно так записано в хрониках того времени — «король руссов», а не укров. Так

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

что претензии бандеровцев на то, что Анна была киевской, а не русской, не только беспочвенны, но и смешны. — В.Б.). Но вы мыться еще долго не научились. И даже при Людовике XIV ваши придворные дамы чесались прилюдно на балах от укусов блох. В России такое было немыслимо! А когда наш Петр Первый приехал во Францию, он сказал: «В Париже воняет». Потому что в те времена парижане выливали ночные горшки из своих окон прямо на улицу. Так что помолчали бы об отсталых русских и «немойтой» России. Вся Западная Европа дважды ходила с крестовым походом на Россию. Наполеон с его «великой армией» ходил, и русские гнали эту армию до самого Парижа. И Гитлер в 41-м пошел на Россию, а в 45-м пустил себе пулю в лоб, когда русские вошли в Берлин. Или вам еще напомнить, кто первым в мире полетел в космос? Я не сторонник коммунистов, — закончил он свою речь. — Но Россию и русских поливать грязью вам не позволю. Посрамленный русофоб поспешно ретировался под аплодисменты соотечественников князя.

Я вспомнил эту сценку сейчас, в самый разгар русофобской кампании коллективного Запада. Несмотря на все его мерзости против России на всем протяжении современной истории, в нашей стране сохранялся по отношению к нему некий пиетет, граничащий с заискиванием. Только при Сталине стихами Владимира Маяковского было заявлено во всеуслышание: «У советских собственная гордость: на буржуев смотрим свысока».

Увы, при духовном перебежчике Горбачеве и его команде записных предателей эта гордость была утрачена, СССР развалился, а при квислинге Ельцине она сменилась полным самоуничижением Кремля, дошедшего до того, что рядом с кабинетом президента РФ разместилось представительство ЦРУ США. Именно в те годы прозвучали позорные для России слова президента США Клинтона: «Теперь мы имеем в Кремле тупое и послушное орудие в наших руках».

До недавнего времени новые кремлевские постояльцы, сменившие это вечно пьяное чучело, действовали куда более самостоятельно, но всё же с оглядкой на Запад, предлагая ему свои симпатии и сотрудничество. Запад от сотрудничества с Россией не отказывался, но дал четко понять, что оно возможно только на его условиях. А условия, как вскоре выяснилось, были кабальными.

В 80—90-е годы я не раз встречался в Париже с генералом Пьером Галуа, автором ядерной стратегии Франции и основателем послевоенной школы геополитики. Вот как он видел последствия развала Советского Союза для современного

мира, потрясенного этой глобальной катастрофой: «В начале 90-х годов, — сказал он в одном из наших интервью, — для США открылись новые перспективы. После того, как 13 июня 1990 года Верховный Совет СССР отменил плановую экономику и узаконил рыночную, Советский Союз вошел в стадию агонии. Путь для США к мировому регентству был расчищен. После распада СССР они и не вздумали разоружаться. НАТО должно было самораспуститься одновременно с Варшавским договором».

Напомню, что НАТО создали в 1949 году, а Варшавский договор был образован в качестве ответной реакции только в 1955 году. В НАТО по сей день никто не может толком объяснить, почему после роспуска Варшавского договора в 1990 году НАТО осталось существовать. Чтобы легче было понять всё это, я хотел бы немного вспомнить историю.

Вернемся к Первой мировой войне и первой попытке США вмешаться в международное положение. В 1918 году президент США Вудро Вильсон приезжает в Париж, подписывает мирный договор и открывает для себя весьма сложный мир. В то время США еще проводили достаточно изоляционистскую политику. И тем не менее в январе—феврале 1918 года был разработан и опубликован «План Вудро Вильсона» из 14 пунктов. Формально этот план представлял собой набор правил, согласно которым следовало проводить переговоры о мире и организовывать жизнь в послевоенное время. Уже в этом плане появился пункт под названием «Освобождение народов». Рассматривалась эта проблема в свете крушения империй. Прежде всего, конечно, речь шла о Российской Империи. Но в том же списке были разрушенная в ходе войны Германская империя, Австро-Венгерская империя и Оттоманская империя. С исчезновением этих империй на их месте, по мысли Вильсона, должны были появиться куда меньшие социально-политические образования, которые он называл «народностями». Иначе говоря, он выступил как создатель определенной парцеллизации (деления на мелкие участки) и раздробления мира, что, как предполагалось, похоронит империи. Америка, естественно, сохранила, между тем, все атрибуты империи. Интересно отметить в этой связи, что создание Югославии и Чехословакии после Первой мировой войны было осуществлено в полном соответствии с рекомендациями г-на Вильсона. Они просуществовали почти до конца XX века, а затем были разрушены по рекомендациям того же Вильсона, только применены они были 80 лет спустя не для разрушения империй, а для разрушения уже сложившихся государств. А почему это было сделано? Пото-

му что с распадом СССР США остались единственной супердержавой в мире и за счет этого преимущества они хотели максимально использовать ситуацию себе во благо, получить как можно больше.

США сосредоточили свои усилия на трех основных направлениях:

— во-первых, они поставили задачу занять ведущие позиции в науке и научных исследованиях;

— во-вторых, подчинить себе мировую экономику;

— в-третьих, получить превосходство над всем остальным миром в военном отношении. И они в этом преуспели. Интересно теперь посмотреть, как США, заполучив все эти три преимущества, используют их. Прежде всего, возрождена доктрина Вильсона. В соответствии с ее рекомендациями осуществляется раздробление государств.

При Вильсоне его помощник полковник Хаус разработал план расчленения России на шесть марионеточных государств, подчиненных США, которые таким образом захватили бы все природные богатства нашей страны.

«План Хауса не сдан в архив до сих пор, — заметил генерал Галуа. — Но теперь он распространяется на весь мир. Это основа американской геополитики и стратегии мировой гегемонии США».

Этот план был частью общего плана США по захвату мирового господства в новом однополярном мире. В этой геополитической модели весьма причудливым образом сплелись мессианские претензии первых переселенцев с реальностью доминирования тех, кто правит Америкой сегодня. А это в первую очередь сионистский олигархический капитал и вся система международного сионизма, идейно заостренная на ветхозаветное обещание евреям власти над миром, всеми народами и их богатствами.

Глобальная «кабализация»

До прихода к власти в СССР Горбачева с его командой предателей, осуществленного, как теперь выясняется, по сценарию и режиссуре ЦРУ и других шпионских ведомств США, советское руководство не отказывалось от мирного сосуществования государств, но умело дать отпор любым претензиям Вашингтона на мировое господство и попыткам развалить СССР и социалистическое содружество. Война в Корее 1950—1963 годов и Кубинский кризис 1962 года это убедительно подтвердили, равно как и ввод войск Варшавского договора в Чехословакию в 1968 году. Замечу, что во время

войны в Корее был использован «миротворческий потенциал» ООН. Под ее голубым флагом выступал не только экспедиционный корпус США численностью 500 тыс. человек, но и еще с десяток тогдашних стран — сателлитов Вашингтона — от Великобритании и Австралии до Колумбии и Люксембурга.

По той же методе Вашингтон не раз впоследствии формировал свои «международные силы» при вторжении в те страны, которые восставали против его диктата. Вот и в наши дни на поддержку киевского режима, созданного после переворота 2016 года по лекалам ЦРУ для вооруженных провокаций против России, США мобилизовали практически все страны коллективного Запада. Развязанная ими против нашей страны «прокси-война» в результате «балансирования на грани войны» настоящей, если использовать термин бывшего госсекретаря США Джона Фостера Даллеса, быстрыми темпами переходит в войну, чреватую ядерным конфликтом. Привыкнув к полной безнаказанности за свои авантюры во времена Горбачева и Ельцина, Запад не ожидал столь резкого ответа на его авантюру на Украине со стороны Кремля.

Там так и не поняли предупреждения, прозвучавшего в знаменитой Мюнхенской речи президента России В.В. Путина 10 февраля 2007 года. Он заявил тогда: «Россия — страна более чем с тысячелетней историей, и практически всегда она пользовалась привилегией проводить независимую внешнюю политику. Мы не собираемся изменять этой традиции и сегодня».

Это было предупреждением всем претендентам на мировое господство, в первую очередь США и их партнерам по коллективному Западу. Ему не вняли. После бандеровского переворота на Украине в 2014 году стало ясно, что противостояние Запада с Россией не будет развиваться по образцу времен Клинтона—Ельцина, а переходит в куда более опасную фазу прокси-войны, в которой незалежной отводилась роль ударного легиона в новом «Дранг нах Остен», походе Запада на Восток. Почему коллективный Запад во главе с США пошел на столь поистине безумное обострение отношений с Россией именно сейчас? Ответ на это может быть только один: перед лицом очевидного краха однополярного мира и прежней глобальной гегемонии США за океаном предпочли разумным договоренностям о мирном сосуществовании всех современных стран и цивилизаций войну не на жизнь, а на смерть и втянули в это союзников по НАТО, Австралию, Новую Зеландию, Японию и другие зависимые от них стра-

ны. И корень этого безумства следует искать не только в идеологии, но, в первую очередь, в экономике.

«После Второй мировой войны был сконструирован некий мировой порядок. И его основным направлением стала глобализация, — пишет политтехнолог Алексей Игнатов. — Объединительные тенденции наблюдались во всём — началось стирание национальной идентичности, национальных границ. На первый план стали выходить межгосударственные объединения. Главным продуктом этого времени стали транснациональные корпорации и идея мирового разделения труда, состоящая, как известно, в том, что отдельным государствам совершенно не нужно производить готовый продукт самим, достаточно делать какой-то один элемент, а остальное можно докупить».

Вспомним Чарли Чаплина с его героем из фильма «Новые времена», который стоит у конвейера и выполняет только одну операцию — закручивает гайку. На чем и свихнулся в результате. Так вот идея глобализации в том и заключается, что каждая страна, вовлеченная в глобальную экономику, завинчивала бы только свою «гайку», а взамен от других соучастников глобализации получала бы все те «гайки», в которых она нуждалась. Регулировать этот процесс взяли на себя США, которые обеспечивали себе запас всех произведенных в мире «гаек» и сохраняли, таким образом, свою независимость от других партнеров по глобализации и свой диктат. По такому пути развивались страны Евросоюза, стирая национальные идентичности, передавая свой суверенитет в наднациональные бюрократические структуры, создавая унифицированные глобальные цепочки производства и потребления.

До какого-то момента это было всем удобно. К сожалению, в России, вляпавшейся в глобализацию по самое не горюй с помощью давно обосновавшихся на Западе олигархов, не сразу поняли, что попали в капкан. Но когда так называемый коллективный Запад вошел в конфликт с Россией, стало очевидным, что все эти глобальные цепочки были на руку только тем, кто стоял у их истоков. Проще говоря, у кого в руках начало цепи, кто ее создал, тот ею и управляет. А все национальные правительства, политики и бизнесы оказались нанизаны на эту цепочку глобальных интересов.

Классический тому пример — устроенный Западом паралич российской авиапромышленности. К моменту начала СВО оказалось, что самолеты нашего Аэрофлота не могут летать. И потому, что на них установлены западные двигатели, и потому, что к ним с введением санкций отказались по-

ставлять запчасты, и потому, что им вообще запрещено летать в страны коллективного Запада.

Не могу не сказать о том, что пришло время отвечать за подобное предательство Родины тем, кто годами втаскивал Россию в капкан глобализации и подрывал тем самым государственный суверенитет России. Думаю, что, именно опасаясь неизбежной расплаты за свои преступления, бежал за границу главный создатель этой многоходовой предательской операции Анатолий Чубайс. За ним тут же последовали засветившиеся в ней чиновники, как оказалось, давно прописанные за границей, в частности, банкир Тиньков и те олигархи, которые поняли, что им в Россию лучше не возвращаться.

Санкции в отношении России и других, попавших в полную зависимость от США стран, показали наглядно, что глобализация фактически оказалась кабализацией со всеми отсюда вытекающими последствиями. И, осознав в полной мере эту опасность, которая прямо вела к потере суверенитета России, Путин и его правительство стали предпринимать срочные меры для освобождения от оков зависимости от Запада. В этом причина возникновения программы импортозамещения, на что Запад ответил целой серией новых санкций и прекращением большей части торговых и других связей с Россией.

Одним из первых осознал перспективу западной кабалы Китай. Он выбрал путь к полной независимости от импорта всего ему необходимого и стал производить всё ему нужное у себя дома, одновременно укрепляя стратегический союз с Россией.

Рекордный товарооборот между нашими странами зафиксирован в 2022 году. В 2023 году ЕС в качестве нашего главного торгового партнера уйдет в прошлое. Его место впервые займет Китай. В 2022 году Россия и Китай показали рекордный товарооборот, который вырос на треть — до 190,27 млрд. долларов, по данным Главного таможенного управления Китая.

Всё это вызвало резкую реакцию США. Там увидели в освобождении Русского мира и Китая, а также других стран от оков глобализации прямую угрозу командной роли США в современном мире. Провалились попытки столкнуть РФ и Китай.

Решимость России и Китая, других стран БРИКС объединиться и дать, наконец, отпор этому претенденту на роль мирового гегемона не могла не вызвать его ответной реакции, причем, как обычно, предельно подлой.

Так что коронавирус не просто так выскочил из пробирки в Ухане. Теперь уже доказано, что его выпустил в китайской лаборатории американский вирусолог по заданию разведки США. А потом в Китай стали запускать всё новые штаммы этого вируса. Да и всем остальным странам с «излишним» населением досталось.

На Украине США завели особые биологические лаборатории в целях подготовки нового оружия для бактериологических войн, в первую очередь против России. Там, в частности, вели в этих целях изучение генетических особенностей русских и других народов России и бывшего СССР.

Отказ России принимать оплату за свои поставки энергоресурсов в долларах и переход ее в этих расчетах на рубли потряс всю международную систему валютных расчетов и, понятно, стал еще одним мощным ударом по «мировому гегемону», государственный долг которого исчисляется уже в триллионах, а расплачиваться ему за долги нечем, кроме зеленых бумажек, которые Федеральная резервная система США может напечатать без всякого обеспечения хоть квадриллион. Именно такая система расчетов позволяет США и другим странам Запада уже около века получать на халяву наши нефть, газ, лес и другие природные ресурсы, оплачивать свои «крестовые походы» против непослушных им государств и держать в кабале зависимые от них страны. Расчет на то, что с помощью доллара и санкций удастся поставить Россию на колени, не оправдался.

Изоляция РФ не удалась, а санкции Евросоюза и США привели к тому, что Европа выстрелила себе в ногу. Рост инфляции и цен, безработица, кризис в целых отраслях экономики свидетельствуют о приближении глобального кризиса, который не минует и США. Перспектива массовых выступлений видна уже сейчас по протестным акциям во Франции, Германии, Италии и других странах ЕС.

Когда холодная война переходит в горячую

История показывает, что глобалисты не раз использовали войну для того, чтобы остановить взрыв социального протеста у себя дома. Конфликт на Украине это правило подтверждает.

В свете всего сказанного выше становится понятнее ставка США и других стран НАТО, попавших в полную кабалу от Вашингтона, на войну на Украине до последнего украинца с очевидной целью предельно ослабить Россию.

В этот самый сложный в современной истории период коллективному Западу, ко всему прочему, не повезло с руководством входящих в него стран. Никогда прежде не было там зафиксировано такое число проходимцев-недоумков и просто дегенератов на высших государственных должностях. Об этом говорит чехарда министров и премьеров в Англии, которые в полном соответствии с известным Законом Паркинсона один за другим демонстрировали свой уровень некомпетентности. Нечто подобное наблюдается и в Германии, где никак не могут оправиться от шоковой терапии социал-демократов и «зеленых» после ухода Меркель с поста канцлера. И вовсе беда с руководством в США. Президент Байден со своими старческими болячками практически только царствует, но не правит. За него это делает фантастически непрофессиональная команда, поголовно русофобская и сионистская. Не исключено, что победившие на выборах в конгресс США республиканцы в конце концов добьются импичмента Байдену в силу его очевидной нетрудоспособности и всё более очевидной причастности американцев к уничтожению «Северных потоков». Так что, как говорится, «куда ни кинь, всюду клин». Отсюда тупое и упрямое разжигание Вашингтоном костра войны, которое ставит под угрозу существование уже не только Украины, но и всего коллективного Запада, так как вероятность перерастания этого локального конфликта в глобальный тем реальнее, чем больше современного оружия США и их союзники бросают в этот костер, объективно становясь уже непосредственными участниками боевых действий.

И ДАЛ БОГ СИЛЫ

ПОВЕСТЬ

Посвящается Токареву Андрею Васильевичу — советскому солдату-победителю, русскому мужику, кузнецу из села Озёрки колхоза «Россия» Петровского района Саратовской области

От автора

В молодые годы я работал в районной газете. Много и охотно писал о деревенских людях. Видимо, кое-что получалось, потому как редактор поддерживал моё стремление, за что я бесконечно благодарен ему.

С особым желанием писал о фронтовиках. Хотелось больше узнать о войне не понаслышке, не по книгам, а от самих участников боевых действий. Узнать, как вел себя и что чувствовал человек в минуты смертельной опасности. Писал, осознавая, что с каждым годом фронтовиков становится всё меньше.

...В тот далекий зимний вечер меня поразила и взволновала судьба простого солдата и труженика, его человеческая трагедия и сила духа, верность его жены и жестокость людской молвы. Всё это спустя десятилетия и легло в основу художественной повести «И дал Бог силы».

ПРОЗА

Помнится, стоял морозный февраль. Низкое затуманенное солнце висело над глубокими снегами, а ветер старательно нес густую бесконечную поземку, выравнивая поля, засыпал овраги и балки. Зима поднатужилась и решила еще раз показать свою лютость, загнать под крышу всё живое.

В такую погоду мы выехали из Петровска в Большие Озёрки на старом управленческом «газике». В другое время поездки наверняка бы отменили. Но колхоз остался единственным хозяйством, где не была проведена аттестация механизаторов на класность, а через день необходимо было отчитаться о завершении работы в область. Поэтому главный инженер Ефим Иванович Костров, мужик волевой и инициативный, а также инженер по технике безопасности Василий Кириллович Суханец, не колеблясь, отправились в сорокакилометровый путь.

Меня же редактор послал собрать данные для корреспонденции об учебе механизаторов и взять еще парочку зарисовок «на своё усмотрение». В то время у нас в редакции был негласный закон: «Без полосы не возвращайся». То есть из каждой поездки надо было привезти материал на целую газетную страницу. Конечно, это мешало нам писать глубоко и основательно, но работа была захватывающая, интересная, дающая массу свежих фактов и сведений.

...Мастерская встретила нас запахами солярки, масла, напористым шипением газосварки и веселым перестуком металла. Иногда ровно урчал электротельфер, перетаскивая или приподнимая тяжелые детали тракторов. Из боковой комнаты вырывались ослепительные вспышки электросварки. В просторном помещении среди разобранных и неподвижных машин отчетливо разносились голоса механизаторов. В мастерской своим чередом шел обычный рабочий день.

Нас ждали. Председатель колхоза, лобастый и неразговорчивый мужик, крепко пожал нам руки и коротко сказал: — Пойдемте наверх. Там все собрались.

С Борисом Александровичем Видинеевым я встречался не раз. И всегда после этих встреч чувствовал неудовлетворенность. Не находили мы общего языка. Замкнут был председатель и очень осторожен в суждениях. Мне же по молодости лет хотелось поспорить, излить душу, прямо высказать свои мысли по колхозным и рабочим делам. Я и пытался это делать. Но председатель с затаенной усмешкой в холодных бледносиних глазах прерывал меня и спрашивал: «По какому делу

приехал, молодой человек?» Вот и весь разговор. Помню, как-то высказался вслух: «За что этого нелюдима уважают и беспрекословно слушаются колхозники?» На это тут же получил отповедь от рядового скотника, который, несмотря на мой фотоаппарат и модную в ту пору шапку с козырьком, урезонил:

— Ты, парень, нашего председателя не тронь. Мы с ним колхоз из ямы на большую дорогу вытащили. Что до характера — так он у каждого свой. Посуди, скукота-то какая была, если бы мы все на одну колодку были сделаны.

Председатель колхоза представил нас собравшимся механизаторам как членов аттестационной комиссии и пригласил сесть за стол, на котором минуту назад азартно стучали в домино молодые механизаторы. «Убери», — коротко бросил председатель, и молодой парень проворно сгреб костяшки в свою шапку.

В низкой обшарпанной комнате было прохладно и накурено.

Главный инженер коротко и ясно объяснил суть предстоящей аттестации и приступил к делу. Аттестация состояла из двух частей: теоретической и практической.

Для оценки теоретических знаний на стенах были развешены плакаты и таблицы. Раздали вопросы. А спустя время Костров спросил, кто желает отвечать первым. Таких не оказалось. Под взглядом главного инженера опускали головы даже бывалые механизаторы. Поди, ответь-ка первым, коль сам главный инженер спрашивать будет. В грязь лицом кому хочется ударить? А тут еще слово-то какое придумали: «аттестация». Оторопь и взяла мужиков. Но один человек ни голову не опустил, ни глаз не отвел. Сидел прямо, откинувшись к стене, и угрюмо смотрел поверх товарищей. Присмотревшись, я сделал неожиданный для себя, но оказавшийся точным вывод: как сильно похож этот человек на узника фашистских концлагерей. Лицо его было сухое, изможденное, с заостренным подбородком. От висков, где кудрявились седовато-рыжие волосы, мимо плотно сжатых бесцветных губ до подбородка — через все лицо пролегли глубокие скорбные морщины. И взгляд. Тяжелый, измученный, придавленный, будто остекленевший, однако решительный и упрямый. Когда он чуть повернулся влево, я увидел на правом виске бледно-розовый шрам.

Молчание прервал председатель. Он тяжело опустил на стол мощную руку и сказал неожиданно мягко и доверительно:

— Смелее, смелее, мужики. Неделями не спали — хлеб убирали, зябь пахали — тоже неделями не спали. Не оробели, справились. А тут чего опасаетесь? Ведь готовились же!

Отлегло от души у механизаторов. Повеселели, заулыбались. Под это оживление председатель и позвал:

— Тимофей Егорыч, а ну-ка давай сюда, сейчас посмотрим, кто технику лучше знает, мы или они?

Я жидал, что поднимется кто-то из молодых, но встал неожиданно тот, с изможденным лицом узника, и спокойно прошел к столу. Пока он объяснял, правда, не совсем гладко, устройство топливной аппаратуры, я рассмотрел его внимательнее. Черты, которые поразили раньше, вблизи были обозначены еще чётче. Он был небольшого роста и очень худ. Худобу подчеркивал острый кадык, который при разговоре ходил над воротником замасленной до блеска телогрейки. Однако чувствовалось, что жизненные силы в изможденном человеке не иссякли. Отвечал он не всегда впопад, но напористо, запальчиво, а под конец ответа вообще весело получилось.

— Кем работаешь? — спросил Костров.

— Всю жизнь трактористом, а зимой в кузне.

— Кузнец, значит?

— Да.

— А какими мерительными инструментами пользуешься?

— А зачем они мне?

— Как зачем? Чтоб точно всё было, чтоб поковку не запороть.

— А мы на глазок с Павлухой сделаем.

— Ну-у, — протянул Костров, — вы так с Павлухой наукаете, что всем колхозом не раскуёшь.

— А давай на испыток! — запальчиво сказал кузнец.

— А давай! — вскочил с места Костров и протянул руку. — Если скуешь деталь с браком, не видать тебе первого класса, хоть ты и старейший механизатор.

Под всеобщий одобрительный гул ударили по рукам, и кузнец сел на свое место.

Аттестация пошла веселее. Участники уже не делились на начальство и нена начальство. Сидели и разговаривали на равных заинтересованные в общем деле люди. Когда вопрос был трудный, истину искали сообща. Помню, удивило то, что председатель, никогда не работавший на тракторе, хорошо разбирается в технике, грамотно подсказывает механизаторам. Костров тоже удивился этому и был доволен. Один раз даже сказал в шутку: «Смотри, Борис Александрович, поставлю за подсказки в угол».

В ответ председатель озорно подмигнул смеющимся мужикам. Этот с виду неулыбчивый, молчаливый, сдержанный человек — первый товарищ и советчик для мужиков. Он хоть

и сверху, а все равно среди них, заодно с ними. Да и очень мне понравилось, как подбадривал он механизаторов, каким добрым светом и участием сияли его глаза в разговоре с колхозниками. Уважал он их сильно и стоял за них горой.

2

Получив практические задания, по громыхающей железной лестнице все спустились в цех. Получил задание и кузнец Краснов — такая была у него фамилия. Тимофею Егоровичу предстояло отковать кольцо для катка ходовой части гусеничного трактора. Костров напомнил об уговоре, на что кузнец вскинул голову и пожал плечами: мол, какой разговор.

Надо сказать, к кузнецам и плотникам я с детства неравнодушен. И не случайно. В послевоенном селе это были первые люди, крайне необходимые как в колхозе, так и в личном хозяйстве. Это сейчас иди в хозмаг и выбирай на вкус любую нужную в хозяйстве вещь. А тогда всё — от сковородника до маленькой детали к трофейному мотоциклу — делал кузнец. Ну а мы, ребяташки, народ любопытный, так и вились около наполовину утонувшей в земле и заросшей сверху лебедой кузницы.

Поэтому, походив с Костровым по цеху, я отстал от комиссии и пошел в боковушку, откуда сладко тянуло горящим углем и раскалённым железом. А вскоре незаметно-незаметно почти все мужики собрались в кузнице. Из любопытства, чем спор закончится. Расселись кто на чём, задымили самокрутками, дешевыми сигаретами.

— Смотри, Тимоха, не подкачай! — подзадорил один из них.

— А то баба из дома выгонит.

Все засмеялись, за исключением кузнеца. Скинув фуфайку, он колдовал у горна. Рядом с наковальней, слегка облокотившись на черен кувалды, стоял и по-детски улыбался могучий глухонемой молотобоец Павлуха. Его здоровое, налитое молодой кровью лицо явно выражало удовольствие от внимания, которое им нынче оказывали.

В горне ярко горел уголь. Не меха, как раньше, а мощный вентилятор гнал кислород и давал жизнь горну. Кузнец большими клещами выхватил из самого пекла раскаленную добела полосу металла, положил на наковальню и слегка пристукнул молотком. И вмиг многокилограммовая кувалда легко взлетела вверх и ухнула по металлу. Брызнули искры. Снова удар. Еще, еще. Мнется, приобретая нужную форму, железо.

Кузнецы работали сноровисто, увлеченно, понимая друг друга по каким-то своим жестам, взглядам, по форме и цвету металла.

Вскоре полоса нужной длины и толщины была откована. Предстояло самое главное — согнуть ее в кольцо и сварить концы кузнечной сваркой. Снова раскалили металл добела. Теперь Павлуха точно и осторожно орудовал небольшой кувалдочкой. Кузнечный молоток играл в руках у Краснова, выбивая на наковальне веселую перезвонную песню. Неподвижное лицо его оживилось, отмякло, на щеках проступил легкий румянец. От горячего дела и раскаленного железа на лбу выступили капельки пота, глаза с прищуром неотрывно следили за металлом. Примерил кольцо на образец и снова сунул несоединенные концы в горн. Теперь осталось накрепко заварить их.

Всё! Кольцо, коротко прошипев в ванне с водой, легло на наковальню рядом с образцом. Костров взял в руки деталь, придирчиво осмотрел. Мужики, сгрудившись вокруг, молча ждали конца спора. Костров не торопился. Сверил кольцо с образцом, даже по весу их прикинул, затем выверил округлость циркулем.

Краснов в оценке своей работы не участвовал. Он молча стоял в стороне и вытирал тыльной стороной ладони капли пота со лба. Лицо его, оживившееся в деле, снова закаменело. Только Павлуха стоял рядом с Костровым и внимательно следили за руками главного инженера, за выражением его лица и движением губ.

Наконец Костров коротко сказал: «Добротная работа». Мужики одобрительно загудели. Но Костров, продолжая вертеть кольцо, добавил: «Только, кажется, сварка слабовата. Не растянет его?» Здесь Павлуха, поняв, в чём сомневается начальник, не выдержал, выхватил кольцо, зажал его кузнечными клещами и рассерженно промычал, показывая на наковальню: мол, поддержи-ка. Костров усмехнулся, взял клещи. На этот раз кувалда Павлухи так жажнула по наковальне, что мужики невольно зажмурились. Кольцо сплюснулось в восьмерку, но концы не разошлись, сварка выдержала. Довольно улыбаясь щербатым ртом, Павлуха что-то промычал в сторону Краснова, поднял почерневший от металла большой палец.

Председатель коротко подытожил:

— Плохого кузнеца мужики давно бы выгнали. Проиграл ты, Ефим Иваныч. Ставь первый класс.

— Егорыч! — в шутку крикнул кто-то, — беги за пузырьком. Твоя взяла! Видать, ты здорово бабу-то свою боишься.

Не подкачал. Проспорил бы первый класс, она устроила бы «молотобойню».

Для подведения итогов аттестации снова собрались наверху. За окном уже спускался недолгий зимний вечер, покрылись синевой глубокие снега. По ним продолжал разгуливать ветер. Временами он тоненько и заунывно посвистывал за окном, а то вдруг налетал на мастерскую всей грудью и тяжело вздыхал, отступая в морозную, заснеженную степь.

Костров подвел итоги, сказал, кому и какой класс присвоен. Возражений не было. Только по Павлухе-молотобойцу мужики выразили несогласие. Он хоть и не кончал никаких курсов, но в железках толк знает и на тракторе при необходимости управляется не хуже опытного механизатора. Так что от аттестации его никак отстранять нельзя. И заключили: «Дать Павлухе второй класс». Молчавший до этого Костров усмехнулся и спросил:

— Кто здесь классность присваивает? Вы или члены комиссии?

Мужики поумолкли.

— Какой разговор? Конечно, вы, — раздался глухой голос кузнеца. — Только и нас не надо отпихивать. Нам виднее, кто на что горазд. Лучше у меня один разряд отнимите, а ему отдайте. Павлуха — работник золотой.

Под возгласы одобрения Павлухе записали второй класс.

— Какие еще есть вопросы, товарищи? Давайте. Не так часто собираемся вместе. В поле-то много не поговоришь, работать надо. Есть у кого что? — спросил Костров.

Председатель, взглянув на переговаривающихся механизаторов, поддержал главного инженера:

— Давайте начистоту, мужики. Чего тут греха таить, порой так обложите районную инженерную службу, что уши вянут от мата. Вот и выясняйте отношения. Может, район-то не виноват. А, Тимофей Егорыч? Ты вот на колхозном собрании про рационализацию спрашивал, — обратился он к кузнецу.

Краснов встал, потоптался и, решительно рубанув рукой, заговорил быстро и запальчиво:

— Ты зря меня, председатель, подталкиваешь. Знаешь — и сам не смолчу. Да и в твой огород заеду. Я вот тринадцать лет на своем «ДТ» без капитального ремонта работаю. Выработка — не хуже других. Слышал я, за экономию на ремонте премии дают. А у нас нет. Зашел как-то в правление в бухгалтерию спросить, сколько я накопил денег для колхоза. Ни хрена никто не знает. Сидят все расфуфыренные, душистые и шикают на меня: чего, мол, тебе надо, у нас своих дел пол-

но. Пришел домой, а баба подозрительно косится на меня и спрашивает: «Ты у кого это был? От тебя духами несет».

Мужики засмеялись и закивали в знак согласия.

— Много их там сидит, — продолжал кузнец, — человек двенадцать. И бухгалтер, и экономисты, и счетоводы всякие. И чего они считают и экономят в кабинетах-то? Здесь вот надо считать, в мастерской. А они сюды и дороги не знают. Боятся толстые задницы растрясти.

— Полегче, Тимофей Егорыч, — тихонько попросил председатель.

— Да уж легче некуда, — отрезал кузнец. — Ты послушай, что люди толкуют: в правлении народу стало больше, чем людей на току в уборочную. Да ладно бы прок был, а то вся работа, что руку за получкой тянуть.

— Эти вопросы на колхозном собрании или на правлении надо ставить, — недовольно и громко проговорил заведующий мастерской. — А здесь...

— Нет! — твердо прервал его председатель. — Дельные мысли — они всегда вовремя. Слушаем тебя, Тимофей Егорыч.

— Да я уж выговорился, считай, — поспокойнее ответил кузнец. — Вот только за умельцев наших скажу, и всё. Каждый год у нас кто-нибудь такую штуковину сделает, что работа сподручнее идет. Прошлым летом прислали на уборку большие машины, а они ни под один подъёмник не подходят. Бабёнки полдня вручную одну такую громадину разгружали. Простаивали комбайны, уборка не клеилась. И совсем бы расклеилась, если бы Павлуха не придумал самодельный подъемник.

Из соседних колхозов приезжали инженеры перенимать его выдумку. Денег колхозных сэкономил! А ему ни награды, ни слова доброго. А у вас, Ефим Иваныч, есть специальное общество, чтобы следить за этими делами. Да, кажись, оно так же, как наша бухгалтерия, работает.

Костров крикнул и потёр руки.

Потом слово поочередно брали председатель и главный инженер. Оба согласились с критикой и поддержали кузнеца. Затем говорили, что ремонт надо вести быстрее, что бороны не отлажены, а к сеялкам и вовсе никто не подходил. А весна — она, сколько мороз ни жми, свое возьмет. Мужики жаловались на нехватку запчастей, на некачественный и несвоевременный ремонт двигателей в обменном пункте. Но соглашались: помощь помощью, а сеять и убирать хлеб им и никому другому.

Мы решили заночевать в Озерках. Рисковать не стали. В такую темень и с трактором нетрудно сбиться с пути — увяз-

нуть в придорожной балке. К тому же начал падать снег. В ночной тьме рождалась метель.

Председатель позвонил в колхозную гостиницу (так громко называли небольшую комнату с четырьмя койками в правлении колхоза).

— У меня поужинаете, а спать туда пойдете. В моем доме места вам не хватит, — распорядился председатель.

Я отказался от предложения и по обыкновению попросился устроить на ночлег к какому-нибудь интересному мужику. По своему небольшому опыту знал, что после бесед в домашней обстановке, не второпях, не наскоком, рассказы о людях получались теплые, задушевные и жизненные.

Председатель подумал и сказал:

— Вот к Тимофею Егорычу и сходи. Только, знаешь что, молодой человек, если сумеешь разговориться с ним и будешь писать в газету, всё хорошо продумай. Не рань его ненароком. У него и так ран на теле и в душе на десятиртых хватит.

— Кстати, — вмешался в разговор Костров, — интересный у вас этот кузнец, башка у него варит. Смотрю, и колхозники к нему прислушиваются. Я бы на твоём месте, Борис Александрович, его в Совет или в профком выдвинул.

— Не раз пытался, — ответил председатель, — ни в какую.

И, помолчав, добавил:

— Война человека искалечила. Уверен, не она бы — так и работал бы я сейчас директором в школе, возился с ребяташками. А колхоз возглавлял бы он, Тимофей Егорович. Это точно. Справедливый мужик. Во всём первый. Его и зовут у нас Тимофеем Первым.

3

Тимофей Егорыч, несмотря на поздний час, был в кузнице. Прибирал инструмент, подметал полы, заготавливал уголь на завтрашний день.

— Егорыч, постояльца на ночь не возьмешь? — спросил председатель.

Кузнец высыпал принесенный с мороза уголь в ящик, что стоял рядом с горном, взглянул на меня и просто сказал:

— Отчего не взять, места в избе много. Пару ведер еще принесу — и пойдем.

И я остался наедине с кузнецом. Вызвался помочь ему, но тот отказался: нечего мазаться из-за ерунды. Оглядев кузницу хозяйским взглядом, закрыл дверь на замок и сказал мне:

— Опускай уши. Там такое поднялось — сразу голову надует.

Последовал его совету и завязал уши шапки на подбородке. Стукнула дверь мастерской, и мы ступили в стонущую

темь. Ни огонька, хотя рядом село. Свет электрических ламп терялся в снежной круговерти. Ветер то подталкивал в спину, то хлестал в лицо колючим снегом.

— Держись за мной! — прокричал в ухо кузнец и уверенно пошел вперед.

Чтобы не потеряться в пурге и не уйти в поле (таких случаев было немало, и далеко не все они кончались благополучно), я шел вплотную за кузнецом, часто натываясь на его спину. Так мы и шли минут двадцать. Лицо привыкло к ветру и снегу, тело от ходьбы разгорячилось.

Наконец мутно засветились окна домов. Тимофей Егорович остановился и крикнул в ухо, сиюсь перекрыть вой пурги:

— Ты водку-то маненько пьешь? Может, возьмем четвертушку? А?

И не дожидаясь ответа, решил самостоятельно:

— Возьмем. Ишь как тебя скрючило.

Через несколько минут он вернулся из магазина и показал полулитровую бутылку:

— Вот жизнь пошла — четвертушку не купишь. Там около Варьки-продавщицы парни толкутся. На смех меня подняли. Ты, говорят, дядь Тимоха, будто не в наш век живешь: четверками давно уже никто не пьет, их даже выпускать перестали. Бери сразу литр — самый раз вам с тетей Груней будет. Зубоскалы этакие...

Вскоре мы свернули в темный переулок, помесили глубокий скрипучий снег и вышли на соседнюю улицу. Налево пятый дом — Красновых. Два окна на улицу и три — в сад. Все светились. На одном из окон, что выходит на улицу, голубенькая занавеска была одернута.

— Меня ждет, — с довольной интонацией сказал кузнец. — Смотри — все фары включила. В пургу или осеннюю слякоть — всегда так. Ну, входи, парень, старуха у меня до гостей — что до меду. И поговорить охоча, а пуше послушать. Ты ей в гостинец будешь.

Графена Федотовна, женщина лет пятидесяти пяти, крепкая, ширококостная, с сильными сухими руками, ступевалась, когда узнала, что привел муж ночевать человека из района, а потом засуетилась. Сменила старый залатанный передник на новый, в мелкий горошек по темно-зеленому, повязала свежий коленкоровый платок — и сразу помолодела, зарумянилась с лица.

Пока хозяйка гремела в печи ухватом, Тимофей Егорыч провел меня в переднюю комнату и усадил на диван, покрытый голубым плюшем. В комнате было чисто и уютно. На

стенах в темных рамках висели фотографии, а по бокам их — бумажные цветы.

Равномерно и убаюкивающе тикали ходики. Во всём чувствовался раз и навсегда сложившийся порядок.

— Ужинать пойдемте, — позвала Аграфена Федоровна.

Тимофей Егорович достал из комода три граненых стакана и усмехнулся: «Удобная посуда. Хошь помалу, хошь всклень — всё годится».

Аграфена Федотовна поставила передо мной большую эмалированную миску со щами и подала деревянную ложку. Хозяин налил по стаканам.

— Ну, — сказал он, — за встречу да знакомство. Быть добру! — и залпом выпил.

Аграфена Федотовна глотнула из стакана, закашлялась, прикрыла рот кончиком платка и выбежала с кухни. По всему видно, в этом деле она была не мастерица.

— В жизни не видел ее навеселе. Это она ради гостя.

А так — трезвенница. Ты женат? Следи за бабой. А то они нонче хлеще мужиков заливают. А баба пьет — гиблое дело.

И надолго замолк, степенно и старательно работая ложкой.

— А вы, значит, из району? — с любопытством разглядывая меня, спросила хозяйка.

Надо сказать, от природы я не больно говорливый.

А здесь, видимо, водка подсобила. Словом, получился у нас с хозяйкой обоюдно заинтересованный разговор. За каких-нибудь полчаса она у меня такое интервью взяла, что знала обо мне всё.

Даже моя родная тетка оказалась ей знакома — были когда-то вместе на слёте доярок. Тут уж я и вовсе своим человеком в доме стал. И хозяин, гляжу, отмяк от нашего разговора, потеплел взором.

— Смотри, мать. Совсем как Мишка наш. Душа-то нараспашку, без утайки всё. Ох, и трудно вам в жизни будет. Ну, ничего, это не в укор человеку, — вошел в разговор Тимофей Егорович, снова наливая стаканы.

Аграфена Федотовна сразу умолкла. По-видимому, в доме привыкли слушать хозяина не перебивая.

— За первый класс! — поднял я стакан.

Кузнец был польщен. Он повернул свою крупную с широкой лысиной голову к жене и довольно сказал:

— Мне сегодня первый класс присудили, мать. Экзамены сдавал начальству. Теперь прибавка к получке будет. Мишке побольше высылать сможем. — И пояснил мне: — На последнем курсе он у нас, инженером в колхозе будет.

Вспомнив аттестацию, я с нескрываемым любопытством спросил у кузнеца, как он сумел кольцо отковать без всякой мерки. И в кон попал своим вопросом, польстил снова мастеру. Рассмеялся он, оживился еще больше, другим человеком представился мне и ответил:

— Да я бы это кольцо с закрытыми глазами отковал.

Тут, чую, разговор хороший может получиться. Спрашиваю снова, просто, по-деревенски:

— Дядь Тимофей, а почему тебя Тимофеем Первым кличут?

— Кто сказал?

— Председатель.

Кузнец подумал немного и ответил:

— Это он из уважения так назвал. А по-уличному Тимоха я, Тимоха Рыжий. — И спросил: — А еще ничего не говорил председатель.

— Нет, — отвечаю.

Снова посуровел лицом хозяин, глотнул из стакана, закусил квашеной капустой и тяжело вздохнул:

— Было у меня еще одно прозвище... Не дай Бог никому такого. Насилу оторвал от себя. Считаю, с мясом отодрал.

— Расскажи, дядь Тимош, а? — прошу я.

Он долго и серьезно рассматривает меня в упор, потом потечески улыбается и говорит:

— Ну, чисто Мишка. С полстакана, как красна девка сидит, аж уши загорелись.

Знать, крепко любит сына Мишку суровый кузнец.

Когда Тимофей Егорович, лихо пыхнув самокруткой, изготавился вести рассказ, жена тихонько и ласково, но встревоженно спросила:

— Можя, не надо, Тимонь, себя бередить-то?

— Не бойся, мать, давно отошло-отболело. А человек из газеты, может, и скажет правду про Тимоху Рыжего. Как его жизнь крутила-мутузила, как люди от него отворачивались и руки никто не подавал...

По тому, как были сказаны эти слова, как сузились глаза, каким сурово-сосредоточенным стало лицо, понял я, что ничего не отошло и не отболело у этого человека. Продолжает он страдать от какой-то давней душевной раны.

Тут сказ о Тимохе Рыжем и начинается. Послушайте его, други мои, это вам не хренотень с телевизора.

4

Жил когда-то на их улице, тихой и заросшей вишнёвником, безногий сапожник Кондрат. Мастер по этой части — хоть куда. И совестливый. Никогда лишнего не заламывал

за работу. Наоборот, иногда, словно испытывая человека, говорил беззаботно: «А сколько положишь — с того и будет». Если заказчик называл слишком большую по понятию сапожника цену, сердито сосал неразлучную трубку и бурчал: «Ишь куды хватил... Больно хлеб легко жевать буду». Работу же любую делал одинаково справно: хоть заплатку маленькую пришивал, хоть тачал хромовые сапоги со скрипом или валял чесанки озёрским невестам. В уважении был безногий Кондрат.

Любил он перво-наперво свою трубку курить, а еще возиться с деревенскими ребяташками. Своих детишек у него не было. До империалистической не успел обзавестись по молодости, а потом, оставив в полевых госпиталях обе ноги, издробленные по колено железом, не выходило у них с женой насчет продолжения рода. Вот и тянулся Кондрат к детворе. А ребяташки, чуя доброту и ласку, так и вились у Кондратова дома. Да надо сказать, и затейник был сапожник по части ребячьих забав. То пушку им из бревна смастерит, большую, на колесах, то расскажет, как был наводчиком и с одного выстрела разнес германский пулемет, то затеет среди ребят борьбу и сам же судит, чтобы все по правилам было, честно.

Особенно нравилось ему устраивать бега наперегонки.

Соберутся ребяташки под горой, у старого тополя, и ждут, когда Кондрат команду даст. Тот поднимет руку и, резко опустив ее, кричит задорно: «Пли!» И бегут пацаны, напрягая всю силу. Нелегко бежать в гору по песку, что намыли прошедшие ливни. Поэтому кто младше и послабее — отставали, прибежали запыхавшиеся, красные и смущенные. Кондрат всегда подбадривал их: «Вот самые молодцы. Севодня уже меньше отстали. Самые молодцы!»

Первыми же обычно добежали до Кондрата огненно-рыжий широкогрудый крепыш Тимошка Краснов и заносчивый рослый Витька Бугров. Витька был на год старше Тимошки, а потому считал, что бегаёт всех быстрее. Тимошка не соглашался. Спор разрешил Кондрат. Он назначил на вечер испытание: бегать от тополя до трех раз — кто больше прибежит первым, тот и лучший.

Весь день под жарким солнцем у пруда только и разговоров было, что о Тимошке и Витьке. Разделились на два лагеря — одни за Тимошку, другие за Витьку. А вечером все ребяташки большого села собрались на горе. Из домов вышли даже парни и взрослые мужики: полюбопытствовать, чья возьмет. Сила и ловкость испокон веков вызывала у деревенского человека восхищение.

Кондрат по случаю такого сбора надел новую черную рубашку-косоворотку и снял кожаный передник. Похоже, на душе у него был праздник. Он с особым смаком сосал трубку и ласково глядел на шумящих ребятишек. Даже жена Кондрата, тихая неразговорчивая женщина, вечно занятая хозяйством, вышла ко двору посмотреть испытание.

Солнце уже спускалось к лесу, и жар заметно ослаб, а с низин и оврагов потянуло вечерней прохладой. Кондрат торопился. Испытания надо провести до того, как пригонят с лугов скотину: встречать и загонять коров и овец в хлева было обязанностью большинства мальчишек.

Сначала Кондрат устроил общие испытания. Эх, и весел, и шумен же был этот бег босоногих и почерневших от загара мальчишек! Запыхавшиеся, с сияющими глазами, они рассказывали друг другу, кто, как и кого обогнал. Но вот Кондрат поднял руку с дымящейся трубкой, и все затихли. Началось главное испытание. «Пли!» — прозвучала команда, и два паренька сорвались с места.

Витька бежал, как молодой конек, играючи и свободно, Тимошка, наклонив вперед свою огненно-рыжую голову, яростно работал руками и ногами, шумно выдыхая воздух. На подъеме он не заметил промоину и споткнулся. Витька шага на три перегнал его. «Ура! — кричали сторонники Витьки. — Наша взяла!»

Вспотевшей рукой Кондрат приглаживал поседевшие волосы и говорил: «Сделайте передых, пацаны. Подряд сразу не можно, запалитесь».

Второй раз победил Тимошка. На целых четыре шага победил. Здесь уж не было конца восторгу Тимошкиных сторонников. Они бросались незрелыми дикими яблоками, что обильно родились в окрестных лесах, и кричали: «Что? Взяла ваша? Держи карман шире! Слабо супротив Тимошки. Слабо-о!»

Тимошка, плотно сжав губы, первый пошел под гору к тополю, откуда начинали бег. Темно-синие глаза его зло блестя, походка была решительная и напористая. Казалось, ему было невтерпеж скорее выиграть схватку. Подбежал младший братишка Сёмка:

— Тим, Тим! Перегони его, чего он хвалится. Ничего он не быстрее. Ты вон как сильно бежал, аж-ды песок из-под ног вылетал. Перегони, Тим, чтобы не задавался.

— Перегоню, — сердито пообещал Тимошка.

И перегнал. На самую малость, на полшага каких-то, но был впереди Витьки. Это видели все, и никто не оспаривал Тимошкину победу.

И безногий сапожник Кондрат, заставив Тимошку встать на толстый дубовый пенек, возвестил громко и торжественно: — Ты, Тимоха, первый! Валенки тебе бесплатно подошью. Так и стал Тимошка Краснов с того дня Тимохой Первым.

5

Всё ладно да складно получалось в жизни у Тимохи Первого. Словно оправдывая свое прозвище, он и впрямь был везде первым. Первым из сверстников закончил семилетку — хорошо шла у него грамота. Дали ему похвальный лист, и старый учитель Тимофей Архипович посоветовал: «Учиться, Тимоша, дальше надо. Голова у тебя светлая».

И пошел Тимофей Первый получать знания дальше, только не в школу, а на курсы трактористов. Это был самый почетный для тогдашней молодежи путь. Да и самый верный, скажу я вам. Сейчас ведь чего: ходят по улицам здоровенные парни, как говорят, кровь с молоком, а делать до двадцати пяти лет ни хрена не умеют.

И ничего. Женятся, детей наплодят. А жить-то чем? Вот и тянут из родителей соки, гнут их в дугу.

В Тимохино детство по-иному все было. Ребята с малых лет тянулись к ремеслу, к самостоятельной жизни.

А старшие способствовали этому. Умение работать ставилось превыше всего. Оттого крепок душой и телом был сельский человек, что дело для него первой всего в жизни было, не давало негу да лень растить.

Не посидит, бывало, Тимоха на месте. То у мастера что-либо уясняет, то к трактористам убежит помогать в ремонте, то книжки по технике читает. Серьезно учился, а потому вернулся из города в родное село настоящим механизатором. Старые трактористы даже пошумели меж собой из-за права взять Тимоху в помощники. Чтобы не обидеть их, а Тимоха сильно уважал старших, вызвался по очереди быть у них помощником. На это мужики рассмеялись и определили к пожилому трактористу Степану Иноземцеву. В последнее время Степан что-то прихварывал, тяжело стало ему. Так Тимоха и поможет — рассудили мужики. К тому же Степан земли колхозные знал и как хлеб растить представление имел. Подучит Тимоху.

Хорошо, когда человека на ноги всем селом ставили. Не было на улице чужого ребятенка без присмотра. Коль отец или мать недоглядыт что, так сосед или просто односельчанин подможет. Бывало, и штаны кой-кому спустит чужой дядька и всыплет по мягкому месту. И упаси Господи пожаловаться родному тятке — еще добавит, да похлеще.

Года через полтора схоронили Степана Иноземцева. Пересилила все-таки его болезнь. А трактор отдали Тимохе. Он и до этого пропал в поле да мастерской, а как в полные трактористы произвели — дневать и ночевать стал там. Горяч до дела был, ненасытный в работе. Как самого молодого его на дальние поля посылали. Коль сломается техника — добежит до мастерской, у Тимохи ноги молодые да резвые, так рассуждали. А он и рад. День пашет да ночь прихватит, ночь пашет — да день урвет. Когда и спал только? Сила гуляла в нем молодая, чувствовал он ее, и весело становилось от этого.

Бригадир не нахвалится, с языка не спускает: Тимоха да Тимоха Первый. Таких бы молодцов с десятков — мигом землю образили, обиходили, и сыпанула бы она хлебушком. Ее, землю-то, ласкать да холить умеючи надо, а не так, как сейчас: кое-как накромсаем да наспех разбросаем. И выходит: земли много, а толку мало.

А втайне бригадир думал: вот и заменщик для меня растет. Не смотри, что молод, а считай, первое слово имеет по железкам. Другие, глядишь, спорят с ним, но все равно выходит по-timoхиному. Голова!

Как-то раз прислала мать на дальнюю загонку обед со счетоводом Нюркой. Было жарко и безветренно. Над трактором клубилась пыль, покрывая густым слоем и технику, и тракториста. Пот крупными каплями стекал из-под кепки и скатывался по замасленным штанам на пышущее жаром железо.

— Трактористик, маманька обедать велела, — весело крикнула Нюрка, поровнявшись с Тимохой, и показала белый узелок.

Нюрка была лет на пять постарше Тимохи. Озорная и языкастая, она часто задирала парня, злила и вводила в краску своими шутками. Но характер у Нюрки был безобидный, легкий. Вскоре, как правило, Тимоха отходил, и они дурачились уже вместе.

Нюрка остановила лошадь, слезла с телеги и замотала на оглобле покороче вожжи — чтоб не убежала ненароком. Открыла квадратную крышку в пристроенной в телеге бочке с водой, зачерпнула большой жестяной кружкой.

— Давай полью, а то одни глаза да зубы остались, как запылился. Сымай рубаху, охолонись немного.

Тимоха бросил на землю кепку-семиклинку, стянул прилипшую к потному телу рубаху и подставил под кружку ши-

рокие ладони. Нюрка щедро поливала прохладной водой Тимохину шею, спину и любовалась густыми темно-медными кудрями, крупными кольцами спускавшимися до плеч, крепкими выпуклыми мышцами Тимохиного тела. А когда он вытерся чистой холстиной и откинул со лба влажные кольца волос, заглянула ему в глаза и удивленно проговорила:

— Тимоньк? Парнем-то каким ты стал. Весь крепкий да огненный. Куда только девки наши смотрят? А, может, ты и ходишь такой чумазый, чтоб не разглядели — то ли Тимоша, то ли дед Троша.

— Нюрк, не задирайся, дай поесть, — смутился под взглядом женщины парень.

— А то что? Отколотишь? — не унималась Нюрка и придвинулась к Тимохе ближе. — Как парней Нагорновских давеча? Тимонь, за что ты их? Из-за девахи, да?

— А что? Говорят? — насторожился Тимоха.

— Говорят! — кивнула Нюрка. — В сельсовет жаловаться на тебя ходили. У Витьки Бугрова все лицо синим заплыло. На работу не пошел...

— Это он споткнулся вчера, — зло усмехнулся Тимоха, запивая масляные блины молоком из глиняного горшка.

Любопытной Нюрке так и не удалось ничего выведать.

На ночь Тимоха не пошел домой, остался спать в полевой будке. Доел молоко с пшеничным хлебом и завалился на пахнувшие соляркой и маслом нары. В поле было темно и тихо. Тимохе не спалось. На душе было спокойно, хотя и говорила Нюрка, что призовут его к ответу в сельсовет за вчерашнюю драку.

Вчера вот так же тихо и тепло было. У клуба звонко играла двухрядка. Песни сменялись танцами или веселой и бойкой пляской. Гулянье было в самом разгаре, когда Тимоха протиснулся к загородке, где стоял со своими дружками Витька Бугров. Остановившись перед ним, спросил срывающимся от волнения голосом:

— Ты зачем врешь?

Витька пренебрежительно мотнул головой и пожал плечами.

— Я о Груне. Ты зачем ее... Врешь ты!

Почувствовав скандал, гулянье притихло.

— Шагал бы ты отсюда, заступник, — угрожающе проговорил Витька. — Ты что, проверял после меня?

Кровь бросилась в голову Тимохи. Крепко сжатым кулаком он что есть мочи ударил Витьку в лицо. Тот, охнув, осел на землю.

— Ой! — крикнула одна из девчат, — дерутся!

Дружки Витьки бросились на Тимоху, кто-то больно ударил под ребра ногой. Это еще крепче разозлило Тимоху. Изловчившись, он двинул под подбородок Терентия Иноземцева и сбил его с ног. Получив мощный удар в грудь, перелетел через загородку второй Витькин дружок, Петька Орлов. Больше никто не осмелился подступить к Тимохе.

Гулянье расстроилось. Парни разбились на группы, тихонько, выжидаяще переговаривались. По деревне стали разноситься голоса: «Петька, домой!», «Ванька, я тебе чего говорю!», «Митрошка, иди сюда!» Как обеспокоенные клушки, матери собирали своих детей. Потому как знали, в драке до беды недалеко.

Небо над полем очистилось. В раскрытую дверь будки заглянули звезды. Неторопливый ветерок всколыхнул воздух и наполнил всё вокруг ночной свежестью. Тимоха ничего не замечал. В его широко открытых глазах стоял тот весенний день, когда они впервые обменялись долгим взглядом, от которого захолинуло в душе у Тимохи.

...Разбрызгивая талый снег, он шел по улице в мастерскую. Дорогу уже развезло. По темным колеям бежали робкие светлые ручейки и, вильнув с дороги в первую попавшуюся низину, прятались под осевшим тяжелым снегом. Пели жаворонки. И Тимофей, задрав голову, искал их в ласкающей голубизне неба.

Вдруг нежный девичий голос пропел сзади:

— Прокати нас, Тимоня, на тракторе. До околицы нас прокати...

Тимоха обернулся — да так и остановился от неожиданности. Перед ним стояла Груня Степченко. В ее больших синих глазах светилось весеннее солнце и искрились первые ручейки, а в глубине играла зовущая улыбка.

А сама вся ядреная, упругая, с высокой грудью, которую не могла скрыть даже коротенькая фуфайка.

Так и стояли несколько мгновений, глядя друг другу в глаза, смущаясь этого долгого взгляда и не в силах прервать его. Такие дела! Подкараулила их жизнь веселым весенним днем, свела на талой дороженьке, остановила, позвала. И стоят они ладные, смущенные да молодые и ничего вымолвить не могут. Да и надо ли! Всё ясно и без слов, потому как стал огромным и счастливым до самых краев весь мир. Тут уж ничего не поделаешь, тут уж открывай душу и иди, иди навстречу судьбе своей и робеть не мысли — покаешься.

— Так прокатишь, Тимоша? — спросила она вдруг серьезно.

Кровь радостно загудела по жилам парня, и Тимоха озорно крикнул:

— Прокачу! Прямо сейчас! Подожди тут!

Он лихо прыгнул через ручей, подбежал к бригадирскому дому, у которого стоял запряженный в легкие сани серый жеребец и, отвязав его, в минуту оказался рядом с Груней.

— Садись!

— Ты чего, Тимоша! Заругают ведь... Без спросу.. — проговорила Груня.

А сама тем временем забралась в санки и, восхищенно глядя на Тимоху, приговаривала:

— Вот заругают, вот заругают...

— А ну, давай! Эгей! — хлестнул вожжами и гикнул Тимоха.

Застоявшийся жеребец, разбрызгивая ручьи и мокрый снег, понесся по деревне.

— Куды! Так твою.., — заорал выбежавший из дома бригадир.

В ответ донеслись только молодецкий покрик да всхрапы возбужденного жеребца. Унеслись санки и скрылись в поле за бугром, где чернели первые проталины и колыхалось теплое синеватое марево.

Прости их, бригадир! Не остановить тебе их, не урезонить молодость! Пусть мчатся по весне, пусть смеются и задыхаются от вешнего ветра. Жизнь идет! Эге-и-й! Не ругай их, бригадир! Не ругай...

Тимоха улыбался в темноте, вспоминая, как ошалело катались они по улицам села на застоявшемся жеребце, как унеслись к Сухому лесу, где густо пахло оттаявшей корой, как долго и сладко молчали, стоя на малонаезженной лесной дороге...

Домой вернулись уже под вечер. Легкий морозец чуть прихватил талый снег, и он хрустел под полозьями санок.

Бригадир, накупившись, оглядел их, взял коня под уздцы и спросил: «Не загнал?». И, услышав, что Тимоха давал коню отдохнуть, тихонько выругался.

Потом бок о бок они шли синееющей от вечерних сумерек улицей, и ему не хотелось, чтобы дорога кончалась.

Вспомнил Тимоха и то, как еще раньше обменивались короткими взглядами и спешили пройти мимо. Вспомнил, как неприятно и пусто становилось в груди, когда рядом с Груней появлялся на гулянье высокий и плечистый Витька Бугров. А сам никак не мог осмелиться подойти к девушке. И злился на себя.

Витька Бугров старался удержать Груню. Да куда там! Коль уж сердце девичье сделало выбор, ни силой, ни лаской, ни угрозами не оторвешь его от желанного. Когда Витька понял это, по злобе и ревности сболтнул друзьям: я, мол, свое взял, пусть другие берут...

И пошла темная молва по селу. А село-то не лес, не заблудилась она, окаянная, не пропала без вести, а дошла до Тимохи и каленым железом пырнула его в самое сердце.

В неделю исхудал парень. Жил в поле, не появляясь в селе. Ожесточенно пахал и пахал землю.

6

А сердце девичье — вешун. Почуяла беду Груня. По взглядам любопытным, по шушуканью за спиной, по кривым усмешкам, по тому, как пропал куда-то друг Тимоша, чего раньше никогда не бывало.

И всколыхнулась ее гордость, и залила девичью грудь обида смертельная, и черным стал для нее белый свет, а люди — недобрыми. Поняла она, какая молва по селу о ней, — ужаснулась. Заметалось сердечко — места не найдет, не знает, к кому прильнуть-прислониться, где спастись от страшной несправедливости. Рванулась было к матери — да та взглядом подозрительным остановила, не поняла, не успокоила, не утешила. Эх, матушка ты моя родимая! Как же тяжело-то мне! Хоть не живи на этом свете, хоть в омут головой от людских пересудов да усмешек.

Казалось, не было исхода горю девичьему. Да что-то толкнуло в сердце мягко и властно. И молвил будто кто-то всего одно словечко: «Иди». И пошла она в ночь.

В поле. Не боясь ни темени, ни людского глаза, ни разговоров. К Тимохе пошла. К тому, чьего осуждения боялась пуще всего.

В ночи тропинок и дорог не видно. Но, зная, сердце вело. Не заблудилась она среди пашен и дубрав. К полуночи пришла на полевой стан, села, обессиленная, на порожек будки, и слёзы ручьями хлынули из ее глаз.

...С измученной душой Тимоха не спал. Тоска налила голову и тело тяжестью.

Занемог Тимоха от сердечных страданий. Тут и вышла из темноты его любовь и залилась горячими слезами, обняла порывисто и страстно. И вскричала Тимохина душа от боли и любви. Не знал, не ведал он, что делать, как поступить. А она целовала и целовала его, прижимая к горячему телу, а потом тихо и взволнованно прошептала:

— Ты, Тимоня, будешь первый... Ты...

И возвысилась в радости душа Тимохи, усладились нежностью необыкновенной, озарилась великим счастьем. И бережно, будто боясь расплескать его, он обнял Груню и выдохнул:

— Истерзался я, а всё одно — не верил...

Через день Тимоху вызвали в сельсовет. Председатель Совета Лукич, прямой и горячий мужик, бывший чапаевец, покрутил длинный седой ус и коротко бросил: «Выкладывай». Внимательно слушал сбивчивый, но прямодушный Тимохин рассказ, недовольно шевелил усами. Но когда Тимоха назвал причину драки и добавил: «Вот я ему и наподдал», чапаевец рубанул по столу сухой ладонью и сказал: «За дело!» Но спохватился, вспомнив, что он представитель власти, снова нахмурился:

— Ты вот что, Тимоха. Ты мне самосуды не устраивай. У тебя кулачищи-то! Ненароком зашибить можешь. Понял?

— Понял, — угрюмо ответил Тимоха, но вдруг вскипел и, сверкнув глазами, сказал. — Но Витька пусть свои поганые слова назад берет, иначе я ему так наподдам — всю жизнь веселый ходить будет!

— Ты у меня смотри, чёрт рыжий, — начал Лукич, но Тимоха прервал его.

— А с Груней мы поженимся осенью, Лукич. Я ее перед всей деревней в обиду не дам.

Сказав первый раз о женитьбе, Тимоха покраснел.

А Лукич, удовлетворенно крикнув, поддержал:

— Святое дело, парень, задумал — на семейную жизнь собрался. Держи крепче девку. Она у тебя — не хочешь да взглянешь, кровь с молоком. Только ты... того, кулаками-то больше не махай. Решил жениться — степенись, головой больше думай. В семейном деле голова ой как нужна!

В ту осень бригада, в которой работал Тимоха, удачно отпахалась и отсеялась — первой в колхозе. А потом прошли обильные, еще не холодные дожди. И озимые дали дружные всходы. Под нежарким осенним солнцем поля отчаянно полыхнули густой нежной зеленью. Они резко контрастировали с золотыми красками осеннего леса, с девственной, поблескивающей чернотой добротной вспаханной зябью. Уютом и порядком веяло от ухоженной заботливыми крестьянскими руками земли. Стояла золотая осень. Высоко в небе грустно курлыкали журавли, неторопливо переговариваясь, летели к югу стаи диких гусей. Над селом, словно прощаясь с ним до будущей весны, затеяли кутерьму и гвалт грачи.

В один из таких пригожих дней Тимофей с матерью послали к Груне сватов. И получили согласие. На селе восприняли это событие как само собой разумеющееся. После того памятного разговора в ночном поле, а затем драки с парнями и объяснения у председателя сельского Совета Тимоха и Груня уже ни от кого не скрывали своих отношений, женихались и невестились всласть, позабыв о всем на свете!

Вот жизнь была! Лучистая! Ног под собой не чуяли.

С утра только и думы друг о друге. Вечером до позднего оторваться друг от друга не могли, наговориться вволюшку, намечтаться! Но и житейские дела, само собой, тоже обговаривали. Как же без этого — чай, не малые дети. Тимохе уже двадцать три стукнуло, а Груне вот-вот двадцать сравняется. По возрасту самая пора свое гнездо вить да детишек заводить. Чего тянуть-то?

Тимофей и Груня росли сиротами. Отец Тимофея Егор Краснов был хорошим хозяином. Не богатым, понятно, но хлеб свой всю зиму ели и займы не просили. Хотя соседей, кто победнее или хворый был, из беды выручал, давал займы хлебушка до будущего урожая. А там, по обстоятельствам, порой и долг не спрашивал, прощал. Но при всем при этом хозяином был расчетливым, копейку уважал и берег. Излишеств не позволял. Выпивал только по престольным праздникам — самую малость, чтоб тяжесть с себя сбросить и на жизнь взглянуть повеселее.

Зимой тоже без дела не сидел. Плел лапти на любой размер и вкус и вез их в Пензу. Часть продавал на ярмарке желающим купить эту легкую, удобную обувь, а оставшуюся продавал по приемлемой цене скупщику. Затем с другими озёрскими мужиками, которые также торговали на ярмарке своим товаром — кто зерном или мукой, кто шерстью и валенками, кто топленным маслом, кто конской сбруей или кузнечными изделиями для домашнего обихода, подряжались на извоз гончарных изделий в Саратов. На каждые сани грузили стог соломы, а его в свою очередь наштапиковывали глиняными горшками, корчагами, мисками, солоничками и т.д. Искусство укладки заключалось в том, чтобы в дороге не разбился ни один предмет. За разбившийся, скажем, горшок или миску сопровождающий обоз приказчик высчитывал из оплаты.

Загрузились — и в путь. А путь по тогдашним временам был неблизкий. Порой от Пензы до Саратова еле-еле за двое суток добирались. Всё мужики на себя принимали: и лютый холод, и пронизывающий до костей ледяной ветер, и пургу, да порой такую, что ни зги не видно, и страшно сбиться с пути, уйти в степь или свалиться в глубокий овраг. Бывало, внезапно наступала оттепель и начинал хлестать дождь. А к вечеру снова крепчал мороз, и всё вокруг покрывалось коркой льда — поля, леса, дорога, люди и лошади. Хорошо у кого тулуп справный — переможет. А у кого только шубенка, да и та старенькая — беда... Такой озноб схватит, что одно спасение — бежать рядом с санями, которые то влево, то вправо раскатываются по обледенелой дороге, грозя угодить на

обочину и перевернуться. Словом, от большой нужды терпели эти невзгоды мужики. Бывало, некоторые не выдерживали и застужались до смерти. А их семьи впадали в еще более злую нужду. Таким Егор Краснов по мере возможности помогал в первую очередь. Справедливый был мужик.

Как бы то ни было, а годам к тридцати пяти скопил он деньжонок, купил на них строевого леса и за два года собственноручно срубил рядом со старой избой, вросшей нижними венцами в землю, новый просторный дом с пяти окнами, с высокой тесовой крышей и резным крыльцом на солнечную сторону. По гулкому некрашеному, но тщательно выструганному полу восторженные Тимоха и его младший брательник Сёмка скакали, как козлята, из одной комнаты в другую и, подпрыгивая, старались выглянуть то в одно, то в другое окошко.

Жить да жить семье в новом доме и радоваться. А не тут-то было. Немец напал на Россию, и произошла империалистическая война. Забрали Егора Краснова на фронт. И сгинул он на том проклятом фронте навсегда. Пришла бумага, что пропал артиллерист Краснов без вести. Стали Тимоха с Сёмкой сиротами, а маманя Настя вдовой. Ждали, конечно, отца, как не ждать. Ведь не погиб, а пропал без вести. Но и война та кончилась, и новая началась — меж собой, гражданская. А весточку Егор Краснов так и не подал. Только лет пять спустя мать сходила в церкву и первый раз поставила свечку за упокой раба Божьего Егора. Ждали, как не ждать...

А у Груши отец попозже погиб, в гражданскую. Небольшой красный отряд остановился переночевать в ложине где-то под Петровском, в Пензенской области. Белые выследили их, окружили и всех одиннадцать человек изрубили шашками, а затем дико и жестоко глумились над умирающими, отрубая руки, дробя и обезображивая прикладами винтовок челюсти и черепа красноармейцев. Федота Степченко опознали только по крупному родимому пятну на левом плече.

Видимо, судьба такая: сиротство к сиротству потянулось, чтоб вместе крепче на ногах стоять. Свадьбу сыграли честь по чести. Наварили хлебной браги, мясных щей три ведерных чугуна, пшенной каши с маслом, напекли пирогов с капустой, а также с моркошкой и тыквой, затеяли бочонок кваса на диком тёрне — на опохмелку, вестимо. Покликали всю родню близкую и дальнюю, подруг и друзей жениха и невесты, соседей — само собой. Много люду собралось, тесновато стало в просторной Тимохиной избе, но места всем хватило, за дверью никто не остался.

Расписывались в сельсовете, куда молодые с родней и друзьями-подругами ходили пешком. А когда вернулись, мать Тимохи встретила их на крыльце с иконой и благословила на долгую и счастливую жизнь. Молодых посыпали пшеном, чтоб жизнь была в достатке, ввели в дом и усадили в передний угол! Эх, и хороша же пара! Крепкие, загорелые, со счастливыми глазами, смущенные и зардевшиеся от всеобщего внимания, они были самыми красивыми. И пошла свадебка от всей души. Поздравляли молодых, шутили, смеялись, пели песни, плясали, кричали: «Горько!» Без усталости звенела и не давала гостям передыха саратовская гармошка. А когда стемнело, молодых проводили на сеновал, где была застелена широкая постель. На сеновале было темно, густой запах высушенной травы будоражил и кружил голову, белела нетронутая постель...

... Вот деревенские бабы! Им всё знать надо, им доказательства подавай. Слухи-то по деревне ходили разные про Груню. Самые любопытные поутру собрались у сеновала и вполголоса переговаривались.

— А ну! Дайте пройти, — сердито скомандовала сваха тетка Васена Ульянова. — Ишь, как мухи на мед, слетелись.

Она открыла дверь сеновала, вошла внутрь и вскоре гордая появилась на пороге и торжественно развернула простыню, которая без слов красноречиво извещала, что невеста была девственницей. А следом с Груней на руках вышел счастливый Тимофей.

Потом их повели в заранее натопленную чисто выскобленную и вымытую баню. Пол предбанника был устлан душистым и мягким луговым сеном, которое еще дышало недавно ушедшим летом. Но верховодили, конечно, как и полагается, знойный горьковатый запах сушеной полыни и зовущий дух березовых веников. Сваха принесла молодым кувшин холодного тернового кваса, тарелку с нарезанными пирогами, а потом вынула из-под фуфайки аккуратно сложенную белоснежную простыню и протянула Груне, которая удивленно спросила:

— А зачем простыня, тетя Васена? Полотенца есть, целых три. Нам хватит.

Сваха лукаво улыбнулась и ответила:

— А затем, что в первые денечки ребятишки уж больно пригожие получают, а в баньке тем паче.

Невеста смутилась и доверительно сказала свахе:

— Теть Васен, стыдно мне нагишом-то к нему, стыдно...

— Обвыкнешься, милая, обвыкнешься. Девичий стыд — до мужнина порога. А чего стесняться-то? Вон у тебя добра-

то в теле скоко! Хушь сзади, хушь спереди, хушь сбоку — всё торчмя да круто. Ступай. Вот Тимоха рот-то разинет. Какую кралю захороводил...

Когда сваха ушла, Груня заперла дверь на крючок, глубоко вздохнула, перекрестилась и открыла дверь в парную. Горячий влажный воздух тотчас обнял молодое белое тело невесты. Она зажмурилась и, очутившись в крепких объятиях суженого, тихо рассмеялась — словно горлица проворковала.

Впереди была целая жизнь. Обязательно большая и обязательно счастливая.

7

Груня была уже на сносях, когда началась война. Тревожно стало на селе. Каждый день мужикам приходили повестки из военкомата о призыве в действующую армию. Группами по пятнадцать-двадцать человек колхозная полуторка отвозила их за двадцать километров в Жерновский военкомат, а оттуда грузили в воинские эшелоны и отправляли в сторону фронта на пополнение воинских частей. Солдатская судьба разбросала односельчан по всем фронтам — от севера до юга страны.

Тимоху повестка в первые месяцы войны обходила стороной: как тракторист он подпадал под «бронь». Однако хорошо понимал, что за этой бронью долго не отсидишься, и начал тайком от жены собирать необходимые вещи. Но утайки не вышло. Завидя в руках Тимофея вещевой мешок, Груня осела на лавку и спросила срывающимся от волнения голосом:

— Что, уже? Повестка пришла? У тебя же «бронь»!

Тимофей успокоил жену, а когда та пришла в себя от испуга, спокойно пояснил:

— Рано или поздно — все равно призовут. Это как пить дать. Давай лучше поморокуем, каки дела в первую очередь сделать, пока я дома. Чтоб тебе полегче было. Сена корове, пожалуй, успею накосить, но тёлку придется в колхоз сдать. Дров заготовлю поболее, чтоб в тепле зимой были. Дымоход почищу, а то что-то тяга слабоватая стала. Дверь заново утеплию — войлок запас на это дело. Обувка у вас с маманей к зиме есть, правда, задники к чёсанкам подшить надо — но то дело маненькое. Вот картошку бы Бог дал вырыть да в погреб ссыпать — мне бы покойней за вас было.

Груня притянула к себе Тимоху, обняла его голову и со слезами на глазах заговорила:

— Заботушка ты моя, заботушка. Все-то он наперед мне житье облегчить хочет, родимый. А можа, не возьмут на фронт,

Тимонь, а? Не всем же воевать. Да и война, калякают, по осени закончится. Разобьют немца без тебя... Пощупай, как он в животе ножками торкает. Скоро уже. И двух недель не прохожу...

Тимоха, ощутив ладонью мягкие толчки, радостно засмеялся:

— Ишь, шустрый какой!

— В тятку, такой же непоседа, — улыбнулась Груня.

В том, что родится именно сын, они не сомневались.

И сами чувствовали, и сваха тетка Васена говорила, что по всем приметам сходится, что мальчишка будет.

Спорить с женой по поводу конца войны по осени Тимофей не стал. Хорошо бы, конечно. Только уж больно прет немец. Говорят, что бои упорные, а города всё отдают и отдают. Нет, Тимоха, не миновать тебе фронта.

Так рассуждал Тимофей. И главное, у него мысли не возникло, чтобы найти какую-нибудь лазейку, дабы не попасть на фронт, открутиться любым способом, оттянуть этот час. Более того, для себя он уже решил: если до зимы не позовут, пойдет добровольно. Он, Тимоха, никогда за чужие спины не прятался и сейчас прятаться не станет тем более. Кому же, как не молодым мужикам, за страну стоять? Это одно. А второе... Про это второе Тимоха никому не говорил, держал про себя. Да и возникло это чувство не так давно, а если точно сказать — с началом войны. Возникло-то недавно, а засело ой как глубоко и крепко, будто спало-спало в груди да и проснулось ко времени. Не злопамятным был Тимоха, горячим, но отходчивым. А здесь как обожгла его мысль, что он, Тимоха, должен посчитаться с немцем за смерть отца, да так и окостенела в душе. Должен и всё тут. Одного очень сильно хотел, всем сердцем хотел — сына дожидаться, прижать к груди и передать всю силу свою и нежность, чтобы с легкой душой уйти на фронт.

Судьба не всегда была сурова к Тимохе. На этот раз всё получилось, как он желал. В конце июля Груня благополучно разрешилась сыном, которого назвали Мишкой. Тимоха был счастлив. «Свадебный подарочек» — так сваха Васена сразу окрестила Мишку — был упитанным и спокойным мальчуганом. Пока вся его жизнь заключалась в том, чтобы сосать полные груди подобревшей матери и спать в плетёной из тонких тальниковых прутьев люльке, подвешенной к потолку на почерневших от употребления сырмятных ремнях.

В этой люльке в свою пору качался и сам Тимоха, а затем его брательник Сёмка, который был на два года моложе. Теперь очередь дошла до Мишки. Раньше ведь, не как сейчас,

вещи не выбрасывали за ненадобностью. Они служили порой не одному поколению рода, создавая особый мир и уют в доме, были берегаемы и бережно хранимы, если в данный момент в них не было надобности. Они считались родными и использовались до полного износа. Даже с непригодными расставались, как правило, с неохотой, как с частицей своей жизни.

Судьба продолжала благоволить Тимохе. Успел он переделывать все дела, которые наметил. Даже картошку выкопал и ссыпал в глубокий сухой погреб, обложенный камнем-дикарем на глине. И в бригаде, хотя добрая треть мужиков была уже на фронте, дела продвигались споро. Главное, уборку закончили, озимые посеяли, солому заскирдовали да и зяби вспахали порядком. Хлеб, само собой, государству на элеватор отправили, семена под урожай будущего года засыпали — по расчетам на трудодень должно неплохо выйти.

Прикинул и Тимоха размер своей натуроплаты. И на душе полегчало. Выходило, если часть зерна, как это делали ранее, на базар не везти, хлеба семье до нового урожая хватит с добрым запасом. Часть зерна мужики продавали, чтобы иметь возможность купить одежду, обувь, утварь, отложить немного денег на черный день. Но сегодня Тимоха решил весь хлеб засыпать в сусеки — большие деревянные лари, расположенные вдоль стен в задней комнате, и в сухом чулане. Кто знает, думал он, как всё обернется, а с хлебом не пропадут.

Но засыпать не успел. Повестку на фронт, конечно, с тревогой ждали, но все равно она пришла неожиданно и погрузила жену и мать в горе и слёзы. На улице стоял ноябрь, по утрам хрустел ледешок под копытами лошадей, озимые покрывались густым сверкающим на остывающем солнце инеем. Нет-нет поднимался сильный порывистый ветер, закрывал небо тяжелыми облаками и нёс знобящую всё живое шугу — колючий снег с дождем.

Неуютно становилось на селе. Не только Тимохина семья — всё село было в горести и тревоге. В ту пору стали приходиться похоронки, и вопли от невыносимой беды и отчаяния долго-долго стояли в ушах. Чернота накрыла село. Груня изошлась слезами. Сколько тайком молила Бога, чтобы он оставил Тимоню дома, уберег его от фронта. Не вымолила. Забирают милого, отрывают живое от живого, да с такой страшной болью, что утерпеть немислимо. Льются горячие слёзы, льются ручьем без конца и края. И нет мочи остановить их.

Тимохе, вестимо, тоже тяжело. Но он мужик, держится твердо, как может, жену старается успокоить. Говорит, что он

тракторист, а значит, танкистом будет. За броней-то чё ему сделается? Убеждал, что война скоро закончится и немец пойдет на мировую. Предполагал, что его могут оставить в тылу, чтобы на тракторе подвозить снаряжение к фронту. Да и не всех же в конце концов убивают на фронте. Когда после этого довода Груня заплакала-завыла навзрыд, Тимоха усадил ее рядом с собой на скамейку и твердо сказал:

— Не оплакивай меня допреж времени. Подумай о Мишке. С расстройства у тебя молоко может пропасть. Война-войной, а ему мужиком расти надо, помощником отцу. Вернись я, Груня! Вот те крест, вернись! — неожиданно для себя убежденно заключил Тимоха и размашисто перекрестился на икону Божьей Матери, висевшей в переднем углу.

Спокойная уверенность мужа подействовала на Груню. Она вытерла цветастым передником опухшее от слез лицо и, заглядывая мужу в глаза, с надеждой спросила:

— Ты ведь вправду вернешься, Тимонь? Вправду, да? За Мишеньку не тревожь себя. Во мне сока страсть как много. Кормить буду, пока сам от титьки не откажется. Только возвращайся, Тимоня. Береги себя там. День и ночь буду молиться за тебя и ждать. Ненаглядный мой, как же хорошо мне было с тобой!

Перед отъездом они не спали всю ночь напролет.

А поутру колхозная полуторка, прыгая на кочках скованной морозом дороги, увозила на фронт очередную партию озёрских мужиков, в которой был и Тимоха Краснов.

Часть вторая

1

Вторая рота прикрывала отход батальона, которому в результате неожиданной и мощной атаки немцев грозило окружение и полное уничтожение. Отступали спешно, на пределе физических возможностей, увозя из-под носа наступающих всё вооружение и материальную часть батальона. На второй день появилась надежда, что батальон первым достигнет моста через реку, форсирует ее и соединится с основными силами стрелковой дивизии. Многие зависело от второй роты, которая сдерживала продвижение немцев.

В роте оставалось сорок шесть бойцов, двенадцать из которых были ранены, но еще могли держать оружие. Дорога, по которой отступали, шла по лесу, вдоль реки, поросшей ольховником и мелким осинником. Местность благоприятствовала нашим бойцам. Устроив засаду в удобном месте, они дружным огнем заставляли немцев останавливаться и

пятиться назад. А рота тем временем спешно меняла позицию и ждала уже в другом месте. Лесная зелень надежно укрывала их, и немцы, опасаясь внезапного обстрела, продвигались медленно, порой останавливаясь и прошивая из пулеметов, установленных на мотоциклах, подозрительные места. К счастью, под шквал их огня рота ни разу не попадала. Но даже рядовые бойцы понимали, что эта игра в кошки-мышки скоро закончится.

До переправы оставалось всего около двух километров. Приказа об отступлении не было, значит, батальон еще не переправился и не соединился со своими. Следовательно, отступать дальше нельзя. Надо принимать открытый бой, чтобы выиграть для батальона еще час — полтора. Для комроты старшего лейтенанта Ибрянова — крепкого телосложения мордвина лет тридцати и политрука роты Урядова — красивого сухощавого юноши, вчерашнего студента сельхозинститута было до боли ясно: для остатка роты бой будет последним. Но ни тот, ни другой не дрогнули перед жестокой неизбежностью войны.

Оставив заслон из двух автоматчиков, снабдив их ручными гранатами, которые были на вес золота, рота стремительным броском преодолела метров триста-четырееста и с ходу стала окапываться по обе стороны дороги. Место было выбрано удачное. Справа от дороги к реке тянулся глубокий овраг, заросший ветлами, а слева от обочины земля, покрытая мелким осинником, круто поднималась вверх. Лучшей позиции и желать нечего. Через овраг не перескочишь и справа не обойдешь — крутой лесистый склон. Единственный путь — по дороге, которая хорошо просматривалась. Определенную надежду вселял и дубовый лес за спиной бойцов, в глубь которого уходила дорога.

Когда бойцы наспех окопались и заняли позиции с таким расчетом, что дорога у кромки оврага просматривалась с двух сторон, приготовили оставшиеся гранаты, из штаба батальона связной доставил приказ: «Отступить к мосту. Идти на соединение с батальоном».

Бойцы, получив это известие, повеселели. Шутка ли, к смертному бою готовились, а теперь снова жизнь сверкнула лучиком надежды. У комроты с замполитом своя забота. Ведь не уйти роте от немецких мотоциклов, сядут на плечи, не дадут дойти до моста, перестреляют всех. Вот и думай, командиры, как людей спасти и вывести.

А думать-то некогда, да и выхода особо нет. Один он, единственно возможный в таком случае — оставлять заслон, оставлять часть бойцов на верную гибель.

— Пулеметчиков? — тихо спросил Урядов.

Ибрянов утвердительно кивнул головой и также тихо ответил:

— Конечно. Они подольше продержатся. А в помощь им по бойцу. Все гранаты — им. Гнатышак поставим на правый фланг, у оврага, а Краснова на левый, впереди на склоне. Из бойцов — Миротадзе и Дубину. Так, политрук?

— Так. Только Краснова у оврага надо поставить.

— Почему? — спросил командир.

— У него душа покрепче, не дрогнет. Сам видел его в рукопашной. Страх у него нет.

— Быть по-твоему. Ко мне всех. Быстро.

Когда Ибрянов коротко и твердо ставил перед бойцами задачу, Урядов заметил, как побледнел, сжался, растерянно заморгал глазами Гнатышак, и в то же время невозмутимо, с каким-то мрачноватым спокойствием слушал командира невысокого роста широкогрудый Тимофей Краснов, бывший саратовский колхозник.

— Продержаться надо не менее часа, товарищи бойцы. С ранеными быстро не пойдешь. От вас зависит судьба роты. По выполнении задачи уходить лесом, — заключил Ибрянов и тихо добавил: — Мы будем ждать вас, ребята...

Впереди послышался рокот моторов, который заглушили разрывы гранат и автоматные очереди. Бойцы из передового заслона завязали бой. Пулеметчики с охранением бросились к своим позициям, а остатки роты, поднимая пыль, бегом углубились в дубовый лес и вскоре скрылись за мощными стволами. Впереди разгорался бой. Однако треск автоматов стал заглушать более мощный клекот немецких пулеметов. Бой был неравный.

Тимофей быстро нарвал зеленой травы, замаскировал бруствер неглубокого, наспех выкопанного окопчика. Потом аккуратно уложил на него ствол ручного пулемета, рядом, под правой рукой, разместил запасной диск и четыре гранаты. Лёг за пулемет, повел стволом влево-вправо. Дорога спускалась вниз к Тимофею, и ближайшие метров пятьсот были как на ладони. Справа — овраг, слева — бугор, на котором закрепился Гнатышак со своим напарником. Если кто и проскочит мимо Гнатышака, неминуемо попадет под пулемет Тимофея. Тимофей хорошо знал возможности своего оружия: на таком расстоянии от его метких очередей никому не уйти.

Война есть война. Попал Тимофей не в танкисты, как ду- мал, а в пулеметчики. За какие-то неполные две недели осво-

ил ручной пулемет Дегтярева, методы стрельбы в условиях боя и маскировки на местности. И с первой же учебной стрельбы удивил всех меткостью и кучностью боя. С одинаковой быстротой он поражал мишени из положения лёжа, с колена и стоя. При этом расходовал наименьшее количество патронов — бил возможно короткими очередями. В крепких руках тракториста пулемет был послушен и лёгок.

— Раньше доводилось стрелять из пулемета? — с интересом спросил инструктор Коржов, крепкого телосложения, черноглазый и курчавый, похожий на армянина, двадцатисемилетний лейтенант.

— Никак нет, товарищ лейтенант, — ответил Тимофей. — Только из винтовки, когда на курсах был. Еще до войны. Тоже получалось. Значок «Ворошиловский стрелок» получил.

— А где же он? Почему не носишь?

Тимофей смутился, но ответил правду:

— Младшему брату Семке дал пофорсить перед девчонками, да так и оставил у него.

— Брат тоже на фронте?

— Не знаю. Когда уезжал, дома был. Может, и забрали. Месяц, как меня призвали, письма пока не получал.

Весточку из дома Тимофей ждал очень сильно. Крепок он был нутром, но только теперь понял, что всю свою жизнь оставил дома, что без нее не вмоготу, а потому и письмо ждал из родных мест, как солнышко в злую непогодь. И письмо пришло. Но уже не застало Тимофея. В ночь накануне, не завершив курса обучения, их погрузили в эшелон и отправили к линии фронта на пополнение стрелковой дивизии, которая была обескровлена в результате наступления и держала фронт в глубоких снегах под Смоленском. Перед отправкой инструктор лейтенант Коржов попросту обратился к бойцам:

— Ребята, учеба закончилась. Завтра вечером вы будете на фронте. Не забывайте, чему учили вас здесь. Бейте врага с умом. Зря не рискуйте. Имейте в виду, на вас будут охотиться немецкие снайперы, пулеметчики, минометчики. Немец нашего брата, пулеметчика, ненавидит и старается уничтожить в первую очередь. Чтобы нанести максимальный вред врагу, берегите и свои головы. В любых условиях не забывайте солдатскую поговорку: баба любит любовь да ласку, а пулемет уход да смазку. Отказ пулемета в бою — это поражение, это смерть. Ну... с Богом, ребята.

А в далеких заснеженных Озёрках в это время в доме Тимофея Краснова Груня при свете семилинейной керосиновой лампы читала письмо от мужа, в котором он сообщал, что обучается на пулеметчика, что служба идет нормально,

что скучает по ним и что она с Мишкой приснилась ему во сне, а также спрашивал, не взяли ли на фронт Семку и выдали ли хлеб на трудодни.

В люльке проснулся и заплакал сынишка. Проголодался, пришло время кормить. Груня нежно взяла его на руки, освободила из-под цветастой кофточки полную белую грудь и, когда, покрутив головкой, сынишка нашел темный выпуклый сосок, сладко зачмокал губами, радостно сказала, обращаясь к нему: «Жив наш тятка. Скучает. Во сне нас с тобой видит...»

Семен тем временем молча перечитывал письмо старшего брата. А мать Тимофея Настена и сваха Васена тихонько переговаривались, сидя на широкой деревянной лавке возле окна.

— Слава Богу, живой, — говорила Настена. — Может, воевать-то перестанут. Вернется. Как думаешь, Васён?

— Дай бы Бог..., — неуверенно отвечала сваха и продолжала: — Хорошо, что живой и не раненый. Письмо прислал... Грунька-то вся жаром задышала, из глаз того и гляди синь брызнет. Молодость... Только, что в пулеметчики пошел, плохо, Настёна. Народ калякает, не любит их немец... и в первую очередь...

— Тише ты! — шикнула на сваху Настёна и с опаской оглянулась на сноху: не услышала ли. — Типун тебе на язык...

Сваха виновато потупилась и проговорила:

— Прости меня, дуру старую. Я ж спросту. Что народ калякает, то и я... У Орловых тоже в пулеметчиках воевал...

Хоть и тихо переговаривались женщины, но Груня услышала. Радость от письма Тимофея сменилась тревогой: оказывается, пулеметчиков убивают в первую очередь.

2

Уже более полугодом воевал Тимофей. Комроты Ибрянов, убедившись на деле в меткой стрельбе неразговорчивого и обстоятельного бойца Краснова, держал его поближе к себе, чтобы при необходимости отдать ему персональный приказ. Да и что уж там скрывать — под защитой пулемета Тимофея Ибрянов чувствовал себя увереннее. Были в роте и другие пулеметчики. Но до Тимофея им было далеко. И бой не тот, и смекалка не та. Был случай в декабре. Пошли немцы в атаку на позицию роты во весь рост. Орут что-то на своем языке, строчат из автоматов. Рота, естественно, по ним палит из всех стволов. Однако проку мало — далековато еще были немцы. А Тимофей в то время лежал за пулеметом неподвижно, словно мертвый. Взводный к нему: «Ты чего, так твою разэдак, не

стреляешь?» Тимофей повернул к нему абсолютно спокойное лицо и невозмутимо ответил: «Вон у меня тот кустик пристрелян, дойдут до него — я и начну. Чего зря палить-то?»

У кустика, после двух коротких очередей тимохиного пулемета, остались лежать четверо. Потом еще короткая очередь — и в снег уткнулся немецкий офицер, шедший в первых рядах и подбодрявший своих солдат в атаке. Выцелив скучившуюся группу немецких солдат, Тимофей дал по ней две короткие очереди. И снова на снегу остались лежать трое. Огонь всей роты тоже стал более организованным и прицельным. Немцы залегли и стали отползать к своим позициям.

Это был первый бой Тимофея, в котором он лично уничтожил до десяти немцев. Именно это число указал взводный после боя в донесении командиру роты и просил представить бойца Краснова к награде. А перед строем объявил Тимофею благодарность за умелый бой и призвал бойцов брать с него пример.

— Так надо бить врага — расчетливо, умело, наверняка, — заключил взводный. — Я понимаю, у многих из вас это первый бой. Страшно было. Но и у Краснова это тоже первый бой, однако он проявил лучшие качества бойца Красной Армии, выдержку и волю, бил только прицельно, а не палил в белый свет, как в копеечку.

Снайперские способности пулеметчика Краснова быстро стали известны всей роте. Его не раз использовали именно как снайпера. Как-то по весне объявился у немцев миномет. Укрылся в небольшой ложине прямо перед нашими позициями и пуляет одну мину за другой. Сначала стрелял так себе: то большой перелет, но недолет. Бойцы посмеивались над такой стрельбой. Однако вскоре стало не до смеха. Видимо, корректировщик подправил прицел, и мины стали рваться на позиции роты. Появились раненые, а командира первого взвода младшего лейтенанта Спирина убило осколком в висок. Тимофей сам видел, как из левой части головы Спирина торчал черный, с изодранными краями кусок железа, а изпод него тихо вытекала алая кровь.

Тимофею поручили уничтожить расчет немецкого миномета. Срок — сутки. Приказ не застал его врасплох. Он и сам мозговал, как лучше заставить замолчать вражеский миномет. И придумал. Ночью, обойдя с помощью саперов минные заграждения, он подполз к стоящему на нейтральной стороне дубу. Осторожно откопал неглубокую лежку за его мощным стволом, а затем тихо забрался на дуб и скрылся в молодой зеленой листве. Отсюда до ложины, где располагался миномет, было не более трехсот метров. Выбрав упор

для стрельбы и убедившись, что ноги прочно стоят на крепком шершавом суку, он стал ждать утра. Время тянулось медленно, к тому же сильно донимали комары. Но Тимофей старался не двигаться, чтобы случайно не выдать себя.

Когда рассвело, Тимофей сразу увидел задранный вверх ствол миномета и ящики рядом с ним. Но обслуги не было. Немцы народ пунктуальный. Сначала приведут себя в порядок после сна, позавтракают, а потом уж войну начинают.

Так было и на этот раз. Ровно в девять в сторону наших позиций с противным воем понеслась первая мина, вторая... Неожиданно для немцев наши траншеи ответили плотным ружейно-пулеметным огнем. Завязалась нешуточная перестрелка. По договоренности с командиром роты это и было сигналом для Тимофея. В грохоте боя он, не раскрывая себя, должен уничтожить расчет миномета.

Медлить Тимофей не стал. Размяв затекшие пальцы руки, он взял на прицел миномет и, когда трое немцев сошлись к нему, готовясь запустить очередную мину, одну за другой выпустил по ним две короткие очереди. Двое упали за смертью, а третий силился отползти от миномета. Четвертый немец, стоящий левее и сзади, около ящиков с минами, не поняв, в чем дело, растерянно топтался на месте. Короткая очередь хлестанула по ящикам — и на позициях немцев раздался оглушительный взрыв.

В небо взметнулся фонтан огня и черного дыма. Когда стих изматывающий вой сотен осколков и осел дым, на месте минометного расчета осталась дымящаяся воронка.

Весь день, не шелохнувшись, он хоронился в лежке за могучим стволом дуба. А когда совсем стемнело, с трудом, настолько занемело тело, осторожно пополз к своим. Рискованное мероприятие, придуманное Тимофеем, удалось как нельзя лучше. Теперь уже сам командир роты ходатайствовал в штабе батальона о награждении отличившегося красноармейца Тимофея Краснова боевым орденом.

Участвовал Тимофей и в двух атаках. В первой немцы драпанули от роты сразу, побросав много оружия, боеприпасов и продовольствия. А вот во второй держались в окопах до последнего. Много наших положили. Можно сказать, половина роты осталась лежать на полосе шириной не более четырехсот метров. Но оставшиеся ворвались в траншеи.

Первым прыгнул вниз и резанул вдоль траншеи из пулемета Тимофей Краснов. Впереди, видимо, прошитый очередью, кто-то отчаянно завопил. Тимофей бросился вперед по траншее и столкнулся с немцем, который перезаряжал винтовку. Тимофей, не поднимая приклада к плечу, нажал спус-

ковой крюк, но выстрелов не последовало. Патроны в диске кончились. Тогда он вспомнил науку инструктора пулеметных курсов, схватил пулемет за ствол и словно кувалду обрушил его на голову немца. Приклад скользнул по каске, и вся сила удара пришлась на левое плечо. Хрустнули кости, и немец с остановившимся взглядом осел на дно траншеи. Из рта густо пошла кровь.

Тимофей перепрыгнул через убитого и метров через десять лицом к лицу столкнулся с высоким немецким офицером. Цепкие руки железной хваткой стиснули горло Тимофея. Почти теряя сознание, он изо всех оставшихся сил ударил немца коленом промеж ног. И угодил куда надо. Немец взвыл и скрючился. Однако быстро пришел в себя и снова набросился на него. Но острый финский нож, откованный Тимофеем из выхлопного клапана еще до войны, по рукоять вошел в грудь немца. Тот сразу обмяк и плетью свалился на землю. А Тимофей удивился, что нож вошел в грудь без всякого труда, как в масло. Свидетелем именно этих эпизодов и стал младший политрук роты Урядов.

К счастью для немцев, а может, и для Тимофея в той атаке он больше не сходил с врагом в рукопашной.

...Потом хоронили павших товарищей. Вырыли широкую, но не очень глубокую могилу, уложили туда сорок два красноармейца, закопали, дали прощальный залп. Помнится, как-то обидно Тимофею стало за этих ребят. Ни омовения им, ни гроба, ни доброго креста. Лежат теперь грязные, окровавленные, тесно прижавшись друг к другу..

3

В напарники к Тимофею комроты определил грузина Анзора Миротадзе. Анзор прибыл в батальон одновременно с Тимофеем, но был на пять лет младше его и выглядел поначалу совершенным мальчишкой. Всё ему было велико — и пилотка, и гимнастерка, и сапоги. Не придавали взрослости и черные блестящие усики. Винтовка в его руках выглядела большой и неуклюжей. Однако за десять месяцев, проведенных на фронте, от мальчишки Анзора ничего не осталось: он раздался в плечах, налился молодой силой, румянец заиграл на округлившемся улыбочивом лице. Форма сидела на нем как влитая, винтовка уже не выглядела в его руках тяжелой и неповоротливой. В той памятной атаке, когда сошлись в рукопашной, Анзор также одним из первых ворвался во вражеские траншеи и, умело орудуя штыком и прикладом, уничтожил двух фашистов. Словом, лучшего напарника в предстоящем бою и желать было нечего. Тем более что Анзор, по-

томственный пастух из горного селения Кахетии, почувствовал в Тимофее родственную душу и тянулся к нему.

По примеру Тимофея он замаскировал свой небольшой окоп, который находился в двух шагах от Тимофея, уплотнил землю на бруствере, чтобы упор был твердым, справа от себя разложил запасные обоймы с патронами, три гранаты. Кажется, все было готово. Овраг, который начинался от их позиции и уходил к реке, они обследовали заранее, как только пришли. Спуститься в него было невозможно. Видимо, за долгие годы вода сделала в глине неширокую, но глубокую промоину с практически отвесными боками. Тимофеем отыскан недалеко от окопов осыпавшийся на дно оврага песок, почти скрытый ветвями молодых осин, и, указывая на него, сказал товарищу:

— В случае чего — прыгай сюда. И — к речке. До нее с полкилометра будет. Плавать умеешь?..

Анзор кивнул и вдруг, вплотную приблизив побледневшее лицо, горячо проговорил:

— Мы вместе. Я без тебя нэкуда, Тимоха!

Впереди, на бугре, где находилась позиция Гнатыщак и Дубины, послышались громкие голоса. Казалось, земляки, а они оба были с Западной Украины, о чем-то спорили. «Нашли время», — укоризненно подумал Тимофей. Гнатыщак он недолюбливал. За то, что тот, пользуясь большим ростом и силой, старался верховодить в роте. Вел себя нагло и заносчиво с более молодыми и слабыми бойцами, а иногда беззастенчиво обирал их. Раз подступился было и к Тимофею. Нож ему понравился, видишь ли, который Тимофеем любовно отковал из выхлопного клапана «ЗИСа», обточил на наждаке и снабдил яблоневого рукояткой на медных клепках. Знатный нож получился. На него и позарился Гнатыщак. Но оказалось, не тут-то было. Коренастый боец, который молча сносил, когда в дело и не в дело Гнатыщак обзывал его Рыжим, вдруг выхватил нож. Крепко зажал его в руке и, протянув Гнатыщаку, с вызовом бросил: «Отними — твой будет». И столько решимости выражало лицо Тимофея, что тот спасовал, а проще — испугался. И больше к Тимофею не подходил.

Деловитый рокот мотоциклов заглушил голоса спорящих. Тимофеем насчитал шесть мотоциклов, которые осторожно и тихо, под пеший шаг, спускались с пригорка, за ними с автоматами наизготовку, озираясь по сторонам, неровной колонной шли солдаты в темно-зеленой форме.

— Бьем по мотоциклам, а потом по голове колонны. Сразу за Гнатыщакком...

Тимофей хотел еще пояснить Анзору что-то перед началом боя, но остановился на полуслове, пораженный увиденным. Ко всему был готов Тимофей, пожалуй, даже к смерти. Только не к тому, что произошло впереди. Предали их Гнатышак и Дубина. Встали из окопа с поднятыми руками, без оружия, спрыгнули на дорогу и пошли навстречу немцам надрывно крича: «Сдаемся!.. Сдаемся!.. Сдаемся!..» Немцы остановились, загалдели, стали махать им руками, поощряя идти быстрее.

— Ах, суки! — сквозь зубы проговорил Тимофей и, сделав глубокий вдох-выдох, затаил дыхание, чтобы точнее прицелиться. Медлить было нельзя. Предатели уже подходили к колонне немцев и могли указать, где затаились бойцы, что лишило бы Тимофея и Анзора преимущества внезапного удара. Теперь на пути у немцев никого, кроме них, не было. Надо было начинать бой, исход которого был предрешен. И Тимофей дал длинную очередь по мотоциклам и голове колонны. Сухо, раз за разом, ударила винтовка Анзора. От неожиданности немцы стали разбегаться с дороги на обочину. Человек пять или шесть остались лежать на дороге. Не дошли до немцев, попали под пули и Гнатышак с Дубиной.

Но замешательство немцев было недолгим. Три мотоцикла, взревев моторами так, что из-под колес взметнулась дорожная пыль, понеслись вниз, поливая из пулеметов приовражные кусты. Судя по всему, немцы не успели засечь пулемет Тимофея и били наугад. Но таиться дальше было нельзя. Какие-то секунды — и мотоциклы проскочат мимо окопа, окажутся в тылу, ударят сзади. Короткой очередью Тимофей срезал первого. Мотоцикл выскочил на крутую обочину дороги и перевернулся. Задние мотоциклы затормозили и ударили из пулеметов по окопу уже прицельно. Очереди буравили землю рядом с бойцами, шевелили траву, срезали ветки осин. С бугра ударил третий пулемет.

Одно спасение — вжаться в окоп и не поднимать головы. Так и сделали. С минуту не подавали признаков жизни. Видимо, подумав, что огневая точка подавлена, мотоциклисты осторожно двинулись вперед. Ядреный треск мощных моторов раздавался всё ближе и ближе. Вот они уже метрах в двадцати, сейчас притормозят перед вымоиной на дороге. Тимофей взял гранату и выдернул чеку. То же самое сделал и Анзор. С бугра продолжал бить пулемет. Но прятаться в окопе было больше нельзя. Мотоциклы медленно переезжали вымоину.

Тимофей вскочил на колени и с размаху швырнул гранату в подъезжающие мотоциклы. Не дождавшись ее разрыва,

бросил вторую. Раз за разом прогремело три взрыва. Мотоциклы стукнулись друг о друга, развернулись поперек дороги и остановились. Иссеченные осколками немцы обвисли на мотоциклах, а двое хотя и шевелились, но угрозы уже не представляли. Угроза кралась за мотоциклами по обочинам дороги. Скрываясь в мелком осиннике и высоких зарослях зеленого чилизника, немецкие автоматчики были уже рядом и вот-вот должны начать стрельбу.

Тимофей оглянулся на Анзора. Тот полулежал в окопе. Смуглое лицо грузина было бледно-желтым, глаза расширены. Левой рукой он зажимал правое предплечье, из которого хлестала кровь. «Перевязать не успею», — мелькнуло в голове у Тимофея. Решение принял мгновенно: прижать длинной очередью врагов к земле, дать товарищу возможность спрыгнуть в овраг.

— А ты, Тимоха? — спросил Анзор.

— Я за тобой. Подержу их немного — и за тобой, — ответил Тимофей.

Он бросил в кусты оставшиеся две гранаты и с колена рванул из пулемета по наступающим. И тут же почувствовал, как в левую руку, повыше кисти, словно палкой ударили. И пулемет, потеряв упор, ткнулся в землю. Не успев понять, что ранен, получил удар в правую ногу.

И сразу же обожгло голову. Тимофей, обливаясь кровью, свалился на бок и затих в неудобной, неестественной для живого человека позе.

В очередной раз сердце у Груни болезненно сжалось, когда тетя Маша, почтальонка, свернула с дороги к их дому. Она подхватила на руки заплакавшего сынишку и опротясь выбежала на крыльцо, напряженно всматриваясь в лицо женщины. В груди отлегло: тетя Маша улыбалась. Значит, беды нет.

— Живой, живой твой ненаглядный, — ласково сказала почтальонка и, протянув Груне солдатский треугольник, добавила: — Тимохина рука-то особенно пишет, с завитушками.

Груня прослезилась, расцеловала письмо, а потом тетю Машу. Почтальонка тоже всплакнула, поддержала чужую радость и, тяжело вздохнув, медленно пошла дальше, к дому Иноземцевых. Уже по опыту знала — не добрую весть несет в казенном конверте, а похоронку. Так оно и случилось. Погиб старший сын Иноземцевых — Степан. Раздирающий вопль разнесся по округе. И оцепенел всяк, кто его услышал. Поняли: по покойнику вопит Катерина — мать Степана Ино-

земцева. Значит, еще один озёрский мужик сложил на войне свою молодую голову.

Вот ведь как жизнь к людям по-разному поворачивается. Не услышала Груня стенаний тетки Катерины. Счастливая, она раз за разом перечитывала письмо Тимофея, целовала его, потом сынишку и снова читала. Тимофей писал:

«Здравствуйте, дорогие мои мама, Груня, Мишута и брательник Семен. Во первых строках своего письма сообщаю, что жив и здоров, чего и вам желаю. Письмо ваше получил. Благодарствую за хорошие вести. Значит, Мишутка ходить стал. Большой уже. Вы его кашей кормите с молоком, чтобы мужиком рос. И потачку не давайте. Пусть сызмальства знает, что можно, а что нельзя. Строгостью не испортишь. Коротко о себе. Воюю, как все. Командир сказал, что будет хлопотать о награде для меня. Немцев не боюсь. Пусть они меня боятся. Мы за свою землю стоим, а их сюда никто не звал. Погодите маненько, поддадим мы им и войну закончим с победой. За меня не беспокойтесь, я голову зазря не высываю, но и спуска не даю.

На этом свое письмо кончаю. Крепко обнимаю вас всех. С фронтовым приветом — Тимофей».

4

Тимофей очнулся на рассвете. Влажная утренняя свежесть, поднимающаяся по оврагу с реки, привела его в сознание. Он поначалу не вспомнил, что произошло с ним накануне, и попытался подняться. Однако острая боль пронизала всё тело и резанула в правый висок. В голове загудело, в глазах вспыхнули красные круги, и Тимофей со стоном упал на мокрую от росы траву. Сильно тошнило. Хотелось пить. Сумбурно, нечетко, но сознание стало постепенно восстанавливаться. Над головой, в молодом осиннике, громко запела утренняя птица, точь-в-точь как на родине во время сенокоса. Эта пичужка и возвратила его к действительности. Он понял, что сильно ранен.

Прислушался — ни души рядом. Только птицы переговариваются, предвещая восход солнца. Пронизываемый болью, Тимофей с огромным напряжением оторвался от земли и сел на траву. В голове опять загудело, сознание снова стало покидать его. Но усилием воли Тимофей остановил провал в бездну и, закрыв глаза, долго сидел, пока не прошла одурманивающая тошнота. С опаской, боясь наткнуться на что-то страшное, стал медленно ощупывать себя правой рукой. В первую очередь ощупал правую сторону головы, где, словно молотком, била в висок боль. Ощутил большой нарост за-

пекшейся крови. Что было под ним, Тимофей не знал, и стал обследовать левую руку, которая от локтя до кисти была в запекшейся крови, распухла и плохо двигалась. Опустать вниз ее было нельзя — сразу темнело в глазах от невыносимой раздирающей боли. Но опухшие пальцы слегка шевелились. Это немного успокоило Тимофея. Теперь правая нога. Кирзовый сапог сверху был разорван. Нога распухла так, что голенище стало мало. Кровь пропитала солдатские штаны почти до пояса и засохла. Тимофей ухватился за ствол молоденькой осинки, перетерпев адскую боль в ноге, встал. Хотя нога была словно чугунная, но стояла на земле плотно. «Целы кости!» — машинально подумал Тимофей и огляделся. Он находился совсем рядом с окопом, в котором держал последний бой. Оружия не было. Валялся лишь окровавленный мешок Миротадзе. Опасаясь сделать шаг, чтобы не потерять сознание, Тимофей, опираясь на локти, добрался до вещмешка, зубами развязал его, достал фляжку с водой и отпил несколько глотков. Голова стала свежее. Потом пожевал кусочек зачерствевшего хлеба и снова сделал несколько глотков воды. Силы вроде прибавилось, но движение не прошло даром. Из ран снова стала сочиться кровь.

Тошнило. Кружилась голова. От слабости Тимофей осел на землю, медленно завалился на бок и стал проваливаться в пугающую глухую темноту. «Кажется, всё», — пронеслось в голове. Сил сопротивляться не осталось.

И вот здесь произошло то, во что многие потом не верили. Тимофей отчетливо услышал грудной участливый голос Груни, будто бы она склонилась над ним: «Тимоня! Вставай! Разве можно так... Вставай, Тимоня!» И он выкарабкался из бездны, в которую проваливался. Пришел в себя, сел, огляделся вокруг. Никого. Но в том, что только что он слышал голос любимой, не сомневался. Видно, сильно желает она, чтобы Тимофей остался жив. Вот и не пустила его в другой мир. И почувствовал Тимофей, что крепче стал, что найдет в себе силы выжить.

Снова глотнул из фляжки воды, достал перочинный ножик, разрезал рукав гимнастерки, голенище сапога и с трудом, действуя лишь правой рукой, перевязал раны бинтами, сквозь которые почти сразу проступила кровь. Долго не получалось забинтовать голову, но с этим наконец справился, пропустив бинт не по окружности головы, над ушами, а сверху вниз, от макушки до подбородка.

Теперь надо идти к своим. И Тимофей, опираясь на подорванную суковатую палку и сильно припадая на правую ногу,

пошел по дороге к переправе. Почему-то он был уверен, что наши отстояли переправу и отбили немцев. И ему стоит пройти километра полтора, как он окажется у своих. При каждом шаге раны наполняли тело сплошной неотступной болью. И Тимофей упрямо перевозмогал ее. В ушах продолжал звучать родной голос Груни и придавал Тимофею силы. Он верил, что помощь близка, она совсем рядом.

Осилив с полкилометра, Тимофей сел на обочину, чтобы отдохнуть и поправить закровавленные бинты. Он не знал, сколько времени шел. Боль растягивала минуты в часы. Но, судя по солнцу, которое поднялось над лесом довольно высоко, шел долго. Встряхнув флягу, Тимофей определил, что воды осталось совсем немного, сделал только один глоток и, зажав фляжку между коленями, плотно завинтил крышку. Он хотел уже подниматься, когда послышался мерный топот идущих людей и сдержанные голоса. «Свои!» — обдала Тимофея радость.

Действительно, из-за поворота вышла нестройная группа красноармейцев, человек сорок-пятьдесят. Они были без оружия, многие перевязаны, некоторые без гимнастеров и пилюток, в нательных рубашках. Впереди и по бокам колонны шли немцы с автоматами наизготовку. Их темно-зеленая форма, резко отличающаяся от нашей, бросилась в глаза Тимофею. Он сразу всё понял, но встать и скрыться в лесной чаще сил да и времени уже не было. Колонна поравнялась с Тимофеем и по знаку идущего впереди немца остановилась. Второй немец подбежал к Тимофею и жестом автомата приказал встать. Тимофей сделал попытку подняться, но не сумел. Лязгнув затвор, Тимофей понял: сейчас прозвучат выстрелы. Холодный пот выступил на лбу. Собрав последние силы, он стал медленно подниматься. Немец смотрел на него холодными глазами. Внезапно из колонны решительно шагнул высокий красноармеец, подхватил Тимофея под руку и, широко улыбаясь немцу, беспрестанно повторяя: «Гут, Гут, Гут...», увлек раненого в центр колонны. Уже на следующий день Тимофей понял, как близко был он к смерти и какое мужество потребовалось незнакомому красноармейцу, чтобы помочь ему. В колонне тот сказал Тимофею: «Держись на ногах. Садиться нельзя — пристрелят». Не прошло и получаса, как Тимофей собственными глазами увидел подтверждение этим словам. Молоденький тщедушный красноармеец, раненный в ногу, в отчаянии сел на обочину и разрыдался, повторяя: «Не могу больше... Не могу больше... Не могу...» Конвоир поднял винтовку. Тимофей был рядом и видел, как обезумели от ужаса глаза солдата. Тимофей думал, что из колонны кто-то выйдет

на помощь товарищу. Но колонна тихо шла мимо. И раздался выстрел. Пуля попала парнишке промеж глаз и прошла голову насквозь. Несчастный запрокинулся на спину, держа в руках все туловищем и затих. Из-под его головы на дорожную пыль потекла кровь. Скованная ужасом и безысходностью колонна прошла мимо убитого.

Потом Тимофей узнал, что в этот день немцы пристрелили и бросили на обочине дороги четверых раненых, не способных идти пленными.

Рослый красноармеец, который спас Тимофея, всё время шел рядом и поддерживал его под руку. Он был силен физически и порою просто тащил Тимофея на себе. Узнав, что израненный товарищ — пулеметчик, который прикрывал отход роты, посоветовал не говорить никому об этом. Рядовой стрелок — и всё тут. А пулеметчика могут расстрелять. Были такие случаи.

К вечеру дошли до села. Это где-то ближе к Белоруссии. Колонну загнали в конюшню и заперли на замок. Все повалились на пол. Лошадей, видно, давно угнали отсюда, и пол был сухим. Тимофей лежал под зарешеченным толстой проволокой небольшим окном и тихо стонал. Раны горели огнем. Страшно хотелось пить, но вода во фляжке давно кончилась.

К счастью для Тимофея, среди пленных оказался ветеринарный фельдшер, который осмотрел раненых и сказал, что всем надо делать перевязку. Осторожно и долго ощупывал раны Тимофея:

— Повезло тебе, братец. Все кости целы. А вот голова мне не по нраву. Контузия у тебя, кажись, большая и крови много потерял. Потому и муторно. Полежать бы тебе дня три-четыре.

Вместо ответа Тимофей слабо произнес:

— Пить хочу... Пересохло всё... Горит...

Фельдшер, мужчина уже в годах, лет под сорок, обратился к тем, кто лежал поближе к воротам:

— Ребята, попросите воды у часового, для раненых.

Один нажал на двери — между ними образовалась щель, в которую тут же проник оранжево-красный луч заходящего солнца. Солдат припал к щели и удивленно протянул:

— Вот те на... Нас свой сторожит, красноармеец...

— Как свой? — второй боец отодвинул товарища и припал к щели. Некоторое время он молчал, а потом медленно произнес:

— Точно свой. И форма наша, и винтовка. Только на пилотке звездочки нет... — и, застучав кулаками в ворота, громко крикнул:

— Земляк, подойди сюда. Помочь надо. Ведро воды для раненых принеси.

Часовой молчал. Боец снова стукнул по двери кулаком, прокричал:

— Ты что, глухой, что ли? Говорю, воды надо для раненых.

На этот раз часовой ответил:

— Не положено.

— Ты в своем уме? — начал заводиться боец. — Для раненых воды просим. Тебе что, воды жалко? Вон колодец-то рядом!

— Не положено! — огрызнулся часовой. — И разговаривать с вами не положено.

— Ах ты, х... собачий! Шкура продажная! Перед немцами выслуживаешься! Обожди, дай срок — мы тебя за яйца-то подвесим.

— А ну, атоди от ворот, сволочь краснопузая! — заревел часовой и лязгнул затвором винтовки. — Атоди! А то щас бухну!

Товарищи оттащили обозленного бойца от ворот и почти силой усадили на пол.

— Не связывайся ты с ним, — успокаивал бойца товарищ. — Вишь, зла сколько в человеке. У него дури хватит — пальнет.

Тимофей, лежащий в полузабытьи, тем не менее слышал всё отчетливо. За какие-то сутки с небольшим война повернулась к нему другим лицом, а жизнь стала отсчитывать время фашистского плена: страшного, терзающего душу и тело, на грани смерти и потери всего человеческого.

5

Утром подняли рано и вывели во двор конюшни, огороженный толстыми жердями. Позволили напиться из колодца, набрать воды в котелки и фляжки. Получилась давка, каждый старался быстрее добыть драгоценной влаги. Пожалуй, могло дойти до драки, если бы не вмешался высокий красноармеец, который спас Тимофея накануне. Он протиснулся к колодцу и громко скомандовал:

— Тихо, товарищи бойцы! Качать воду будем на сменку и выливать в колоду. Раненых пропускать к колоде в первую очередь.

Толпа успокоилась. Бешено завертелся барабан колодца с блестящей крупной цепью, и вскоре холодная хрустальная вода стала со звоном наполнять выдолбленную из ствола толстого дерева колоду. Пленные окружили ее, черпали воду котелками, пригоршнями, набирали во фляжки и тут же утоляли жажду.

Высокий красноармеец следил за происходящим и время от времени властно требовал:

— Довольно! Уступите место другим!

Тимофей не мог толкаться, боясь разбередить раны, и попал к колодцу уже в третью очередь, когда немецкие конвоиры стали торопить пленных. С лихорадочной поспешностью плескал в рот воду правой рукой, успел набрать фляжку, а когда немцы уже стали отталкивать пленных от колодца, снял пилотку, сунул ее в воду и быстро надел на голову. Ледяная вода принесла облегчение голове, и Тимофей, рискуя получить удар от конвоира, снова опустил пилотку в воду и надел ее на голову. Всю оставшуюся жизнь лечил потом мучившие его головные боли колодезной водой. Говорили ему, что это вредно для мозгов. Но Тимофей до конца верил в силу ледяной воды.

Все-таки не очень общительный по натуре был Тимофей, а люди его уважали, даже тянулись к нему. Не умел он вихлять душой, любил правду-матку резать и стоять на своем. Где что не по нему — сразу, как говорится, в лоб: «Не так! Не согласен!» И уж не свернешь, не притормозишь. Немецкий плен ему сразу не по нутру стал. Поэтому сам еще ноги еле передвигал, а уже задумал деру дать к своим. После ледяной воды у колодца он почувствовал, что быстро оклемается, срстется его порванное пулями жилистое тело. Само собой его потянуло к высокому красноармейцу, да и тот держал его под присмотром.

...Перед выходом из конюшни пленных выстроили. Подъехала крытая брезентом автомашина. И старший конвоя через переводчика, похоже, военнопленного, объяснил: кто из раненых не может идти, пусть садится в машину. Тимофей было обрадовался и хотел выйти из строя. Но высокий красноармеец крепко сжал его за предплечье, тихо приказал: «Стоять!» Этот человек, спасший Тимофея от гибели, имел какую-то власть над людьми, какую-то силу, и Тимофей не стал перечить, беспрекословно повиновался приказу. А вышло так, что этот властный человек за последние сутки спас Тимофея от верной гибели во второй раз. Колонна пленных уже растянулась по деревенской улице, когда в стороне от домов прозвучали автоматные очереди, а вскоре навстречу колонне проехала та зеленая машина, в которой увезли раненых.

— Понял? — прошептал Тимофею новый товарищ. — Раненые и больные им не нужны.

По обе стороны колонны шли местные жители, в основном женщины и дети. Несмотря на крики конвоиров, они подбегали к пленным и совали им в руки еду — куски хлеба,

бутылки с молоком, вареную картошку, огурцы и репчатый лук. Хотя Тимофей и шел в середине колонны — от греха по-дальше, по окровавленным бинтам и нетвердой походке сер-добольные женщины быстро оценили его состояние и триж-ды подбегали в нему. В результате у Тимофея оказалось целое богатство: бутылка с молоком, два хороших ломтя черного хлеба и четыре вареных картофелины. Новый товарищ по-мог рассовать еду по карманам и за пазуху, а бутылку с моло-ком открыл и, протянув Тимофею, скомандовал:

— Пей до дна! Это тебе лучшее лекарство.

Тимофей стал жадно пить густое теплое молоко. Выпил больше половины и оторвался от горлышка, чтобы перевести дух. И тут увидел, какими просящими глазами, глотая слю-ни, смотрит на него идущий рядом молоденький красноар-меец с забинтованной головой. Тимофей, не раздумывая, про-тянул ему бутылку.

— Подкрепись, браток.

Тот схватил бутылку обеими руками и буквально присо-сался к горлышку, втягивая в себя живительную влагу.

Получив назад пустую бутылку и не зная, что с ней делать, Тимофей почувствовал, что его кто-то тронул за плечо сзади и умоляющий голос произнес:

— Кусочек хлеба... Мне ничего не досталось...

Тимофей оглянулся. И у всех, с кем встретился взглядом, в глазах стояла немая просьба: «Кусочек хлеба...»

Утолив жажду у колодца, люди, не евшие по двое-трое су-ток и увидевшие пищу в руках немногих «счастливчиков», ощутили страшный приступ голода, от которого мутилось в голове, слабели ноги.

Тимофей обратился к Алексею, так звали нового това-рища.

— Отдай им всё. Оставь чуток нам, а остальное отдай.

Не ведал еще тогда Тимофей, что чувство голода будет не-отступно сопровождать и терзать его на протяжении двух с лишним лет. Но и много-много времени спустя в этом про-клятом плену он всегда делился с товарищами последними крохами, помогал ослабшим.

...Гнали уже седьмые сутки. По пути соединились с боль-шой колонной военнопленных примерно из трехсот человек. В это же время прошел слух, что гонят их аж в самую Герма-нию, на работы. Услышав это, Тимофей решил твердо: бе-жать. Расчет был простой: в очередной деревне, которую бу-дут проходить, смешаться с местными жителями, которые, как правило, толпились на обочине дороги, передавая плен-ным еду и отыскивая среди них родных, близких, знакомых,

а там отлежаться пару-тройку недель у кого-нибудь из сельчан, подкрепиться — и к своим. От фронта-то они не так далеко ушли, размышлял Тимофей. Иногда доносился орудиный гул и отдаленные взрывы. По прямой, значит, километров шестьдесят-семьдесят. В том, что его укроют в селе, Тимофей ни на минуту не сомневался.

Вскоре такой случай представился. Их уже гнали по Белоруссии. Проходили очередную деревню, когда из середины колонны раздался громкий крик:

— Мама! Мама! Это я, Иван! Мама! Я здесь!

На этот крик в колонну орлицей метнулась седая небольшого роста женщина в белой кофточке. Она обняла сына и, обезумевшая от счастья, всё говорила и говорила:

— Живой... Живой, родимый ты наш... Живой, живой...

Солдат, крепкий парень лет двадцати пяти, обнимал мать и всхлипывал, не вытирая слёз, обильно льющихся из затравленных серых глаз. На шум сбежались конвоиры, стали отрывать мать от сына. Она отчаянно сопротивлялась. Один из конвоиров замахнулся на нее прикладом. Пленные, стоящие рядом, недобро загудели и придвинулись ближе. Зашелкали затворы автоматов и винтовок. Пожалуй, и до стрельбы дошло бы. Да тут прибежал из головы колонны немецкий унтер-офицер с переводчиком — военнопленным, стали выяснять, в чем дело.

А выяснив, немец озадаченно почесал затылок. К тому же подошел отец солдата — седоусый старик в соломенной шляпе. Он бухнулся в ноги унтер-офицеру, снял шляпу и умоляюще произнес:

— Отпусти сына, герр офицер. Один он у нас. Отпусти, будь милостливым. Век помнить будем.

Переводчик перевел слова старика унтер-офицеру. Тот опять озадаченно почесал затылок, а потом, видимо, приняв решение, что-то коротко сказал. Переводчик повеселел, подошел к стоящему на коленях старику и сказал:

— Дед! Быстро за самогонкой. И сало не забудь.

Колонна одобрительно загудела, а дед, забыв шляпу на земле, опрометью бросился домой. Через некоторое время, багровый и потный, со спутанными седыми волосами, он принес две бутылки мутноватого самогона и большой шматок сала в сероватой тряпице.

Унтер-офицер взял у переводчика жестяную кружку, отлил в нее из каждой бутылки граммов пятьдесят самогона и протянул старику: пей. Поняв, что немец боится за качество напитка, старик одним глотком булькнул содержимое кружки в горло, крякнул и, показав немцу большой палец, сказал:

— Гут! Всю жизнь пью и ни разу не отравился!

Получив перевод, унтер-офицер довольный рассмеялся и скомандовал что-то конвоирам, а переводчик сказал старикам:

— Ведите домой своего сына и вспоминайте доброго Генриха (так, видимо, звали унтер-офицера).

Когда событие подходило к концу и внимание охраны несколько ослабло, Тимофей шагнул в толпу и благодаря своему небольшому росту скрылся в ней, пробрался к калитке и оказался на заросшем цветущей ромашкой подворье. Дверь дома не была закрыта — на замочный пробой накинута лишь железная накладка, давая понять, что хозяева недалеко. Рядом с домом стоял добротный сарай под тесовой крышей с просторным навесом, опирающимся на два дубовых столба. Под навесом сложена поленница из березовых дров. Они были расколоты и сложены недавно: сладко пахло сохнущим деревом. За этой поленницей и спрятался Тимофей в надежде, что конвоиры не заметили его исчезновения. Он был почти уверен, что колонна сейчас уйдет и до свободы остались считанные минуты. Колонна действительно двинулась дальше, но во двор неожиданно вошел и напрямик направился к сараю немец-конвоир с винтовкой наперевес. Ни слова не говоря, он наотмашь огрел Тимофея по спине стволом винтовки и, подталкивая штыком, вывел на улицу к движущейся колонне. Кто знает, может, здесь и кончились бы земные муки Тимофея. От удара в подбородок другого конвоира с автоматом он рухнул пластом в дорожную пыль. Однако сознание не потерял и услышал, как лязгнул затвор автомата. «Не встану — всё, конец!» — пронеслось в мозгу, и нечеловеческим усилием воли на удивление конвоиров Тимофей быстро поднялся на ноги, шатнулся и пошел вперед, стараясь забраться внутрь колонны.

Попытка бегства не прошла незамеченной. На построении после очередного привала «добрый» унтер-офицер Генрих подошел к Тимофею, погрозил пальцем и сказал, дыша в лицо самогонкой:

— Ифан! Пу-пу-пу-пу, — и снова погрозил пальцем.

К вечеру из колонны был совершен еще один побег. Недалеке, справа от дороги, начинался и уходил куда-то вниз березовый лесок, а к нему от дороги по небольшой ложине протянулись густые заросли чертополоха. Вероятно, это обстоятельство и толкнуло молодого сильного бойца к побегу: тут чертополох по плечи, до леса рукой подать, а там темень ночная укроет. Как молодой лось, он вымахнул из колонны и в считанные секунды исчез в зарослях. Колонну остановили

и послали за беглецом погоню — двоих автоматчиков с собакой-овчаркой и одного перешедшего на сторону немцев бывшего красноармейца с русской винтовкой.

Колонна стояла в напряжении. Малейшее движение, и конвоиры поднимали оружие, готовые начать стрельбу. Собачий лай удалялся всё дальше и дальше и вскоре стал слышен уже в лесу. У пленных затеплилась надежда, что беглец уйдет от погони. Но в наступавших сумерках гулко ударил выстрел винтовки и сразу же простучали автоматные очереди. Прошло несколько томительных минут, когда отрывисто прозвучали два одиночных выстрела.

— Добыли... — тихо и мрачно сказал кто-то рядом с Тимофеем.

Ночевали в лощине. По весне, наверное, здесь скапливалась талая вода, которая летом высохла. Густая мягкая трава и земля под ней отдавали болотной влагой. Главное, здесь было много конского щавеля, молодые побеги которого можно было использовать в пищу. Начали, разумеется, деревенские, с детства привыкшие к этой еде, а по их примеру стали подкреплять свои силы и городские. Охрана поначалу вполношилась, не понимая, почему пленные пришли в какое-то движение, но, узнав в чем дело, поиск щавеля в пределах охраняемого кольца запрещать не стала. К тому же в ночном июльском небе сияла такая полная ослепительная луна, что на земле было всё как на ладони. Да и бежать-то, пожалуй, желающих не было. Главное — утолить хоть немного мучивший голод и уснуть, чтобы освежить иссякающие силы. Да и справа над беглецом у многих поколебала надежду на удачный побег. Только не у Тимофея. Он жевал пресный, вязущий рот конский щавель и думал: «Надо выдержать, пока раны не зарастут и не перестанут болеть, а там посмотрим, чья возьмет». Он продолжал надеяться на удачный случай, на свою силу и быстрые ноги. «Не поддамся! И всё тут!»

Ранним утром продрогшую от поднявшегося в низине плотного сырого тумана колонну пленных построили в четыре шеренги. Из подъехавшей блестящей в утренних лучах солнца легковой автомашины вышел высокий стройный офицер и через своего переводчика-немца приказал выйти из строя евреям, цыганам, комиссарам и командирам. Никто из строя не вышел. Тогда офицер дал унтер-офицеру знак, и тот с двумя конвоирами пошел вдоль шеренги, выталкивая из строя то одного, то второго, то третьего. Трех бойцов еврейской внешности и четверых комиссаров-политработников отвели подальше в низину и расстреляли. А шесть чело-

век командиров поставили в голове колонны, чтобы были всё время на виду. В голову колонны попал и новый друг Тимофея Алексей. По тому, как конвоиры быстро и безошибочно вытаскивали из строя людей, можно было понять, что о них немцам стало известно заранее. В подтверждение этому по колонне прошел слухок, что в рядах военнопленных есть предатели, которые работают осведомителями. Тихонько, исподволь собирают сведения о красноармейцах и передают их немцам.

Тягостное настроение охватило пленных. Каждый посмотрел на своего соседа. А что, если... Недоверие и подозрительность поселились в людях.

6

Колонна пленных красноармейцев продолжала движение по дорогам Белоруссии. Останавливалась только на ночлег, зачастую где придется, на голой земле. Людей мучила жажда и голод. Прибавилась и еще одна напасть — вши. Завшивлены были все поголовно и до такой степени, что меры, которые принимали бойцы против насекомых на привалах, результатов не приносили. Тимофей страдал от этой напасти особенно сильно. Дело в том, что его грудь и спина были покрыты густыми курчавыми жесткими рыжими волосами. Вши ходили по нему ходуном.

Наконец пленных привезли в лагерь, который состоял из пяти бараков, огороженных колючей проволокой. По периметру находились деревянные вышки. На них круглые сутки дежурили часовые. Часовые постоянно ходили и с внешней стороны лагеря, вдоль забора из колючей проволоки. В основном это были советские солдаты, согласившиеся служить у немцев. Их и одели с небольшой лишь разницей, как немцев, в темно-зеленую форму без знаков отличия. Хотя оружие у них в руках было наше, советское — трехлинейная винтовка с трехгранным штыком.

Охраняли эти предавшие Родину «на совесть». Выслуживались перед новыми хозяевами, доказывали им свою преданность. Отличались бессмысленной жестокостью по отношению к пленным. Был среди них один, которого Тимофей первые дни принимал за немца. Квадратная фигура его была ладно затянута в темно-зеленый немецкий мундир. В отличие от других часовых держал в руках новенькую немецкую винтовку. Широкое лицо его было отталкивающим и выражало что-то звериное. На низкий широкий лоб спадала короткая челка жестких пшеничных волос. Из-под густых свисающих сивых бровей недобро сверкали синие глубоко

посаженные глаза. Широкий приплюснутый нос придавал лицу диковато-хищное выражение. А выдающийся вперед мощный раздвоенный подбородок свидетельствовал об упрямстве и решительности. Пленные дали ему кличку Морда. Он даже откликнулся на нее, грозя им кулаком.

Вскоре Морда доказал, что душа у него не менее отвратительная, чем лицо. Пожалуй, первый раз за три недели пленным привезли и свалили на землю целую машину красной свеклы, видимо, недавно выдернутой с грядок, так как земля на ней не успела засохнуть, а ботва завянуть. Четыреста голодных людей бросились к вороху, стараясь ухватить как можно больше корнеплодов. Началась давка, переросшая в драку. Десятки людей отчаянно дубасили друг друга, прорываясь к вороху. Крики часовых, а затем автоматные очереди поверх голов дерущихся не дали результата. Драка не утихла. Тогда по внешнему забору к месту драки скачками подбежал часовой Морда и, не целясь, разрядил в толпу весь магазин винтовки. Послышались стоны, проклятия. Толпа отхлынула от гурта. Но трое остались лежать на свекле. Еще трое, обливаясь кровью, звали на помощь.

Морда перезаряжал винтовку, когда к колючей проволоке, размахивая руками, подбежал красноармеец и закричал: — Что же ты, морда немецкая, делаешь! В безоружных...

Но договорить пленный не успел. Без всякого предупреждения Морда выстрелил в него, и тот безжизненно повис на колючей проволоке. Наступила тишина. Морда спокойно закинул винтовку за спину и, переваливаясь на своих толстых коротких ногах, как ни в чем не бывало, продолжил свой обход по периметру лагеря.

Утром четырех убитых сбросили в глубокую яму (специально вырытую братскую могилу), засыпали небольшим слоем земли и присыпали негашеной известью. Еще трое раненых остались лежать в бараке. Хотя им сделали перевязку, участь их была предрешена: раны оказались очень серьезными.

Лагерь был перевалочной базой. Здесь пленных регистрировали, записывали необходимые сведения, им делали санобработку, немного подкармливали, а потом вели на станцию, грузили в вагоны и отправляли в Германию. Впервые за многие дни после ранения Тимофея осмотрел настоящий врач из наших военнопленных. А за два дня до осмотра Тимофей прошел санобработку. Наголо остригли курчавую рыжую голову, а потом немецкий санитар что-то приказал своим помощникам-военнопленным, и они стали опрыскивать

грудь, живот, шею жидкостью из пульверизатора. Запахло керосином. Не успел Тимофей понять, что к чему, как немец шелкнул зажигалкой, и тело пленного вспыхнуло, как факел. От дикой боли Тимофей закричал. Оказывается, немец таким способом боролся с паразитами.

У многих бойцов растительность реденькая, а то и вовсе пушок — вспыхнул и нет его. А после процедуры с Тимофеем по всему блоку палеными волосами запахло, а его самого чуть ли не под руки отвели в душ, дали старое, но чистое белье.

На голых досках нар он спал, не просыпаясь, до самого подъема. С трудом снял рубаху. Вместе с рубахой в ряде мест на спине и груди слезла обгорелая кожа. Было трудно двигаться. Боль причиняло даже глубокое дыхание.

В таком состоянии Тимофей впервые и попал к врачу. Тот прежде всего обработал какой-то мазью ожоги, потом налил в тазик теплой воды, добавил туда марганцовки и велел отмачивать присохшие к ранам грязные бинты. Кусок бинта на голове отмок сразу и отвалился быстро, обнажив нежную красную кожицу от виска до уха. Врач выстриг вокруг раны оставшиеся волосы, срезал отмершую и высохшую кожу и сказал:

— Метка на всю жизнь. Не зарастет. О себе будет напоминать и зимой, и летом. Контузия. На волосок правее — и не было бы тебя, боец.

Перевязав раны на руке и ноге, доктор удовлетворенно заключил:

— Хорошо идет заживление. Сейчас бы питание нормальное — через пару недель себя не узнал бы. Береги силы. Коль выжил, должен жить дольше. Организм у тебя сильный. А руку разрабатывай — сжимай пальцы в кулак и разжимай. Повторяй не менее ста раз в день. Больно будет — терпи. Но сильно не надрывай — мышцы только срослись. Осторожность нужна. Теперь ты сам себе врач. Если сумею, дня через три еще раз посмотрю твои раны. Алексей уж очень за тебя просил. Вы что, земляки с ним?

Тимофей уклончиво ответил:

— Да нет. Служили в одном батальоне, но недолго...

— Твердый мужик, смелый. К нему даже немцы с уважением относятся. Держись к нему поближе, — посоветовал доктор. — Я по лагерям поскитался, знаю, что без помощи товарищей здесь не выжить.

Тимофей поблагодарил доктора и ушел в барак. Конечно, ему самому хотелось быть рядом с Алексеем, но после того, как его вычислили и предали засланные в колонну осведомители, он всегда шел в голове колонны, под пристальным

взглядом самого унтер-офицера. Но иногда им все-таки удавалось накоротке пообщаться. Несмотря на то, что Алексей отругал его за попытку побега, Тимофей спустя несколько дней сказал другу, что все равно убежит, и предложил бежать вдвоем. А спешку объяснил тем, что в любой момент могут погрузить в эшелон и увезти в Германию. Вот оттуда до родной земли, пожалуй, не добраться.

Алексей долго молчал, а затем категорически отказался.

Тимофей опешил. Он уже безоговорочно доверял другу, верил в его силы и возможности. А он вот так...

— Почему, Алексей? — спросил охрипшим голосом Тимофей, — разве к своим не хочется?

Алексей улыбнулся и обнял Тимофея:

— Хороший ты боец, Тимофей, надежный. Но бежать с тобой не могу. Не могу — и всё. — Помолчал немного и, оглянувшись по сторонам, тихо добавил: — Не для того в плен шел... И приложил указательный палец к губам.

Тимофей понял, что Алексей хранит какую-то тайну, о которой не может сказать ему.

Первый раз за месяц с небольшим пленным привезли обед, состоящий из миски баланды — супа из свеклы с листьями, приправленного небольшим количеством плохо очищенной гречки и еще какими-то разварившимися корнеплодами. Каждому выдали также по две неочищенных вареных картофелины. Тимофей съел баланду, потом картофелину, прямо с кожурой. Хотел было съесть и вторую, но передумал и сунул ее в карман. На вечер.

— Правильно сделал, — раздался сзади голос Алексея, — до следующего обеда, думаю, больше ничего не дадут.

Он отвел Тимофея в сторону от обедающих и тихо заговорил:

— Дело есть серьезное, Тимофей. Больше никому из вашего барака довериться не могу. Тебе верю. Сегодня к вечеру в ваш барак приведут нового пленного. Приведет сам унтер-офицер. Пленный высокого роста, широкоплечий, голова забинтована окровавленным бинтом. Очень общительный, свойский, умеет вызвать человека на откровенный разговор. Словом, рубаха-парень. Всегда в центре внимания. Это провокатор, Тимофей. Специально подготовленный немецкий осведомитель из наших пленных. Их здесь двое работают. Завтра утром по их наводке четверых коммунистов расстреляют перед строем. А послезавтра, я полагаю, очередь кого-то из вашего барака. А бинт у него на голове — ширма. Никакой раны там нет.

Алексей испытующе посмотрел прямо в глаза Тимофея. Тот выдержал взгляд и сказал:

— Что от меня нужно — сделаю, Алексей.

Продолжая смотреть в глаза Тимофею, Алексей твердо сказал:

— Ночью надо убрать провокатора. И ты это сделаешь. Как, чем — думай сам. Хорошо, если товарища надежного найдешь. Вдвоем сподручнее. Имей в виду: силен. Он, как мы, месяц не голодал. Конечно, мы в плену, но считай это приказом.

— Понял, — вытянулся Тимофей.

Шла последняя декада сентября. Ночи были лунные. Бледный свет проникал в небольшие зарешеченные окна барака.

Провокатор разместился на первом ярусе нар во втором ряду, у двери. Он перезнакомился почти со всеми и действительно был как рубаха-парень. Однако пленные вели себя сдержанно. Слухи, что в колонне действуют провокаторы, уже не раз подтверждались неожиданными расстрелами. Стереглись.

Тимофей лежал в первом ряду, наискосок от провокатора, и видел, как тот долго не мог заснуть, ворочался с боку на бок. Наконец затих. Прошло минут десять — не шевелится. «Заснул», — подумал Тимофей и решил не ждать. Вынул из-за пазухи увесистый камень-голыш с отколотым острым краем, крепко сжал его в руке. Пригнувшись, осторожно подкрался к провокатору и с размаха ударил острием камня в висок. Провокатор дернулся, свалился с нар вниз лицом и захрипел. Второй удар раздробил ему затылок. Тимофей был деревенским мужиком, хозяином дома. Забивать по осени скотину — дело для него привычное. Поэтому он точно знал: после двух ударов увесистым острым камнем в голову предателю не выжить.

Луна зашла за тучи, и барак погрузился в ночную тьму. Почти невидимый, Тимофей проскользнул к своим нарам, вытер старой портянкой руки, засунул ее поглубже в вещмешок и лег на спину. Хрипы из угла становились все тише и прерывистей. А вскоре стихли совсем. Тимофей провалился в тяжелый сон.

...Утром в бараке поднялся шум. Построили всех и стали придирчиво осматривать. Унтер-офицер Генрих лично допросил соседей по нарам убитого, но те, испуганные, ничего не смогли сказать, ссылаясь на то, что крепко спали. Немец был взбешён. Оказывается, из соседнего барака тоже вынесли мертвого пленного с перерезанным горлом. Обоих положили во дворе лагеря на видном месте.

Потом пленных построили, и унтер-офицер Генрих объявил через переводчика:

— Сегодня ночью комиссары убили двух лояльных великой Германии русских военнопленных. Вот они — жертвы большевиков. Но комиссары не думали, что возмездие наступит сразу.

Генрих дал знак автоматчикам и русским охранникам. Из колонны быстро и безошибочно вывели троих политруков и командира — бывшего председателя колхоза из Белоруссии. Простучали автоматные очереди — и все четверо упали рядом с мертвыми предателями, поливая кровью выгоревшую и пожелтевшую на солнце траву. Стояло раннее утро. Неуместно ярко и весело светило солнце. Шестерых вынесли за лагерь, сбросили в глубокую яму, закидали землей и присыпали негашеной известью.

7

А на родине сентябрь выдался слякотный. По низкому небу бесконечно ползли сплошные исчерна-синие тучи и сыпали на землю непрекращающимся нудным дождем. Дороги раскисли. Работа в поле и на токах остановилась. Комбайны и тракторы побросали в поле под пригляд объездчиков. Только на некоторых из них, несмотря на дождь, копались механизаторы, устраняя поломки. Остальные комбайнеры и трактористы коротали время на полевых станах, в передвижных дощатых обшарпанных вагончиках. Курили крепкий самосад, сердито слушали, как мягко шлепал по жестяной крыше спорый дождь, и невесело прикидывали, что после такого ненастья неделю, не меньше, надо, чтобы земля проветрилась, и можно начать работу.

А пастухам, дояркам, телятницам и в дождь передыху не было. Бродили по мокрым лугам сонные от дождя коровы, телята, овцы, лениво щипали зеленую траву, сбивались в кучи и всё время норовили устремиться к селу, чтобы спрятаться под навесами и крышами от надоевшей мокрени. Но пастухи в темных от дождя брезентовых плащах с башлыками опять заворачивали их в луга. Раньше времени пригонять скот в село было не принято. Животины должны были использовать каждый день, чтобы набрать упитанность перед зимовкой. Несмотря на войну, село жило по веками установленному тяжелому укладу, определяемому временем года и состоянием погоды.

...Груня пришла с фермы поздно. Пока выдоила всех коров своей группы, предварительно вымыв им вымя и насухо вытерев чистой тряпичей, пока сдала молоко приемщице,

пока у пастуха деда Никифора узнавала, какая корова сегодня обошлась, то есть была под быком, пока вымыла в трех водах подошник и повесила вверх дном сушить в подсобке — стало совсем темно. Вопреки обыкновению, Груня не стала обсуждать с подругами сельские новости и первой ушла в темень. Шлепая кирзовыми сапогами по невидимым лужам, скользя по раскисшей глине, она, тем не менее, безошибочно определяла дорогу, по которой ходила почти десять лет и могла пройти по ней с завязанными глазами. Она была ей знакома с десятилетнего возраста, когда мать стала колхозной дояркой, дневала и ночевала на ферме, не отпуская от себя Груню. Со временем ферма стала для Груни как бы вторым домом. Сюда ее тянуло, здесь было интересно, здесь взрослые женщины, привыкшие к Груне, не стесняясь, говорили про жизнь.

Сегодня она ушла одна, потому что главную сельскую новость она знала еще в полдень, а в большей мере потому, что уже болезненно не хотела слышать в сотый, а может, и в тысячный раз один и тот же вопрос: «От Тимофея-то нет ничего?» Груня молча отрицательно качала головой и как за спасительные ниточки хваталась за успокаивающие рассказы о случаях, когда с фронта и пять-семь месяцев весточки не было, а потом приходила целая пачка писем. Живой. Здоровый. Называли соседние деревни, где такие случаи происходили: в Языковке, Мокром, Марьевке, Оркино.

Это немного успокаивало Груню, вселяло надежду. Но — ненадолго. То письмо, которое она читала вслух всей семье в начале лета, было от Тимофея последним. Пошел четвертый месяц томительных ожиданий, тяжких раздумий и предположений, от которых тоска и страх охватывали сердце и не отпускали ни на минуту. Стала замкнутой и заметно сдала, поседела мать Тимофея Настёна. На одну тяжесть навалилась другая. Ушел на фронт и младший сын Семка. И тоже как в воду канул. Пятый месяц — ни весточки.

Один Мишутка радовался жизни. С удовольствием играл в песке у дома, бегал за цыплятами, шлепал босыми ногами по лужам и с аппетитом ел все, что давали ему мать и бабушка: парное молоко с хлебом, пшеничную кашу с постным маслом, вареную рассыпчатую картошку с огурцами. Если бы не Мишутка, тяжесть неизвестности могла придавить женщин к земле. А здесь новая жизнь на глазах поднимается, родная кровиночка. Ее заботой, теплом да лаской окутать требуется, чтобы не заглодела душой сызмальства, не ожесточилась. На то и мать, на то и бабушка, чтобы на всю жиз-

нюшку вдохнуть добро в дитяtko. А то как же? Иначе на земле не человеки, а звери о двух ногах расплодятся.

...А главной новостью на селе было то, что с фронта вернулся Виктор Бугров. Вернулся инвалидом.левой руки почти по самый локоть не было. А в остальном весь целый, только похудел сильно. Услышав эту новость, Груня еще больше встревожилась. Хоть и без руки, а вернулся, думала она. А мой-то где? Что с ним? Живой ли? Четвертый месяц пошел — и ни одной весточки, ни одного словечка. Что-то случилось с ним, коли не пишет. Тимоня не такой... Обязательно бы написал. А может, ранетый, как Витька Бугров, лежит в госпитале и покуда не может писать?

Так изматывала себя домыслами Груня, пока впереди не показались редкие тусклые огни села. Жители сэкономили керосин и вечера коротали с коптилками — керосиновыми лампами со снятыми стеклами. Красноватый неяркий дрожащий свет давал зажженный фитиль лампы. Да и его зачастую увертывали так, что оставалась только узенькая — в полсантиметра — полоска пламени, и дом наполнялся большими движущимися тенями.

Груня заглянула в окошко дома. Увернутая до предела коптилка едва освещала большую комнату. Покрытый до подбородка мягким лоскутковым одеялом, на широкой лавке безмятежно спал Мишутка. Свекровь стояла на коленях перед образами и молилась, периодически кланяясь до пола. Настёна и раньше была набожной, отмечала церковные праздники, строго постилась. Но с уходом на фронт сыновей каждое утро и вечер отдавала молитве. Просила Господа оберечь их и вернуть живыми.

Стараясь не помешать молитве, Груня вымыла в луже заляпанные грязью сапоги. На крыльце под навесом сняла с себя брезентовую куртку, влажный ватник, сырую юбку, стянула намокшие сапоги и босиком тихонько вошла в избу. Пахло теплом и варёной картошкой. Свекровь ждала её прихода — под таганком на шестке печи ещё тлели угли и булькал небольшой чугунок.

Закончив молитву, засуетилась у шестка. Подняла ухватом прокопченный чугунок, отставила его в сторону от огня, сняла с него сковороду, которая служила крышкой, и ткнула в картошку старым со сточенным лезвием ножом.

— Самый раз. Давай-ка я тебе сливуху с маслом сделаю, похлебаешь горяченького. А то иззяблась, поди, — сказала участливо свекровь.

Груня согласилась. Она действительно замерзла и потянулась к шестку погреть над догорающими углями руки. Со

свекровью они жили в ладу. Настёна сдерживала свой горячий норов, а Груня всегда была уступчива и покладиста, как и полагается добропорядочной невестке. На том мир в доме и держался.

Поужинав, они легли спать. На утреннюю дойку Груня вставала затемно. Поэтому и ложилась рано, чтобы выспаться. Она привыкла к этому распорядку. Переделав на ферме дела, не мешкая, шла домой, помогала свекрови по хозяйству. Варила еду, прибирала избу, приносила воды из колодца, кормила скотину. А потом, разбудив Мишутку, умыв и расчесав его, садились завтракать. Груня строго придерживалась того порядка в доме, который был при Тимофее. И свекровь Настёна с благодарностью помогала ей в этом.

Но война внесла в этот порядок свою потребность. Управившись с делами, обе женщины садились у окна, смотрели на улицу, изредка обменивались словами. И ждали, когда пойдет почтальонка. Как только она появлялась, Груня выбегала во двор к калитке и с надеждой смотрела на приближающуюся женщину. Та сначала останавливалась, обменивалась несколькими фразами, сетовала на то, что письма с фронта идут очень медленно, и уходила дальше. Потом, видимо, ей стало трудно смотреть в напряженные, наполненные страхом и надеждой глаза Груни, и она уже не подходила к калитке, а издали отрицательно качала головой.

Груня молча возвращалась домой, также отрицательно качала головой на взгляд свекрови, брала на руки Мишутку, садилась на лавку и долго гладила его по мягким чуть рыжеватым волосенкам, уставившись куда-то отрешенным взглядом. Так продолжалось уже больше четырех месяцев.

Сегодня снова непогодило. Было сумрачно. Хлестал косяй дождь. По колеям раскисшей дороги бежали грязные ручьи. Хотя близился полдень, улица словно вымерла. Но почтальонка, одетая в темный от дождя брезентовый плащ с капюшоном, появилась вовремя и с противоположного порядка, скользя по грязи и перешагивая через бегущие в низину ручьи, напрямик направилась к дому Красновых.

В фуфайке нараспашку, без платка, Груня опрометью бросилась из дома и выбежала за калитку. Однако встретившись с не улыбочивым взглядом почтальонки, остановилась, как вкопанная. Ноги застыли на месте и стали будто деревянными, в груди словно холодом обожгло.

— Тебе письмо, Грунюшка, — сказала почтальонка и как бы через силу добавила: — Казенное.

Груня стояла молча. Продолжал хлестать дождь, и она вымокла до нитки. Видя, что солдатка обезножила от предчув-

ствия, почтальонка обняла ее за плечи и повела в дом. Не впервой было ей приносить страшные вести. Сама разорвала казенный конверт, вынула и прочитала вслух короткое, очень короткое письмо, в котором сообщалось: «Ваш муж, рядовой Краснов Тимофей Егорович, пропал без вести».

— О-о-ох..., — осела на скамейку Настёна. — О-о-ох... Застонало в её груди ещё плохо осознаваемое страшное горе и вдруг вырвалось истошным воплем: — Тимоня-я-а! Тимоня-я-а! Родимый ты наш соколик! На кого же ты нас покинул, Тимонюшка? Неуж не увидим тебя никогда, не услышим голоса твоего? Как жить-то таперича нам, сиротам? О-о-ох... Зла судьба завела тебя на тропку отцовскую, как и он, пропал ты без вести... И не узнаем мы, где сложил ты свою головушку. О-о-ох...

Груня сидела на лавке, безвольно опустив руки. Комок подкатил к горлу и сдавил дыхание, не давая возможности ни плакать, ни кричать, ни стонать. Омертвела вся. Ничего не понимающий Мишутка топтался около матери, дергал ее за опущенные руки и испуганно лопотал:

— Ма... ма... ма...

Потом, видя, что мать и бабушка не обращают на него никакого внимания, уткнулся в подол и зашелся в таком отчаянном и обиженном плаче, что почтальонка, разделяя горе, всплакнувшая тоже, увидев, что Груня сидит ни жива, ни мертва, стала испуганно тормошить ее:

— Девонька, ты что, ты что? Очнись, очнись тебе говорю. Разве ж так можно? Погубишь себя... Поплачь, заплачь, Грунюшка, — камень-то с груди и спадет. Подумай о сынишке-то. На ево ить всё передается. Вона как зашелся...

С Груни спало оцепенение, она обняла сынишку, прижала его к груди и глухо зарыдала. Пропал ее любимый, пропал муж, за которым жилось уверенно и счастливо. Пропало теперь счастье. Пропало всё. Остался Мишутка. Остался без отца. Слезы наконец нашли выход и катились градом, облекая грудь и возвращая сознанию реальность происходящего.

Вот так в родном доме Тимофея оплакали. Оплакали как мертвого.

Спустя неделю, возвращаясь с утренней дойки, Груня встретила с Виктором Бугровым. Он был в солдатской шинели, левый рукав которой был пустой и болтался при ходьбе. Худоба и бледность некогда пышущего здоровьем упитанного лица говорили о том, что Виктор еще не оправился от ранения. Встрече с Грушей был явно рад, хотя вёл себя сдержанно.

Сказал, что знает о ее горе, сочувствует, жалеет Тимофея, а заодно не без удовольствия и гордости объявил Груне новость, которая почему-то ей сразу не понравилась:

— Теперь будем часто встречаться, Груня. Меня животноводом в вашу бригаду определили. В понедельник выйду с делами знакомиться. Какая помощь будет нужна — говори, не стесняйся. Помогу.

Груня поблагодарила его и, сославшись на дела, попрощалась и быстро пошла по дороге домой, безошибочно чувствуя на себе взгляд Виктора. Он и действительно смотрел ей вслед и думал о чем-то своем. Ветер теребил его черные волосы и шевелил пустой рукав шинели.

Часть третья

1

Когда колонну пленных пригнали на железнодорожную станцию и стали грузить в товарные вагоны, Тимофей снова попытался бежать. Воспользовался, что при погрузке образовалась толпа, поднырнул под вагон. А на следующем пути тоже эшелон стоит. Тимофей и под ним пронырнул и по балластовому откосу скатился в кювет. На четвереньках дополз до водосточной трубы, вход в которую закрывали разросшиеся лопухи, и затаился в ней, надеясь дожидаться вечера. Прошла минута, вторая, третья... Погони не было. Мучительно хотелось есть. Тимофей с трудом оторвал стебель лопуха, очистил его от кожуры и быстро сжевал. Пресный, чуть-чуть сладковатый и вязущий во рту вкус лопухового стебля был знаком Тимофею с детства. В голодные годы лопухи вместе с конским щавелем были излюбленным лакомством вконец отощавшей к весне деревенской ребятни. Тимофей снова протянул руку, чтобы сорвать еще один стебель, но лопухи внезапно раздвинулись, и в него уперся ствол винтовки. Два немецких конвоира подвели его к вагону, от которого он убежал. На глазах у товарищей избили и почти бесчувственного зашвырнули в вагон. В назидание другим.

Вторая попытка убежать из плена не удалась. Громыхая на стыках рельсов, эшелон увозил Тимофея всё дальше и дальше на Запад, в Германию. В вагоне было невыносимо душно, мучили жажда и голод, потом спертый воздух вагона наполнился трупным запахом. Двое раненых красноармейцев не выдержали мук и умерли. Большинство уже не имело силы стоять и лежало вповалку рядом с мертвыми. Из угла вагона иногда раздавался дикий хохот. В этом аду один из пленных сошел с ума.

И потом, уже в лагерной жизни, таких случаев было немало. Сумасшедших выводили за пределы лагеря, расстреливали и сбрасывали в яму.

Словом, когда эшелон остановился на конечном пути следования, из вагона на своих ногах вышли только четверо, среди которых был и Тимофей. Остальных вытаскивали и бросали на землю как попало, словно это были не люди, а бревна. Свежий воздух, а также вода, которую позволили набрать из водопроводной колонки, многих поставили на ноги. Но многие так и остались лежать на придорожном полотне, когда поредевшую колонну уводили в лагерь.

В Германии он почти ничем не отличался от лагеря в Белоруссии. Разница была лишь в том, что этот был огорожен не одним, а двумя рядами колючей проволоки. И охрана почти полностью состояла из немцев — бывших фронтовиков, получивших ранения, пожилых немцев, не отправленных на фронт по возрасту или семейным обстоятельствам.

Снова регистрация, присвоение номера, который надо было носить на запястье руки, санобработка, медосмотр и распределение по баракам. Памятуя советы своего друга Алексея, Тимофей скрыл, что по военной профессии он пулеметчик, сказал, что рядовой стрелок и в плен попал раненый, когда выходил из окружения.

С Алексеем они расстались в Польше. Он пришел к нему вечером, чисто выбритый и подтянутый. Отвел Тимофея в сторону и сказал:

— Попрощаться пришел, Тимофей. Завтра меня здесь не будет. Плотней сходишь с надежными ребятами — вместе легче выжить. Бежать будешь — не забудь: идти надо на восход солнца — там наша Родина. Но зря не рискуй.

— А ты куда же, Алексей? — спросил растерянный и расстроенный Тимофей.

Алексей помолчал, соображая что-то про себя. А затем, приняв решение, взял Тимофея за локоть, ответил:

— Всякое бывает... Ты человек твердый, упрямый... Если удастся добраться до своих, передай, что был в плену вместе с капитаном Алексеем Коршуновым, который в Польше согласился служить у немцев. Запомни: капитан Коршунов.

Тимофей, которого известие, что друг будет служить у немцев, ударило, как молния, раскрыл было рот, но Алексей предупредительно замотал головой и прошептал:

— Ни слова больше...

С той поры капитана Коршунова Тимофей не видел. Началась изнуряющая и беспросветная, голодная и унижительная жизнь пленного советского солдата в фашистской Гер-

мании. Физическая крепость — широкие плечи, мощная грудная клетка, крепкие жилистые руки и ноги, упрямый характер — помогли выжить Тимофею в этом аду, но и способствовали тому, что в каждом новом лагере его после медицинского освидетельствования неизменно посылали на самые тяжелые работы. Добывал уголь на шахте, таскал тяжелые камни из карьера, укладывал рельсы на железнодорожное полотно, копал котлованы под строительство каких-то сооружений, разгружал вагоны с бревнами, металлом для бетонных работ.

За пререкание с мастерами-немцами и неподчинение им пять раз сидел в карцере. К лету 44-го от Тимофеевой силы не осталось и следа. Он почувствовал, что скоро окончательно сломается, и снова решил бежать. И снова в одиночку. Считал, что так легче укрыться, остаться незамеченным и уйти от погони. Окончательное решение о побеге принял после того, как во сне или забытый стал ему чудиться голос Груни. Печальный такой, укоризненный, как бы издалека, но явственно он говорил: «Тимоня, обещал вернуться, а сам запропастился Бог весть куда... Обещал ведь... Приходи, Тимонюшка... Уйми, ради Бога, тоску. Невмоготу без тебя... Из рук всё валится... Хозяйство заплошало...» После этих слов раздавался детский плач, да такой жалобный и обиженный, что Тимофей просыпался весь в поту. Он верил в сны и тяжело переживал их. Душа рвалась на Родину и мучительно болела от невозможности сделать это. И вот предел настал. Мозг заработал чётко и ясно. На этот раз он готовился к побегу заранее и обдуманно. Сшил из старой гимнастерки небольшой мешочек, который можно было спрятать под одеждой, и каждый день откладывал в него немного еды: картофелину, свеколку, горсть сухого гороха, корочку черного хлеба, две сухие рыбки головы, найденные на помойке...

Тимофей знал, что небольшой немецкий городок, на окраине которого был лагерь военнопленных, находился в нескольких километрах от Польши. И был уверен: если сумеет дойти до Польши, там уже немцам его не догнать, там уже почти свои люди, помогут укрыться.

... Два дня, почти не двигаясь, лежал в дальнем тёмном углу чердака железнодорожного склада, зарывшись с головой в разную рухлядь. Слышал, как искали его, в том числе и на чердаке, тыкая в подозрительные места штыками винтовок. Но Бог миловал. Пронесло. Штык дважды пропорол лохмотья, под которыми укрылся Тимофей, но его миновал. Судьба была к нему благосклонна, когда на третью ночь сумел лезвием перочинного ножа открыть дверцу чердака и бесшум-

но спуститься по широкой деревянной лестнице во двор. Дождя, пока часовой уйдет на противоположный конец длинного склада, и, минуя несколько пристанционных кирпичных домов, растворился в ночной темноте. Городок остался позади. Впереди было поле.

2

Тимофей знал, что где-то рядом должна быть проселочная дорога, уходящая к далекому хутору из нескольких каменных домов с остроконечными крышами из красной черепицы. А за хутором темнел лес, из-за которого по утрам поднималось солнце. Где-то там, за лесом, и должна быть, по разумению Тимофея, спасительная Польша.

Дорога разделяла поле на две части. Левая была засажена картофелем, а на правой начинала наливать соком пшеница. Спотыкаясь, Тимофей бежал в темноте, пока не достиг картофельного поля. Остановился, чтобы перевести дух. Сердце молотком бухало в груди. Кружилась голова. Хотелось лечь. Но Тимофей пересилил себя. Летние ночи короткие, а он хотел добраться до леса и укрыться там затемно.

Вырвал несколько кустов картошки. Земля была хорошо ухожена, мягкая. Кусты вырывались вместе с молодыми, но уже довольно крупными клубнями. Тимофей набил ими карманы, а две картофелины съел на ходу, заворачивая постепенно вправо, чтобы выйти на дорогу. Захолодевший ночной воздух всколыхнул небольшой ветерок и освежил Тимофея. Он испугался, что ветер разгонит тучи и выглянет луна. Однако тучи плотно закрывали небо. Более того, стал накрапывать дождь.

По дороге бежалось легче, но вскоре силы разом оставили Тимофея. Он перешел на шаг и, шатаясь, преодолел еще несколько сот метров. Тошнило, в глазах плавали красные круги, руки и ноги дрожали от слабости, сердце колотилось часто-часто. Тимофей почувствовал, что может упасть на дороге и потерять сознание. Он не рассчитал силы, полагаясь на свою выносливость. Истерзанный ранами, голодом, тяжелой работой, нечеловеческими условиями жизни, унижениями и тоской по родным и близким, организм отказался повиноваться разуму.

И Тимофей сел на обочину дороги. Посидел, собрался с силами, встал, сделал с десяток шагов заплетающимися ногами и снова сел. «Не осилю, — пронеслось в мозгу, — скоро утро. Надо прятаться до следующей ночи». Почти в бессознательном состоянии, еле передвигая ноги, сошел с дороги в пшеницу, сделал несколько десятков шагов и упал, не в си-

лах подстраховать себя руками, отчего голова, не ощущая боли, безвольно ударилась о землю. И всё провалилось в какую-то притягивающую пустоту.

...Ранним сумрачным утром прошел короткий, но сильный дождь и вернулся Тимофейю сознание. Ему показалось, что он просто спал, а дождь разбудил его. События последних дней чехардились в голове, но быстро встали на свои места: он бежал, он свободен. Осторожно поднял голову над колосьями, осмотрелся. Недалеко слева возвышались остроконечные красные крыши хутора, а дальше, приблизительно в полукилометре, темнел спасительный, как считал Тимофей, лес.

В первую очередь решил подкрепиться, а уж потом думать, как поступать дальше. Нарвал колосьев, ошелушил их в ладонях и высыпал зеленые, еще мягкие зерна пшеницы в рот. Потом еще, еще, еще... Пока не остановил себя сам. Наполненные молочным соком душистые зерна он мог есть до бесконечности, но поостерегся. Организм мог не справиться с обилием пищи.

После еды Тимофей почувствовал себя покрепче и на четвереньках пополз в сторону леса. Пшеница была рослая и полностью скрывала его. Полз он медленно, изредка останавливаясь, чтобы передохнуть и осторожно оглядеться. Хутор был уже позади, а до леса осталось рукой подать, когда со стороны дороги раздался злобный лай собак. Тимофей чуть приподнялся и оглянулся. На дороге стояла запряженная двумя лошадьми повозка, а по следу, промятому Тимофеем в пшенице, шли два немца. Собаки, видимо, были на поводке, поскольку лай не приближался.

Не осознавая бесполезность попытки уйти от погони, Тимофей вскочил и побежал к лесу. Простучали автоматные очереди, пули срезали колосья пшеницы и тупо врезались в стволы деревьев того самого леса, в котором Тимофей видел свое спасение. Чтобы не попасть под них, он упал и пополз в сторону. Стрельба прекратилась, но тут же раздался приближающийся лай собак. Две немецкие овчарки одновременно набросились на лежащего человека и остервенело стали рвать его. Их страшные клыки обагрились кровью. Тимофей, отчаянно крича, катался по земле, интуитивно закрывая руками лицо и горло. Он плохо помнил, как немцы оттащили собак, подняли его, почти волоком притащили к дороге. Повозка развернулась и мягко покатила к городу. От боли Тимофей снова провалился в пустоту.

Пришел в себя на бетонном полу лагерного карцера. Сколько времени лежал здесь, не знал. Кто-то из своих успел замо-

тать тряпками изорванные клыками руки и ноги, остановить кровь. Оказалось, что он лежал в карцере уже третьи сутки. Странно, но есть не хотелось. Страшно хотелось пить. Он ощупал затекшими окровавленными руками карманы и с удивлением обнаружил в одном из них небольшую картофелину. С трудом достал ее, разгрыз на две доли, разжевал их, жадно всасывая сок, проглотил. Еще раз ощупал карманы и пазуху, но больше ничего не было. Опираясь на стену, Тимофей попытался встать. Это получилось со второго раза. Он осторожно прошел по карцеру из угла в угол. Ноги хотя и сильно болели от укусов, но слушались и стояли твердо. И отчаянная упрямая мысль всколыхнула его: «Всё равно убегу, сволочи! Плохо вы знаете Тимоху Рыжего. Вот подправлюсь — и уж маху не дам».

Но упрямый и непокорный характер Тимофея давно знали и товарищи по бараку, и лагерное начальство. Мало того, что характером и видом своим он отличался. Невысокого роста, плечистый, с копной курчавых рыжих волос, прямым крепким носом и независимым взглядом темно-синих глаз, плотно сжатым ртом Тимофей выделялся из массы пленных. Тимоху Рыжего знали в лагере многие, уважали за смелость, а некоторые и побаивались. Хоть и не дознались тогда немцы, кто убил их осведомителя, а по бараку осторожный слушок прошел: кончил предателя Тимоха Рыжий. Но никто его не выдал.

И немцы знали Тимоху Рыжего в лицо. Не раз хотели отправить его подальше от себя, в штрафной лагерь. Да выносливость и сноровка в работе спасали Тимофея от штрафлага. Мирились немцы с непокорным пленным, хотя в карцер заключали регулярно. Однажды старший по бараку Степан Печник (кличка) посоветовал Тимофею поменьше вступать в разные ситуации, спорить и не кориться. А то, неровен час, можно в концлагерь загреметь. Оттуда, говорят, живым хода нет.

3

Из карцера Тимофея вывели двое конвойных. Один, молодой, был вооружен автоматом, а старый, высокий и седой, — винтовкой. Тимофей насторожился. Обычно из карцера его выпускал и провожал до барака один из охранников, да и тот не всегда был с оружием. А этих двоих раньше в лагере он не видел. Тимофей предполагал, что его отведут в блок, где находилась особая команда немцев, допросят, избьют и снова бросят в карцер. Однако его вывели за ворота лагеря и повели дальше, в сторону оврага, заросшего мелким

кустарником. Рядом с оврагом не было ни одной постройки. Место безлюдное. Ноги у Тимофея стали ватными. Он понял: ведут расстреливать. Мысли в голове лихорадочно метались, путались, но одна буравила мозг неотступно: все, Тимоха, отходил ты на белом свете, пришел твой смертный час. А жить-то все равно хотелось.

Так шли они минут десять-пятнадцать. Уперлись в овраг и пошли по его краю дальше. Тропинки уже не было, ноги ступали по чахлой, выжженной траве. Был вечер. Солнце только-только скрылось за горизонтом. Край неба полыхал тревожным красным огнем. Стояла душная тишина.

Остановились на взгорке. Здесь овраг был особенно глубокий. Стволем автомата молодой немец подтолкнул Тимофея на край обрыва. Тимофей сделал два шага и повернулся лицом к немцам. Но смотрел он не на них. Он устремил взгляд на полыхающий закат. Скованное предчувствием близкой смерти лицо было безжизненно-желтое. Молодой немец жестом приказал повернуться спиной. Но Тимофей отрицательно замотал головой, торопливо перекрестился и застыл, ожидая конца. Немец еще раз повторил приказ, и когда по лицу Тимофея проскользнуло нечто подобное усмешке, лягнул затвором и направил автомат в грудь пленника. Секунда, вторая, третья... Целая вечность!

Приготовившись принять смерть, Тимофей не сразу сообщил, в чём дело. Но хорошо помнил, как пожилой немец стволем винтовки отвел в сторону автомат напарника и стал что-то быстро говорить ему. Молодой резко отвечал, бросая на Тимофея недобрые взгляды. Между ними завязался горячий спор. Словно огненный закат примешался в кровь Тимофея и озарил застывшую душу надеждой. Он каждой жилочкой почувствовал, что пожилой немец заступает за него, не хочет его смерти. По лицу Тимофея потекли слезы. Но спор между немцами закончился, и молодой снова поднял автомат. Черное дуло было направлено прямо в лоб Тимофея. Вспыхнувшая была надежда бесследно погасла. Он сжал зубы и закрыл глаза. Вечернюю тишину разорвала короткая автоматная очередь.

А война катилась уже по Европе. По городам и весям настойчиво и упорно ходили и превращались в уверенность слухи, что скоро война закончится. Жила этим и каждая семья в Озерках. Груня так и работала дояркой, ждала весточки от Тимони. Но письма приходили только от Семена, который воевал на фронте. Тимофея же в молве своей деревня давно похоронила, хотя сочувственно относилась к надежде Гру-

ни, что, мол, вернется. «Дай-то, Бог... Дай-то, Бог...», — неуверенно поддерживали женщины рассказы Груни о том, что видела Тимоню во сне живым и невредимым. Сон-то сном, а два года ни слуху, ни духу...

Витька Бугров как с ума спятил. Девок и баб свободных пруд пруди, а он — за Груней. Ну, впрямь телок привязанный.

Некоторые девки в открытую осуждали Груню и не раз в глаза говорили:

— Чего зазря мужика мучаешь? Ну, без руки — и что? Не хуже других по хозяйству справляется. Уступи ему. И сама сохнуть перестанешь. Аль не замечаешь, как с тела спадать стала?

Не уступила. А соблазн-то был. Вызвался как-то Виктор подвезти ее с обеденной дойки до дома. Сама не зная отчего, она согласилась, хотя раньше всё время отказывалась. Дорога шла вдоль леса, пахло травой и спеющей земляникой. Под предлогом поест ягоды Виктор и завернул лошадь на лесную поляну. Клубники было много. Душистая и теплая от солнца, она таяла во рту. Ягодка за ягодкой — ушли в глубь поляны. Здесь Виктор и повалил сидящую Груню в высокую траву, стал жадно целовать ее. На какое-то время в голове у Груни всё поплыло. И она не противилась поцелуям. Но когда в неполюженном месте почувствовала торопливую нервную руку, отдернула ее, вывернулась из-под Виктора и, вскочив на ноги, пошла к дороге. Виктор догнал ее уже у повозки и обиженно сказал:

— Я же добром хочу, по-серьезному жить с тобой. И сынишку твою приму за родного. А ты всё в сторону от меня воротись...

Груня взяла с телеги свой подойник и ответила:

— А Тимоня придет, Мишутка и скажет: «Вот мой папа. А ты чужого дяденьку мне привела». Что я отвечу на это?

Изумленный Виктор немного помолчал, подозрительно поглядывая на Груню, а потом сказал:

— У тебя, бабонька, с чердаком-то всё в порядке? Третий год пошел, как пропал, а ты... Тимоня придет. Придет... Когда рак на горе свистнет. На войне просто так не пропадают... Дело говорю: выходи за меня. А то тебя за глаза стали чуденькой называть.

Груня засмеялась и полем пошла к селу. Серая птаха выпорхнула из-под ног и долго-долго вилась над головой, провожая Груню и словно не желая оставлять ее одну в чистом поле.

Дома она бросилась к сынишке, прижала его и крепко расцеловала в веснушчатые щеки. Тихая гордость и радость теснились в груди: она осталась верной Тимоне, не предала его.

Свекровь, на глазах у которой произошел показавшимся ей беспричинным приступ нежности, тяжело вздохнула и покачала седой головой. Разговоры про Груню и Виктора доходили и до нее. Но она ни разу не подала вида, что знает про ухаживания колхозного животновода за невесткой. А Груня не дала ни одного повода для упрёка.

По осени же страшная беда еще больше сплотила двух женщин: убили немцы Семена, младшего Краснова. «Похоронку» положили за икону, что висела в переднем углу, туда, где лежало извещение о без вести пропавшем Тимофее.

4

...Дыхнула смерть холодом, шевельнула Тимохины волосы и улетела прочь. В первый момент даже не понял, что остался жив. Так и стоял, плотно закрыв глаза и сжав челюсти, пока пожилой немец не взял его за руку и не оттащил от обрыва. Блуждающим, почти безумным взглядом смотрел он на догорающий темно-красный закат, силился что-то сказать, но челюсти не разжимались, а язык и губы онемели. И ноги передвигались с трудом, словно деревянные, не свои.

Шел словно во сне, еще до конца не веря, что остался жив. Впереди размеренно шагал автоматчик, а сзади, повесив винтовку за плечо, почти вплотную за Тимофеем — пожилой немец.

Вышли на тропинку, которая вела от дороги к лагерю.

И вот тут сердце Тимофея шевельнулось в груди и быстро застучало, разгоняя по жилам остуженную предсмертным страхом кровь. А вместе с этим снова вспыхнула надежда, что его не расстреляют. Тимофей повернулся к пожилому немцу, приложил руку к груди и поклонился ему в пояс, беззвучно шевеля губами. Тот настороженно посмотрел на автоматчика и рукой мягко подтолкнул Тимофея вперед.

Много лет спустя, вспоминая этот эпизод жизни в плену, он объяснял чудодейственное избавление от смерти двумя причинами: или пожилой немец был ихним коммунистом и встал на защиту советского солдата, или просто был добрым человеком и не побоялся заступиться за изодранного собаками, окровавленного, вконец вымученного пленника.

А может, святой крест помог. Ведь осенил себя Тимофей крестом, когда приготовился казнь принять. А может, всё вместе пособило Тимофею.

Уже по-темному подошли к лагерю. О чем-то долго разговаривали с охранниками, а затем отвели Тимофея в барак, но

не в свой, а соседний. Нашлись свободные нары в дальнем от входа углу. Тимофея уложили, принесли воды и две вареные картофелины. В бараке уже знали, что Тимоха Рыжий совершил побег, и за это его сегодня увели на расстрел. Кто-то даже слышал на закате далекую дробную очередь.

В свой барак Тимофей не вернулся. Старшие по баракам решили, что так будет безопаснее. Больше недели лежал и залечивал раны, промывая их водой и прикладывая свежие листья лопуха и подорожника, которые ежедневно приносили пленные. Потом старший по бараку сумел внести какие-то изменения в списки, и Тимофей был зачислен в рабочую бригаду, которая прокладывала железнодорожное полотно под узкоколейку к заводу на противоположном конце города. Знали ли об этом лагерное начальство, Тимофею было не ведомо. Скорее всего, знали. Но шел уже 1944 год. У многих немцев появилось просветление. И страх перед возможным возмездием. Да и самого Тимофея после расстрела было не узнать. Наутро провел он ладонью по голове — в руке осталась горсть волос. Провел еще раз — то же самое. Два дня спустя от густых рыжих кудрей остались только завитки на висках и над ушами. Через всю голову, ото лба до затылка, пролегла матово-серая плешина. Стал Тимоха Рыжий Тимохой Лысым. Застекленели темно-голубые глаза. Еще глубже залегли на щеках борозды морщин и придали некогда спокойному и добродушному лицу застывшее аскетически-скорбное выражение.

Ослаб совсем. Уже с огромным трудом насыпал и толкал по доскам, еле удерживая равновесие, одноколесную тачку с балластом. Высыпал ее медленно, чтобы отдохнуть, тащил обратно. Кажется, всё — заломал плен Тимофея окончательно. Ан, нет. Характером немцам не поддался, пугливым да острожным не стал.

Как-то сломалась у Тимофея лопата. Он взял обломки и вылез на насыпь, чтобы спросить у охранника новую.

А тот в это время, положив винтовку, сидел на шпале и ел кусок колбасы с хлебом, запивая молоком из бутылки. Тимофея и взорвало. Бросил со злостью обломки под ноги немцу и запальчиво сказал, изображая, как тот ест колбасу:

— Ты, сучья твоя морда, колбасу грызешь. А у меня лопата сломалась, работать нечем. Давай новую, хрен собачий. Успеешь свою колбасу сожрать. Чтоб ты подавился!

Вряд ли немец понял смысл сказанного, но по выражению лица Тимофея и по злому голосу определил, что пленный сказал ему что-то очень обидное. Он встал, достал из кармана связку ключей на толстом блестящем кольце, неторопливо

надел кольцо на большой палец правой руки, зажал ключи в кулак и с размаху ударил пленника в лицо. Тимофей кубарем скатился с насыпи вниз. Быстро встал, выплюнул изо рта выбитый передний зуб, вытер рукой кровь, лившуюся из рассеченной верхней губы и, схватив стоящие рядом вилы, полез, утопая в балласте, по насыпи вверх. Однако через несколько шагов обессиленно сел и съехал по шуршащей гальке вниз. Охранник, уже с винтовкой в руках, стоял на насыпи и ухмылялся. От бессильной ярости у Тимофея выступили слёзы. Странно, но в этот раз его не посадили в карцер.

Последний раз бежал из плена Тимофей ранней весной. Фронт был уже совсем близко. В лагере шла спешная подготовка к перемещению в глубь страны. Тимофей на это был не согласен. Зачем от своих-то бежать? Да и куда? Кто знает, что немцы уготовили им? Решил испытать судьбу еще раз. Договорились бежать втроем. А маршрут выбрали тот же — на лесок, из-за которого вставало солнце, — к своим. На этот раз миновали хутор затемно. Хозяева, видимо, покинули его — ни огонька, ни звука. Долго шли лесом, путь указывал забрезживший рассвет.

Утро встретили на окраине польской деревни. Но зайти в нее остереглись. По дороге то и дело проезжали на машинах и шли небольшими колоннами немцы. Только поздно вечером подобралась к дому на окраине деревни, но стучаться в дверь побоялись. Во дворе на веревках сушилось постельное белье. Беглецы украли четыре наволочки от подушек и две простыни. Из наволочек потом сделали рубашки — вырезали ножом проем для головы, отрезали два угла — и рубашка готова. Простыни разорвали на портянки. В такой одежде, похожие на огородные пугала, и вышли они неделю спустя к передовой колонне наступающих советских войск.

В штабе части у них разузнали, кто они и откуда, где воевали и как попали в плен. Офицер, уже в возрасте, сочувственно посмотрел на Тимофея и спросил больше себя, чем его:

— Что теперь прикажешь с тобой делать?

— Зачисляйте в роту. Буду бить фашистов, я пулеметчик, — твердо ответил Тимофей.

Ответ понравился офицеру, но он покачал головой и решительно заключил:

— В медсанбат. Какой сейчас из тебя вояка? Поправишься — видно будет.

В медсанбате Тимофея взвесили. Он помнил, как удивлялись плотности его тела медики перед отправкой на фронт.

При сравнительно небольшом росте он весил восемьдесят килограммов. Всё тело дышало силой и здоровьем. В медсанбате на весы встал худющий, изможденный человек — почти старик. После плена вес Тимофея составил сорок шесть килограммов двести граммов. Кожа да кости. Он стал дистрофиком. Врачи медсанбата срочно направили Тимофея в госпиталь для дальнейшего интенсивного лечения и питания. Голод остался позади. И это было для Тимофея великим счастьем.

5

В тот год картошку посадили рано. Распахали целину на бугре за селом, где земля подошла быстрее, чем в низине, и засадили соток пятнадцать. С таким расчетом, чтобы урожая на все домашние нужды хватило и на продажу осталось. А конец огорода оставили под тыквы, которые по срокам сажали позднее.

Целина — дело хорошее для картошки. Глубоко пропаханная и разработанная, она дает клубни по кулаку. Порой с двух кустов целое ведро набирается. Веселое это зрелище, когда из-под лопаты вываливаются крепкие, чистые, розоватые, как поросята, клубни. Но допреж с мотыгой требуется походить не раз и не два. На целине сорняк гуще лезет. Не успеешь оглянуться, как огород покрылся сплошной зеленью. Тут уж руки не жалеи, управляйся за день-два, иначе пустые труды будут, забудет сорняк картошку.

Вовремя пришла Груня на огород. После дождя осот плотно закрыл пашню темной зеленью, но голову еще не поднял и срубался легко. Груня сноровисто махала мотыгой. Квадрат за квадратом, полоску за полоской отвоевывала огород у сорняка. Отдыхать не садилась. Только раз остановилась, сходила на край огорода, где лежал узелок с едой, и попила из бутылки густого теплого молока.

Прикинув взглядом расстояние до конца огорода, подумала, что к обеду может закончить работу. Азартно расправляясь с осотом, она чувствовала удовлетворение и от того, что обмотыжит свою делянку первой на участке. В деревне сделать работу первой всегда похвально. Может, в глаза не скажут, но про себя отметят: а Грунька-то молодец, успела уже! Вон какой огород чистый!

И на ферме Груня в первых шла. Самые высокие надои — у нее, самые упитанные телята — опять у нее. Словом, колхозная передовичка. А долгожданное счастье так и не пришло. И война закончилась, май к концу подходил, а весточки от Тимофея так и не было.

Виктор Бугров бросил ухаживать за Груней и женился на колхозной счетоводке — высокой, красивой и самоуверенной Верке Свиридовой. Ни одна жилочка не шевельнулась в сердце у Груни, ни тени сомнения, что зря упустила в целом-то завидного жениха. Даже была довольна, что закончат судачить бабы про их с Виктором отношения, выдумывая разные небылицы. Всё бы ничего, да на закваске старых перессудов взъелась Верка на Груню, разгорелась у нее ревность. Не могла поверить, что ничего между ее мужем и Груней не было. Вот и шпыняла ее обидными словами при каждом удобном случае. Виктору бы дать укорот жене, но, видимо, не смог или не захотел. Чего греха таить, заело его, что не поддалась Груня и мертвого Тимофея (Виктор в этом был абсолютно уверен) не променяла на него, пусть однорукого, но живого и здорового. И старая муть в душе всколыхнулась. Не забылось, как ускользнула от него девка и вышла замуж за Тимоху.

Словом, не огородил Груню от нападков жены, не защитил солдатку. Долго сносила и терпела обиды Груня. Скандалить не умела и считала это последним делом. Но однажды, когда Верка обозвала ее «стебанутой, если мертвяка с фронта ждешь», Груня заплакала, а стоящие рядом бабы (дело было у сельмага) возмутились и так отчесали Верку, что та, не дождавшись своей очереди за покупками, ушла домой. Досталось тогда от баб и муженьку. После этого случая Верка свой язычок прикусила.

Солнце поднялось уже высоко. Время шло к полудню. Стало жарко. Груня приустала, но оставалось каких-нибудь шагов пять-шесть до конца огорода, и она решила не останавливаться и закончить работу. Силы как бы прибавилось. Тем более, что поднялся легкий ветерок и приятно обдувал разгоряченное тело.

Сначала ей послышалось, что кто-то кличет ее издалека. Но, увлеченная работой, Груня подумала, что это ей показалось, и продолжала мотыжить. А через некоторое время снова послышался крик:

— Тетя Груня!.. Тетя Груня!..

Груня остановилась, как вкопанная, и оглянулась на зов. От села к косогору бежала во всю мочь соседская дочка Наташа — девочка лет двенадцати.

— Тетя Груня!.. Тетя Груня!..

— Ой! — захолонуло сердце. — Никак с мамой что... Или с Мишуткой... Ой, батюшки мои!

Бросив мотыгу, не чуя ног, Груня побежала навстречу девочке. А та задохнулась от бега, споткнулась и упала. Потом встала, замахала руками и позвала:

— Тетя Груня... Тетя Груня... Быстрей... Быстрей...

С широко открытыми испуганными глазами она подбежала к девочке, схватила ее за плечи и, задышавшись, с тревогой спросила:

— Что?.. С кем?.. Мама?.. Мишутка?.. Да говори же!

Вот тут девочка, переведя дух, и сказала... Словно молния сверкнула в чистом весеннем небе и раскатисто громынул гром.

— Тетя Груня, дядя Тимоня письмо прислал. Он живой. Баба Васена за тобой послала.

...К вечеру всё село знало, что пропавший без вести Тимофей Краснов объявился живым и скоро приедет домой. Был в плену у немцев.

Часть четвертая

1

Скоро приехать домой не вышло. Из госпиталя Тимофея отправили в стрелковый полк, который вскоре погрузили в железнодорожный эшелон. И застучали колеса по рельсам. Сутки, вторые, третьи... В конце недели стало известно, что везут солдат на Дальний Восток, воевать с японцами.

Отвоевал свое Тимофей и с японцами. Особого геройства не проявил, но и в грязь лицом не ударил. Надежным солдатом был, обстрелянным.

Словом, победили и японца. Но демобилизовали Тимофея только в феврале 46-го. Так что ждали его дома с войны еще почти год, как он объявился живым. А уж когда получили письмо, что едет домой, все глаза проглядели, надеясь первыми увидеть и встретить родного долгожданного человека. И разговоры, само собой, только о том, что скоро Тимоня приедет и как здорово они заживут после лихих лет. Убрались в доме, перестирали всё белье и занавески, навели порядок во дворе и хлеву, расчистили от снега широкую дорожку от крыльца до калитки. Ясно дело, печку каждый день топили, еду припасли, самогонки у свахи одолжили. Приезжай, солдат! Ждем, не дождемся!

Мишутка, которому по лету пять годков исполнится, принимал самое активное участие в приготовлениях и донимал мать и бабушку одним и тем же вопросом: «А когда папа приедет?» Долго тянулись последние дни перед встречей.

Мартовский день клонился к вечеру. Догорало солнце, и в его красных лучах металась по улице жиденькая белесая поземка. Мать Настена катала на столе старым, почерневшим от употребления рубелем высушенное белье. Груня собралась

на ферму к вечерней дойке. А Мишутка сидел на широком подоконнике и смотрел, как ветер ерошил перья ворон на потемневшей весенней дороге, изредка заставляя их подпрыгивать, раскрывать крылья и низом перелетать на новое место. Но вот вороны все разом взлетели, а Мишутка тихим будничным голосом сказал:

— Вон папа идет... Вон папа идет...

Женщины бросились к окнам.

— А, батюшки! — всплеснула руками мать Настёна.

От дороги прямо к дому шел солдат. В длинной шинели, валенках, шапке-ушанке, завязанной на подбородке, и с вещмешком за плечами.

В чём были, женщины выбежали во двор, за ними в одной серенькой рубашонке ниже колен босый Мишутка. А солдат уже снимал металлическое кольцо с калитки, которое служило запором, и широко улыбался щербатым ртом. Обнялись. Женщины заплакали. А Тимофей подхватил на руки сынишку и сказал:

— Пошли домой. Застудитесь.

Всю ночь напролет в доме Красновых горела лампа. Утром, когда соседи стали заглядывать к ним, чтобы поздравить солдата с возвращением, посмотреть на него, Тимофей крепко спал на высокой деревянной кровати, укрывшись новым ватным одеялом, вынутым по этому поводу из окованного железом сундука.

Проснулся и показался односельчанам только после обеда. С трудом признали они в лысом, морщинистом, костистом солдате Тимофея Краснова. Ему не исполнилось и тридцати лет, а выглядел он старик-стариком. Потихоньку вздыхали, жалеючи Тимофея, бабы, сдержанно покрывивали мужики, но особого вида не подавали, чтобы не расстраивать мать Настену, Груню и самого Тимофея. Пошло по народу: плох видом Тимофей — краше в гроб кладут. Видимо, поэтому и председатель колхоза, к которому Тимофей неделю спустя пришел проситься на работу, ничего определенного не сказал, посоветовал отдохнуть, набраться сил, а там он его сам позовет. Вернулся домой расстроенный. Да Груня не дала печалиться. Вьется вокруг Тимофея голубкой, ластится к нему, старается угодить во всем. Спозаранку подоит корову, разбудит его и заставит выпить парного молока. А в печи уже огонь гудит, поленья потрескивают. Мать Настёна затеялась блинами с маслом сына угостить и суп с пшенной крупой к обеду сварить, картошку запечь со сметаной, тыкву попарить. По совету свахи Васёны Груня купила топленого свиного сала и несколько раз в день поила им мужа, растворив в

горячем молоке ложку сала. С двух сторон поддерживали и поднимали Тимофея.

Раз в неделю он до изнеможения парился в жарко натопленной бане, потом выпивал полстакана самогонки и ложился спать. Через месяц побелел лицом, поправился на тело, успокоился. А главное, стал с Груней шутить, заигрывать. Дотошная и приметливая сваха Васёна шепнула ей:

— Грунька, не упускай свою. Мужик в нем проснулся. Можя, боится еще, так ты уж сама...

В ту же ночь заскрипела старая деревянная кровать и раздался страстный, захлебывающийся стон Груни.

— Слава тебе, Господи, — перекрестилась на печи мать Настёна, — ожил.

И впрямь смелее стал взглядом Тимофей, увереннее. Снова пошел проситься на работу. На этот раз его взяли возить солому на скотный двор. О работе трактористом председатель обещал поговорить с начальником машинотракторной станции, которая располагалась в Жерновке. Но предупредил: в случае положительного ответа придется отремонтировать трактор на станции и жить там в общежитии до конца ремонта. Тимофей согласился.

Стал распрямляться Тимофей. В небесной выси пели жаворонки. Солнце играло в бегущих с бугров ручьях, бока оврагов задымились испариной. Всё предвещало весну раннюю и дружную. Тимофей ощущал, как с каждым днем наливается радостью жизни. Его неудержимо тянуло к людям, к работе, он был счастлив в семье. Жену любил так крепко и пылко, что она, на удивление людям, расцветала на глазах, приобретала достоинство и степенность.

Открыт был сердцем Тимофей. После диких испытаний, которые выпали на его долю, он смотрел на мир и земляков добрыми глазами. Всех считал родными и близкими, каждому готов был распахнуть душу, помочь, если надо. Считал, что после кошмара, в котором побывал, так и должно быть.

А Победа обязательно возвысит, сделает людей добрыми и дружными. Но не тут-то было...

Жестоко ошибся Тимофей. Развеялся добрый мир на родной стороне. Ему дали понять, с умыслом или без умысла, что он не такой, как все. Первый раз услышал за спиной разговор двух пьяных мужиков.

— Смотри-ка, — говорил один, — Тимоха-то оклемался, ряху стал наедать.

Второй на это грубо ответил:

— А х... ли ему! Отсиделся у немца в плену. А теперь можно и морду наест!

Кровь застучала в висках у Тимофея, он круто обернулся и, не скрывая негодования, спросил:

— Как у тебя язык поворачивается говорить такое? Что ты про плен-то знаешь?

Но это еще больше распалило агрессивность пьяного. Он шагнул к Тимофею и угрожающе сказал:

— Чего встал? Двигай отсюда, пока я бутылку о твою черепушку не разбил.

Сжал кулаки Тимофей. Но сдержался и молча ушел. Больно и обидно стало на душе. Да ладно, думал, перебрал за ворот и понес по яровым. Трезвый, пожалуй, так бы не сказал, утешал себя Тимофей. А несколько дней спустя с разбитым носом с улицы прибежал зареванный Мишутка и пожаловался, что мальчишки постарше возрастом поймали его, отвели за сарай и били.

— За что они тебя? — спросил Тимофей.

— Говорят, что я предателев сын и будут бить меня...

Мишутка заревел во весь голос.

2

Черная тень протянулась из плена и тяжело легла не только на Тимофея, но и на всю семью. Он вспомнил, как при первой встрече Виктор Бугров не подал ему руки и процедил сквозь зубы: «Здорово, пленник». Вспомнил, как собирали в клубе фронтовиков, а его пригласить забыли. Вспомнил, как мать убитого годка Петьки Орлова осуждающе посмотрела на него и сказала: «Петька наш в плен не пошел — вот и сложил головушку».

Пытался Тимофей доказать, что не по своей воле в плен попал, а раненый. Какое там — и слушать не хочет, плачет и твердит: «А Петька в плен не пошел... не пошел, родимый наш...»

Замкнулся Тимофей. Сколько вынес, сколько выстрадал, так тосковал и рвался на Родину.. Думал, закончится плен, война и настанут для него счастливые, радостные дни без конца и края.

А выходило совсем не так. Получалось, что для многих сельчан лучше было бы, если бы он действительно пропал без вести. Но он остался живой. Сколько земляков головы сложило, а он «отсиделся» в плену. Значит, предал. Значит, предатель. И нечего тут рассусоливать, что, как и почему. Законы и дух военного времени продолжали жить и действовать и в мирное время.

Предатель... Каково это Тимофею — солдату, честно выполнившему свой воинский долг и приказ командира. При-

нимая свой последний бой у речки, прикрывая отход роты, он не думал о себе, не дрогнул, когда Гнатышак с Дубиной предали своих товарищей, бросили оружие и пошли сдаваться в плен. Он мог спрыгнуть в овраг вместе с Миротадзе и уйти к реке, переправиться к своим. Но был приказ задержать немцев. Оставались патроны в диске пулемета и несколько гранат. Он сделал всё, что мог сделать солдат для выполнения приказа. Предатель...

Тимофей перестал рассказывать о своем участии в боях и о том, как попал в плен. Казалось, что не верят ему.

В подтверждение этому однажды у Тимофея спросили: «Если ты так воевал, как говоришь, что же у тебя ни одной медали нет?» Что тут ответишь? Действительно, нет у него ни одной награды. А почему — он сам не знает. Скорее всего, думал он, пленникам награды не полагаются. А нет наград — какой же ты фронтовик? Горькая обида засосала Тимофея. Не выкарабкаться из нее никак. Дикую штуку сотворила жизнь, сделал его в глазах сельчан предателем. И никак не поймет Тимофей, почему так? Ну почему он снова должен страдать? Чем он провинился перед людьми?

Затерзал бы Тимофей себя этими вопросами, да благо вызвал его председатель колхоза и послал в Жерновскую МТС принимать из ремонта трактор. И наказал, чтобы одна нога там, а другая здесь. Полевые работы вот-вот начнутся. Но и предупредил, чтобы позорче принимал технику: «Нагрузка на трактор будет большая — так смотри в оба, чтобы не подвел в борозде».

Окрыленный поручением, Тимофей не стал ждать утра следующего дня, когда можно уехать с попуткой. Собрал необходимое в вещмешок и ушел в Жерновку пешком. Груня, запротестовавшая было против этого, увидела, как оживилось лицо мужа, как энергичны стали его слова и движения, помогла собраться в дорогу и проводила до околицы села. Оглянулась вокруг, крепко обняла мужа и, поцеловав, шепнула:

— Не задерживайся. А то я сама к тебе прибегу...

— Дня через два-три заявлюсь — не запылюсь. А там и в поле выезжать пора. Вон ветер-то как полощет — земля быстро подойдет.

— Похоже, опять тебя дома будем как ясна сокола видеть, — засмеялась Груня.

Помолчав, Тимофей ответил:

— Если бы ты знала, как тянет на трактор... Аж руки чешутся...

— Оно и видать: за двадцать верст пешком наладился.

— Я бы и за сто ушел... Жизнь, Груня, начинается! Грешным делом думал, не дадут мне трактор. Слышал разное про себя. А председатель крепким на слово мужиком оказался. Сказал вызову — и вызвал. И прицепщиком Серёньку Исакова дал. Хороший парнишка. Этого подгонять не надо. Сам во всё встречается.

Скорый на ноги, Тимофей быстро удалился от села. Узкий грейдер был почти сух, шагалось легко. Сияло солнце, и дул встречный ветер. Расстегнув ватник и сняв шапку, Тимофей упруго и напористо шагал по внешней дороге и теплым, ласкающим взглядом смотрел, как над полем низко и стремительно летели стайки диких уток. Высоко в небе слышалось курлыкание журавлей, а ближе к земле, над небольшими весенними озерами, кувыркались в воздухе суматошные пивки, задавая свой извечный вопрос: «Чьи вы?»

— Свой, свой, — улыбался Тимофей и прибавлял шаг.

Он намеревался добраться до Жерновки засветло, чтобы устроиться в общежитие МТС, выспаться и утром сразу приступить к работе.

С бугра МТС была видна, как на ладони. Расположилась она левее железнодорожной станции Жерновка на берегу светлой и холодной речушки Берёзовки в окружении огромных раскидистых ветел. Деревья только что брызнули первой зеленью и слегка прикрыли черноту сотен, если не тысяч грачиных гнезд, располагавшихся в могучих кронах совершенно хаотично. Бывало, на одной приглянувшейся грачам ветви строили до десяти и более гнезд, что иногда приводило к птичьей трагедии. Сук не выдерживал и ломался от тяжести.

Неумный грачиный гомон здесь начинался с раннего утра и заканчивался с наступлением темноты. Он давным-давно стал неотъемлемой частью жизни небольшого поселка, который состоял из красного кирпичного здания МТС, кузницы, общежития, конторы, конюшни, нескольких старинной постройки жилых домов и просторной общественной бани на высоком берегу речки, прямо над омутом. Когда-то, еще при царе, здесь работал и, как рассказывали старожилы, работал успешно кожевенный завод. Кожи на выделку везли со всей округи... Но пришли новые времена, и цеха кожевенного завода приспособили для ремонта тракторов.

Тимофей подходил к МТС с радостью. До войны ему доводилось бывать здесь на ремонте трактора или по поводу запчастей к нему. Треск двигателей в мастерской, грачиный гомон веселили душу. Жизнь входила в привычную колею, изрядно подзабытую за время войны. Голоса механизаторов,

звон гаечных ключей, удары кузнечного молота о наковальню, запах солярки и карбида были до боли родными и близкими.

Трактор для Озёрок не был готов. Впрочем, Тимофей друтого и не ждал. Двигжок только начали собирать, значит, три-четыре дня, как минимум, придется жить и работать здесь. Он доложил заведующему мастерской Петру Лапшову, молодому плечистому и рослому мужику с суровым лицом. Но зав мастерской только на вид оказался суровым. Он добродушно встретил нового тракториста, распорядился о месте в общежитии, дал записку в столовую, чтобы поставили «на харч». А когда Тимофей изъявил желание сразу приступить к ремонту, дал ему старый замасленный комбинезон и такую же телогрейку:

— Жалко твой новый ватник, успеешь еще замарать. Фронтоник? — спросил он.

Получив утвердительный ответ, доверительно продолжил:

— Я тоже. По ранению год назад пришел. Как фронтоник фронтоннику дам один добрый совет. Только никому ни гугу! Недавно мы стенды для обкатки двигателей установили. Один — для холодной, другой — для горячей обкатки. Если сделать, как положено, обе обкатки, двигатель будет надежнее и мощнее. А наш главный инженер требует сразу на горячую — и за ворота. Не соглашайся. Стой на своем. Порет и перестанет. А ты горюшка с движком знать не будешь. Только — ни гугу!

Главный инженер Титков, небольшого роста, подвижный и крикливый мужик лет сорока пяти, за день появлялся в мастерской раз пять, а то и более. Лично проверял, как идет ремонт тракторов. Всегда был недоволен: то это не так, то другое. И всегда на кого-то шумел. Часто объектом его негодования был зав мастерской Петр Лапшов.

— Я что говорил на планерке? — наступал он на Лапшова. — Чтобы завтра этот трактор был за воротами. А здесь конь не валялся. Срываешь ты мне план, Лапшов. А ответ кто наверху держать будет? Не-э-эт! Титкова по струнке вытянут и спрос учинят. Там антимионию разводить не станут. Тяпнут по шее — и садись Титков снова на трактор. А, Лапшов? Тебя спрашиваю, когда трактор выгонишь за ворота? Сев начинается! Думай своей колокольней!

Лапшов с серьезным видом молча слушал главного инженера и изредка понимающе кивал головой в знак согласия. А потом переводил разговор на конкретный вопрос, просил совета или помощи. И тут Титкова словно подменяли. Куда девались начальственный тон и важная осанка. Слушал рабо-

ту двигателей, сам брался за ключи и регулировал агрегаты, с удовольствием садился за руль или рычаги трактора, чтобы испытать его готовность и качество ремонта. Бывало, что перемажется в смазке не хуже ремонтника, но за что брался — доводил до конца.

Что там говорить, не слишком много имел технической грамотешки Титков, но в железках толк знал. До всего мог докопаться, чтобы заработал механизм, как часы. За это и уважали его не только в МТС, но и во всем районе. А шумливость воспринимали как должное. Хоть и бывший тракторист, а сейчас начальство.

Три дня Тимофей провел как в сказке. Практически собственноручно собрал двигатель. Каждую деталь, каждый узел перед тем, как ставить, отмывал дочиستا от старой смазки и грязи, насухо вытирал ветошью и обязательно держал потом в руках, согревая своим теплом и ласково поглаживая, чтобы «железка» привыкла к хозяину, чувствовала его. Зав мастерской сразу приметил обстоятельность, добротность и душевность работы Тимофея и в конце третьего дня неожиданно предложил:

— Переходи ко мне в ремонтники.

— Нет, — ответил Тимофей. — Я домой. Скоро в поле. Поработаю вволюшку.

— Соскучился? — понимающе спросил Лапшов.

— В плену во сне снилось: я на тракторе и пашу, пашу...

— Э, да ты никак и у немца побывал?

— Побывал, — коротко ответил Тимофей.

А вечером Лапшов пригласил в баню. Мужики уже помылись, но горячей воды и пару было еще достаточно. Так что бывшие фронтовики не торопились, банились врястяжку, со вкусом. После полков с березовым веником, малиново-бронзовые, на закате солнца нагишом спустились по крутым ступеням к реке и бухнулись в темные воды небольшого, но глубокого омута. Поплавали, погоготали в чистой студеной воде и снова на полки, снова ковш кипятка на каменку и за веник. Ух! Если и есть рай на земле, то он обязательно в бане.

— Я смотрю, крепко тебя поколупали, — сказал Лапшов, — ран шесть или семь насчитал...

Разговорились. Тимофей коротко рассказал о том, как воевал и был в плену. Лапшов долго молчал, качая головой, а потом сказал:

— Да-а-а... Досталось тебе, браток, — не дай Бог никому. У нас здесь тоже один мужик в плену был всю войну. Так он у какого-то помещика в работниках ходил. Помещик старый, а жена у него молодая, лет под сорок. Приглянулся ей Васька

наш, высокий, красивый. Ну, и... всю войну как у Христа за пазухой. Приехал — не узнать. Здоровенный стал, морда красная. Говорит, что немка больно убивалась, когда он уезжал домой, отпускать не хотела. А у него здесь жена и двое детей — как останешься? Но Васька не только немку обеспечивал, многому там научился: плотничать, колбасу разную делать, сапоги хромовые шить, хлебы печь. Сейчас на станционной пекарне главный пекарь. Вот тебе и плен. Он, видеть, как и война, у каждого разный.

Тимофей невесело улыбнулся.

— Повезло парню. Но таких мало было. По большинству, как я, мытарили: нынче жив — и слава Богу.

Вопреки распоряжению главного инженера Тимофей все-таки поставил двигатель на холодную обкатку. Титков, обнаружив это, налетел, расшумелся. Снимай, говорит, со стенда, ставь на горячую обкатку — приказываю. Тимофей ни в какую, стоит на своем:

— Надо делать, как положено.

— Я главный инженер, я знаю, как положено.

— А я тракторист. Мне на технике работать, а не тебе. Если придумали холодную обкатку, значит, польза для движка есть.

А польза действительно была. На стенде горячей обкатки собранный Тимофеем двигатель показал предельную для него мощность. Лапшов подмигнул Тимофею и показал большой палец.

Веселое и радостное это дело — пахать землю весной. Деловито и спокойно работает трактор, черные борозды струятся за плугом, следом важно вышагивают грачи, отыскивая во влажной почве червячков и личинок. А вокруг — простор полей, синь высокого неба и сияющее солнце. Бродит, колыхается вдали теплое марево поспевающей земли.

Тимофей пахал с упоением. Вместе с напарником Иваном Седовым он готовил поле под посев проса. Бригадир полеводческой бригады Иван Орлов предупредил их, что пахать надо на двадцать восемь сантиметров — и не меньше, чтобы уничтожить сорняки, заплонившие поле во время войны. И пообещал, что сменные лемеха к плугу будет привозить регулярно, к каждой пересменке.

Это ведь сейчас в тракторах столько мощи, что они любой плуг тянут — и хоть бы что. А раньше техника была слабая: чтобы облегчить ее работу, лемеха с плугов снимали после каждой смены и возили в кузницу на оттяжку. Для этого в каждом хозяйстве делали запас сменных лемехов. Работы для кузнецов что весной, что осенью было невпророт.

Сначала бригадир держал слово, и лемеха привозили к каждой пересменке. Но потом начались перебои. Бывало, что по две смены лемеха не меняли. Выработка сразу пошла вниз, с трудом стали норму выполнять. Но на удивление Тимофея его сменщик Седов выработку не снизил, будто у него и трактор, и плуг другие были. Тимофей напрямик и спросил его:

— Иван, за тобой не утонишься. Как так получается, что ты опять на полгектара больше сделал?

Иван усмехнулся, отвел глаза и уклончиво ответил:

— Так я же в ночь пахал. А ночью, сам знаешь, трактор как зверь тянет. А можа, песчаный участок попался...

Тимофей объяснению не поверил. Действительно, ночью, когда опускается прохлада, трактор тянет лучше. Но не настолько, чтобы дать на полгектара больше.

А насчет песчаного участка Иван точно мозги туманит. Поле это Тимофей знал вдоль и поперек еще до войны. Никогда никаких песчаных участков на нем не было.

Ничего не сказал Ивану, но заподозрил неладное и решил проверить. Ведет трактор по загонке, а сам внимательно на вспаханный Иваном участок смотрит. Несколько раз останавливался и мерной палочкой проверял глубину вспашки. Все нормально — 28 сантиметров, как и положено. А гон длинный, около километра. Где-то в середине его Тимофей увидел на пашне торчащую прошлогоднюю стерню. «Стоп! — остановил Тимофей трактор. — При пахоте на двадцать восемь сантиметров с предплужником такого быть не должно».

Утопая в пашне, дошел до засоренного участка и прикинул глубину обработки. Так и есть! Не более пятнадцати-шестнадцати сантиметров вместо двадцати восьми. Понял Тимофей хитрость сменщика. В начале загонки пахал, как следует, — для учетчика, а в глубине поднимал плуг и налегке чертил им, оставляя землю непропаханной. Качество никудышное, а норма перевыполнена. Как и всегда в такие моменты, Тимофей решил никому ничего не говорить, а самому разобраться с Иваном, пристыдить его. Но получилось так, что разобрались и пристыдили самого Тимофея.

К обеду к Тимофееву трактору рысью подскакал красивый серый жеребец, запряженный в рессорку. Немолодой уже плотный мужчина с большой, почти лысой головой прыгнул на землю и, прихрамывая, пошел по пашне, жестом руки властно приглашая за собой Тимофея. Остановился на плохом пропаханном участке и, холодно глядя на Тимофея, спросил, указывая пальцем в землю:

— Сколько сантиметров?

Тимофей, абсолютно не умеющий хитрить и изворачиваться, прямо ответил:

— Сантиметров пятнадцать-шестнадцать.

— А надо?

— Двадцать восемь.

— Трактор не тянет?

— Тянет.

Хромой мужик взбеленился и набросился на Тимофея с руганью.

— Ты кого хочешь провести? Кто тебе позволил плуг поднимать? Кусок хлеба задарма есть хочешь? Кого обманываешь? Как фамилия? Да за такие вещи судить надо! Как фамилия, спрашиваю?

Кровь застучала в голове Тимофея от несправедливости. Он разжал челюсти и угрюмо сказал:

— Не ори. Краснов моя фамилия. А пашу я так, как надо.

Круто повернулся и пошел к трактору.

Часа через два приехал встревоженный бригадир.

— Ты чего, Тимоха, натворил. Это же главный агроном МТС Плахин был. Требуется, чтобы тебя с трактора сняли. Он же власть, Тимоха-а-а. Против нее не попрешь, а ты орать на него...

— Это он орал. Не разобрался, а кричал, — упрямо ответил Тимофей.

— Чего разбираться-то? Напортачил — так помалкивал бы.

— Да пошел ты... Ничего я не портачил. Это ты портачишь — лемеха третьи сутки не меняем. И сам глаза не кажешь... — разозлился Тимофей.

Бригадир не стал вступать в перебранку, но доверительно сказал:

— Ты, Тимоха, разгул себе особо не давай. Как бы боком не вышло. Я-то за тебя стоял, а кое-кто поддакнул агроному: мол, зазря пленнику трактор доверили... С НКВД уполномоченный недавно спрашивал, как ты живешь, как работаешь, к кому гостить ходишь... Стерегись, Тимоха, мало, что ли, тебя жизнь трепала? Береженого Бог бережет. Не лезь на рожон. Жену пожалей, мать, сынишку. Хрен ее знает, куды времена повернутся.

...Померкли для Тимофея краски весеннего заката.

И золотистые лучи уходящего солнца, и темнеющая синь неба, и сверкающая гладь Ширгина озера, теплый влажный дух свежевспаханной земли — всё отступило и ушло куда-то, не задевало, как раньше, сердце. В вязкой душевной тем-

ноте, в какой уже раз со времени возвращения домой, бились обида, отчаяние, безысходность. Чернота, чернота без просвета.

...Иван приехал на смену пораньше. Сбросил с телеги сменные лемеха и дождавшись, когда учетчик пошел измерять аршином выработку Тимофея, спросил с наигранной веселостью:

— Чево́й-то ты бригадиру наговорил? Он кузнецов так отmaterил, что лемеха нам в первую очередь оттянули. Прямо с наковальни — и в телегу. Тепленькие еще...

Тимофей игривого тона сменщика не поддержал и мрачно оборвал его:

— Тебя надо в попервую отmaterить, а кузнецов — опосля.

Иван ухмыльнулся и заюлил глазами, избегая темного взгляда Тимофея. Было понятно: Иван знает о том, что Тимофею досталось от начальства. И досталось за его, Ивана, работу. Но признавать свою вину он не собирался, а потому как бы удивленно спросил:

— А меня-то за что?

Тимофей придвинулся к нему вплотную. Иван был выше ростом на полголовы, упитанный, со здоровым румянцем на всю щеку.

— Ты не юли глазами-то. Знаешь, за что. Не по правде работаешь, Иван. Не стал я на тебя указывать, а ведь это ты плуг поднял и поле попортил — одна шерсть из пашни торчит. А я ругань принял... За тебя...

Иван обозлился правде, отодвинул, чуть было не оттолкнул Тимофея от себя и, свысока поглядывая на него, почти с угрозой произнес:

— Мне слова никто не сказал плохого, а про тебя скандал в правлении был, грозятся с трактора снять. Смотри, допрыгаешься ты со своей прямо́той.

Злоба стала закипать в груди у Тимофея:

— Ни хрена ты, видать, не понял. Думал, по-доброму... А ты мне с угрозами... Только знай: теперь я не смолчу и покрывать тебя не стану.

— Ха! Ну, испужал! Коли ты правду-матку, и я тебе этим же концом! Коснись чего — поверят мне, фронтовику-орденоносцу, а не тебе, пленнику. Знай свой грех, Тимоха, и посапывай в две дырочки. Не с руки тебе рот открывать.

Кляцнули челюсти Ивана. Короткий, сухой удар в подбородок свалил наземь. Тимофей постоял над ним, а затем сел рядом и обхватил голову руками. Гнев утих, в груди осталась рвущая душу обида на чудовищную несправедливость и засасывающая неизбывная тоска. Дав выход гневу, он болез-

ненно раскаивался в том, что сделал. Иван очухался, встал на ноги и ошалело, недоуменно посмотрел на сидящего рядом Тимофея, тот поднял черные от внутренней боли и тоски глаза, отрешенно сказал:

— Чего ждешь? Бей гада-пленника... Руки не отведу..

Иван ничего не ответил и стал откручивать лемеха.

Вернувшийся с замера учетчик застал трактористов за делом. Они молча и сосредоточенно заканчивали менять лемеха. А потом также молча, не попрощавшись, разъехались в разные стороны. Иван повел трактор по борозде, а Тимофей лег на телегу и закрыл глаза. Несколько раз оглянувшись на пожелтевшее лицо Тимофея, с заострившимся носом и плотно сжатыми, без единой кровинки губами, учетчик встревоженно спросил:

— Тимоха, ты часом не захворал? Уж больно с лица желтый. На-ка водички испей с моего колодца. Полегчает.

Тимофей медленно отпил из алюминиевого бидончика несколько глотков и пояснил:

— Голова гудит. Чертова контузия опять привязалась... Ничего, отосплюсь — пройдет. Водички твоей глотнул — уже и полегчало. Спасибо.

Перед ужином Тимофей попросил жену достать из подпола бутылку с самогонем. Груня удивилась: в рабочие дни муж в рот не брал. Но, видя, что Тимофей приехал с поля сам не свой, достала самогон, а потом быстренько слазила в погреб и поставила на стол миску с квашеной капустой и огурцами. Тимофей налил вскленый граненый стакан мутноватого самогона, медленно вытянул его до дна и захрустел огурцом.

Груня убедилась, что с мужем что-то произошло: он никогда не пил по полному стакану. Поэтому, когда Тимофей снова потянулся к бутылке, она решительно отстранила его руку и мягко сказала:

— Хватит, Тимоня. Работать завтра. Голова будет болеть.

Тимофей виновато и грустно улыбнулся:

— Не буду, не буду..

Пока Тимофей ужинал, Груня сидела поодаль и встревоженно смотрела на мужа. Спрашивать ни о чем не решилась. Знала: мог вспылить. Но знала и другое: у Тимофея от нее ни в чем и никогда не было утайки. И она ждала. Выпив напоследок кружку холодного молока, Тимофей взял жену за руку, ласково притянул к себе и неожиданно предложил:

— Груня, а давай уедем отсюда?

— Как — уедем?

— Совсем уедем на другое место жить. В Жерновку, в МТС звали меня работать — вот и поедем туда. Или в другое место...

— А мама, а дом, а хозяйство. Мама не согласится. И бросать ее нельзя — она и так еле ходить стала. Не поедет она на чужбину.

— Не поедет, — согласился Тимофей. — Только и здесь мне не жизнь, Грунюшка. Мыслимо ли дело на родной сторонущке в предателях ходить. Больно корят меня пленом. Вот и сегодня... Не утерпел я, шарахнул Ивана по башке. Завтра и с трактора снять могут...

— Ой, беда ты моя, беда! Просила же я тебя не спорить ни с кем, не связываться. За что ты его?

— Укорил пленом. Ему-де, фронтовику-орденоносцу, во всем вера, а мне, пленному, нет. По нему выходит: плен — грех мой непрощенный, и рот мне нельзя раскрывать.

Груня поняла, что говорить об этом дальше — еще больше усиливать боль-обиду мужа. И она увлекла Тимофея на постель. Ангел-хранитель снова раскрыл над ними свои крылья. Обласканный и облегченный, он крепко уснул и спал, не просыпаясь, до самого утра.

4

На пересменке Иван первый протянул руку. Тимофей крепко пожал ее. Вместе быстро заменили лемеха, покурили напоследок и с миром разъехались. С той поры размолвок у них не было. Иван одумался и понял, что напарник фактически прикрыл его собой, не выдал начальству, и он, Иван, напрасно зацепил его за живое. Пахал исправно, чисто. Правда, выработка у него была несколько ниже, но что тут обижаться? Тимофей и до войны лучшим пахарем слыл. Знал технику, как свои пять пальцев, — это все признавали. И в усердии ему равных не было. Другой, глядишь, остановит среди ночи трактор подалее от дороги и соснет часок-полтора или с обеда попозже уедет. А Тимофей каждую минутку берег, злился, ежели кто мешал дело доделать. Вот гектары поверх нормы и набегали.

После пахоты культивировали зябь, сеяли рожь, пшеницу, подсолнечник. А там и сенокос подоспел, следом уборка хлебов. Закрутилось, завертелось всё — передохнуть некогда. К тому же два трактора в колхозе вышли из строя, а Тимофеев тянул так, как бы только из ремонта вышел. Стали Тимофей с Иваном нарасхват. Где горячо, не успевают — туда сразу их.

Иван бурчит: что я, двужильный? А Тимофею любо, в азарт вошел, везде нужен, всё получается. За трактором следил самолично, регулярно смазывал и крепил детали. Главное, душой стал отходить, не думал уже о переезде на новое

место жительства. Взором как бы повеселел, улыбаться стал чаще. Груне с матерью в радость это. Ждут его с поля, не дождутся.

Так бы и жить дальше, выправлять потихоньку искорененную судьбу. Да, видать, много недоброго и несправедливого намесила война в людях.

Ближе к осени это было. Приехал Иван на смену не один, а с Витькой Бугровым. Витька к тому времени в большие начальники вышел, стал заместителем председателя колхоза. У Ивана лицо какое-то виноватое, глаза прячет. Понял Тимофей: неспроста Витька приехал. Так и случилось. Поздоровавшись, не подавая руки, Бугров начальственным тоном сказал:

— Завтра у тебя будет другой сменщик — Семен Рузянов.

— А Иван куда же? — неподдельно удивился Тимофей.

— В Саратов посылаем. На семинар по обмену передовым опытом. Как лучшего тракториста колхоза. Оттуда поедет получать новый трактор.

Присутствующий при разговоре учетчик не вытерпел и сказал:

— Так лучший-то у нас Тимоха. У него и выработка больше, и на тракторе он за старшего. Правда ведь, Иван?

Иван хотел что-то сказать, но Бугров опередил его:

— А ты не лезь не в свое дело. Твое дело с аршином ходить. Правлению колхоза виднее, кто лучший тракторист. Мы из пленника передовика делать не будем. Дознаются — позор на всю область. Головы снимают.

— Зря ты Тимоху обижаешь. Он правда лучше меня работает, — вклинился наконец в разговор Иван.

— Никто его не обижает, — обрубил Бугров. — Он сам себя обидел, когда в плен сдавался. Товарищ Сталин таких, как он, предателями и изменниками Родины назвал. Приказ такой был за его подписью. А мы Тимоху за предательство в передовики и новый трактор?!

Быть бы большой беде, но Иван успел перехватить занесенную Тимохину руку с молотком. Он крепко обхватил напряженное тело товарища, оттащил его от Бугрова и тихо сказал на ухо:

— В тюрьму захотел, дурья твоя башка. Опомнись, Тимоха.

Тимофея трясло, как в лихорадке, в горле клокотало, мертвой хваткой он продолжал сжимать черенок молотка и ненавидящим, немигающим взглядом смотрел на Бугрова. Продолжая удерживать Тимофея, Иван повернулся к Бугрову и попросил — нет, пожалуй, приказал:

— Уезжай от греха подальше. Уезжай, говорю!
Бугров прыгнул в рессорку и хлопнул вожжами лошадь:
— Но! Но! Да он ненормальный совсем... Предательское
рыло!

Перемог и это Тимофей. Но свет белый не мил стал. Встанет утром, а радости нет. Не за что зацепиться душеньке, чтобы бодрости набраться и в силу войти. С трудом тащился он по жизни. Работал, правда, как и прежде, на совесть, но без куража-азарта, а так, словно заведенная раз и навсегда машина. Людей сторонился и больше молчал. Однако, когда видел несправедливость или обман, не терпел и вступался за правду. И тут уж у Тимофея не было ни начальства, ни друзей-товарищей, ни сродников и кумовьев. Любому выскажет свое неудовольствие.

Раз как-то насел помощник бригадира на молодого тракториста Витьку Гуреева и ну чепушить его последними словами. Тот, видишь ли, в нерабочее время трактор взял без спросу и съездил за бревнами в лес. Строилась семья, дом возводила. Вот Витька и помог отцу. Тришин и давай его распекать при всей бригаде. Парнишка покраснел весь, не знает, куда глаза деть, руки положить.

— Ты чего пристал к парню? — вступился за Витьку Тимофей. — Он что — кататься ездил? Отцу помог лес привезти для дома. Если добром, ты сам должен подсобить. Парень трактор из хлама на колеса поставил, два месяца не вылезал из-под него. Ему спасибо надо сказать, а не ругать.

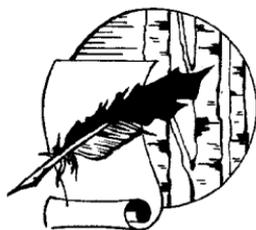
Мужики одобрительно загудели. Трошин, почувствовав, что бригада не на его стороне, примирительно сказал:

— Я же не против. Понятно, дом строить дело не шутейное. Только порядок есть порядок: спрашивать надо. Слышишь, Витька, спрашиваться надо. Что я, не понимаю? Конечно, не откажу. Сам строился...

После наряда Витька догнал Тимофея и в знак благодарности сунул ему новый трехгранный напильник.

— Возьми, дядя Тимоха, у меня еще один есть.

Продолжение следует

Иван ЩЁЛОКОВ

ВЕСНА И ВОЙНА...

* * *

Грянул первый мороз — и трава в серебре,
На подворьях всё громче утиные крики...
Прогуляюсь по лугу с утра в ноябре,
На болоте нарву горсть подмёрзшей брусники.

В девяностые кто-то из местных дельцов,
В предприимчивой хватке себя выражая,
Посадил здесь бруснику — аж тыщу кустов,
Но, к несчастью, собрать не успел урожая...

Разрослась куда зря — от ручья до бугра,
Одичала совсем у заросшего дота.
А когда созревать наступает пора —
Будто капельки крови роняет здесь кто-то...

Лает пёс за соседским забором с тоски,
Завывает, бедняга, в неволе от скуки...
Погружаюсь в брусничные эти деньки,
Как в озябшие — с улицы — женские руки.

И ныряю в ладони на пару секунд,
И глаза закрываю в растрёпанных чувствах.
Но кроваво-брусничные будни секут
И сердцам не дают от себя же очнуться.

А ещё этот ветер, сбивающий с ног...
А ещё эти сводки с фронтов на Донбассе...
И со всех переулков, с болот и дорог
Листья гонит, как души от взрыва фугаса.

* * *

В сентябре всё дожди, дожди,
Хмарь небесная — с горизонт.
И грибов, поди, пруд пруди,
Что ни шляпка — роскошный зонт.

Жаль, натурой я не грибник,
Не охоч до лесной глуши.
Я с рожденья — степной мужик
С горизонтом в размах души.

Глянешь — всюду поля, поля,
В речке плавают облака.
И вмещается вся земля
В глубину моего зрачка.

Даже хмарь здесь совсем не та.
От того, видно, взор мой чист.
И с сорочьего длинь-хвоста
Грусть слетает, как жёлтый лист.

* * *

С крыш на солнышке — кап, кап, кап...
А в тенёчке снег — скрип, скрип, скрип...
В терпком счастье из хвойных лап
Мы на ощупь живём, на всхлип...

Нет другого — терпеть, терпеть,
Ведь терпение — жизнь и Бог...
А не станем терпеть — смерть, смерть:
Без зазыва — и на порог.

Чьи-то губы — к губам, к губам...
Чьи-то щёки — в огне, в огне...
Что обещано было нам,
Промоталось на стороне.

Лишь на солнышке — кап, кап, кап...
А в тенёчке до полдня — скрип...
Вынь из сердца занозу-кляп:
Не на всхлип надо жить — на вскрик!

* * *

Еле-еле солнце в теле,
Время к ночи и луне.
Кто мы есть на самом деле
В уходящем этом дне?

Всё надеялись: износа
Свету нет и небесам.
И чертила тень вопроса
След орбиты по сердцам.

Не себя, конечно, жалко,
Не лучей, ещё живых.
Света нет — душе не жарко,
Значит, нечем греть других.

Хоть бы отблеск, хоть бы лучик...
Ночь. Луна. И лай собак.
Ничему года не учат.
Или учат, но не так.

* * *

Пока я жил в один мазок,
Почти в набросок,
Мир с полотна сошёл в песок
Снегами с просек.

И был художник именит,
И своенравен,
Творил меня, как Бог велит,
Как совесть правит.

Небритость — в несколько недель,
Глазища — с обруч...
Штрихами в лёгкую метель
Рождался образ.

Скрипел по сердцу карандаш —
Туда, обратно...
Входил с художником я в раж —
В свой, невозвратный.

Но и в набросках, и в мазках
Душа — на милость! —
В моих недрёманных зрачках
Вся отразилась.

Не по касательной, не вскользь,
А сходу, с бою
Прошла блаженная насквозь,
Чтоб быть со мною...

Я душу берегу как есть:
Она ведь — знамя.
Ютится где-то слева, здесь.
Я точно знаю!

* * *

Храм Покровский. На морозце
День в сугроб румянцем влит.
Снегири как богомольцы —
В липах с песнями молитв.

Я и сам, подобно птицам,
Слыша звон колоколов,
Целый день готов молиться
В искупление грехов.

От земных недугов средство —
Небо в росписях лучей...
Знаю, легче станет сердцу
От молитв и снегорей.

И над всем житейским прошлым,
Над грядущим вешним днём
Кружит лёгкая пороша
Красногрудым снегорём.

* * *

Бабушка Елена,
Дедушка Иван...
Время горше плена,
Память глубже ран.

Вы давно у Бога
В неге и тепле.
Не судите строго
Тех, кто на земле.

Не шуняйте внука,
Пусть он — редкий гость...
Чем длинней разлука,
Тем нужней погост.

Тем потребней жажда
В вере и любви...
Все придут однажды
В этот край земли.

Лишь бы, с грустью сладив,
Во всю даль и близь
Никогда, ни на день
Не кончалась жизнь.

* * *

Давно не целовал твоей руки,
Как будто в этом не было резона.
Прогнозы лет, как в юности снежки,
Летят в окно по правилам сезона.

Пусть даже буду несколько смешон
На фоне дня, бульвара, снегопада,
Лицо по брови спрячу в капюшон,
Чтоб избежать взыскующего взгляда.

Шаги скользнут по линиям судьбы,
Споткнутся на запястье о морщины...
Прогнозы не спасают от мольбы,
А правила стареют, как мужчины.

Прости меня, что много-много лет
К твоей руке я не слетал, как птица.
Причин серьёзных оправдаться нет,
Есть повод в чём-то просто повиниться.

Как прах вчерашний, капюшон смахну,
И хлынет мир весёлый и цветастый
В мои зрачки. К твоей руке прильну
И тихо прошепчу: «Владей и царствуй!»

* * *

Годы торопят, и жизнь нарасхват —
Оптом, в рассрочку и просто поштучно.
Разве из нас кто-нибудь виноват,
Что оказался в цивилизной толкучке?

Хочется солнца, рыбалки, реки,
Книжки хорошей и женщины верной,
Но задыхаются в пульсе виски,
Словно матросы от дыма в таверне.

Жизнь — не базар, только разницы нет:
Кто продаёт, кто скупает с азартом
В чередовании смыслов и лет
Наше стремленье к небесному старту..

Воздух вдыхаю до хруста в хребте,
Вихрям противлюсь, как дедова кровля,
И на пути от мытарства к мечте
Не принимаю такую торговлю.

* * *

По клеточкам, по веточкам,
По синим лоскуткам
В сердца заходит вечное
И остаётся там.

Чирикает воробушком,
Порхает мотыльком,
Чтоб помнили хорошее,
Забыли о плохом.

Чтоб всё сиюминутное,
Всё сумрачное зло
Сменилось на уютное
Душевное тепло.

Горят на щёчках ямочки,
Влюблённый льётся бред...
У вечного мы лямочки —
Тянуть идущих вслед.

* * *

Вот и случилось: весна и война...
Щёлкают скворушки, бухают мины...
Так бы и вымарал из полотна
Всю неестественность этой картины!

Мне не хватает ни слуха, ни глаз.
Спешились чувства, готовые к битве...
Русские мальчишки входят в Донбасс...
Скворушка, песня твоя — как молитва!

Жить бы мне, жить, не греша, не спеша,
Скуку лелеять в быту мимолётном,
Но заливаётся в крике душа,
Чтобы не слышался вой миномётный.

В трелях встревоженных кровная связь
Дух пробуждает — от деда до внука...
Русские мальчишки входят в Донбасс
Ради живого скворчиного звука.

* * *

*Памяти командира батальона «Спарта»
Владимира Жоги с позывным «Воха»*

Погиб товарищ Воха...
Война — часть бытия.
Но Вохина эпоха
Жива, как и земля.

Гордится Волноваха
И знает весь Донбасс,
Что честь сильнее страха,
А подвиг — ради нас.

Тут родина — не доллар,
А счастье — не безвиз...
И смерти нет у долга,
Когда и смерть — за жизнь.

В боях мужает племя.
И каждый — Вохе брат...
Они штурмуют время,
И с ними — их комбат!

* * *

Ночь вымерит взглядом комбата
Посты, снаряжение, танки
И ляжет солдатским бушлатом
На стылое тело землянки.

И выпорхнет сердце за бруствер
Случайной испуганной птицей.
И звёзды вползут по-пластунски
В траншеи, чтоб в них закрепиться.

И месяц — космический коптер,
Мелькнув отражением в луже,
В мгновениях правды окопной,
Как все, уповает на дружбу.

Он верит в победу и Бога,
И в крестик под тёплой тельняшкой,
И что отоспится немного
Наутро в соседнем овражке.

А дальше — как будет, так будет.
Вернётся заря из разведки...
Война — вереница из буден
С забытой в бушлате конфеткой.

* * *

Теперь уже, когда другое племя
Из пламени Донбасса родилось,
Мы провожаем собственное время,
Что перестройкой с пафосом звалось.

Оно нас расщепило до молекул —
От Беловежской Пуши до Курил.
Мы истреблялись вместе с нашим веком:
Он был нам отчим, он предатель был...

И в дни, когда с донбасскими дымами
Вдыхает юность свой победный миг,
С тревогою глядим за пацанами,
Чтоб, как отцов, не предавали их.

* * *

Время стрелять и не время прощать.
Время ломать, чтобы строить потом.
Зло повторяется в мире опять,
Мир упивается заново злом.

Хочется зубы до скрежета сжать,
Губы кусать до кровавой слюны...
Странное время — желанье стрелять
И не прощать с появлением войны.

Войны приходят неожиданно, как дождь
Или как ненависть после любви...
Чтоб понималось, где — правда, где — ложь,
Сердце в помощники чаще зови.

Всё перемелется — будет мука
В юных висках и горчинка в зрачках...
Если стреляли в былые века,
Чем же кто лучше в текущих веках?

Мир обрушается в чём-то большом,
Мир не меняется в мелких штрихах...
Время стрелять, чтоб прощалось потом
И не пылало стыдом на щеках.

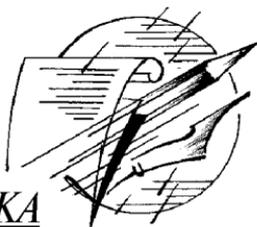
г. Воронеж

О РУЛЕВЫХ РОССИЙСКОГО КИНО И ТВ

О российском кино и телевидении последних десятилетий написано немало. И не случайно. Ведь это сферы, которые в значительной мере сегодня формируют сознание и черты характера человека.

На протяжении многих лет справедливо отмечается низкое качество создаваемых в России кинофильмов. Хорошие нравственные фильмы с интересным и поучительным сюжетом — это редкость на российских телеэкранах и в кинотеатрах. Нам, как правило, предлагается пошловатый ширпотреб на криминальные темы или о богатеях и золушках на американский манер и пр. Этаким скоропалительно сделанный голливудский продукт с российским оттенком. Даже интерьеры российских кинотеатров сделаны по американским лекалам — кресла, места для поп-корна... В общем, впитывай зритель тенденции и менталитет американской культуры.

Как говорится, всё идёт по плану... написанному за морем-океаном. Англосаксы, имеющие 500-летний колониальный опыт, плотно окутывают своими сетями российские просторы и на-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

роды. Ещё во времена Ивана Грозного английские купцы через Белое море вели с Русью активную торговлю. Они создали Московскую торговую компанию, получив значительные привилегии от русского царя. Позднее они ещё более развернулись. Только заговор против императора Павла I под патронажем английского посла чего стоит и говорит о их влиянии на российские верхи.

Теперь они вместе с Ватиканом активно влияют на сознание российских граждан. Надо же внушать туземцам покорность и преклонение перед их «величием».

За последние 30 лет при последовательном и целенаправленном руководстве западных кураторов в России сформировалась кино- и телеиндустрия, на взгляд многих, не отвечающая нашим национальным интересам. Создаются киноцентры, кинообъединения, за которыми просматриваются западные и особенно англосаксонские структуры. Яркий пример тому некая Ассоциация продюсеров кино и телевидения (АПКиТ). Вот что о ней указывается на ее сайте:

«Ассоциация продюсеров кино и телевидения (АПКиТ) — некоммерческая организация, созданная в 2009 году. Сегодня она объединяет крупнейшие российские кинокомпании, которые в совокупности производят более 60% всего отечественного аудиовизуального контента: сериалы, полнометражные и документальные фильмы, анимационные проекты, телешоу. Председатель правления АПКиТ — Сергей Сельянов, глава Кинокомпании СТВ. Ассоциация принимает непосредственное и активное участие в развитии кинематографической отрасли России. Профессиональный опыт ведущих продюсеров позволяет выявлять самые актуальные в индустрии кино и телевидения вопросы и находить способы их решения. АПКиТ в целом работает над укреплением экономических, юридических и кадровых основ функционирования отрасли»

На сайте АПКиТ о Сергее Сельянове указывается: «Лауреат ряда кинопремий, в том числе премии Ассоциации кинопредпринимателей Америки, полученной в 1999 году. Лауреат Государственной премии РФ в области кинематографа за фильм «Кукушка» (2003 год)... Продюсер года (2008 год) по версии журнала GQ. В 2015-м Сергей Сельянов стал лауреатом премии президента РФ в области литературы и искусства за произведения для детей и юношества».

О телеканале СТС сказано: «Основной вид деятельности — производство и продвижение новых фильмов... Кинокомпания СТВ совместно со студией анимационного кино «Мельница» занимается производством анимационных

фильмов, среди которых знаменитая серия о приключениях Трёх богатырей, Ивана Царевича и Серого Волка. Уже который раз они становятся самыми кассовыми анимационными российскими фильмами года».

Но вряд ли эти анимации о Трёх богатырях и Иване Царевиче вызовут у юного зрителя уважительное отношение к нашей русской истории и русским традициям. Это, считаю, скорее, из жанра уничижительной пародии, некой насмешки, а не доброго достоверного кино. Зарубежные заказчики давно пытаются подорвать наш духовный стержень и самосознание. И реализуют они этот процесс с использованием кинопроката, воздействуя на юных зрителей.

По данным Википедии, телевизионная сеть СТС была основана американским предпринимателем Питером Герви в 1996 году. В начале 2000-х, к примеру, на СТС выходила программа «Мировой реслинг», которая является сокращённой 45-минутной международной версией шоу WWF/WWE SmackDown! Сеть просвещала граждан России в направлении американских «ценностей». Идеология телеканала не изменилась до настоящего времени.

Кроме председателя в правление АПКИТ входят ещё 10 человек. Александр Акопов — соучредитель и продюсер компании COSMOS Studio, заместитель генерального директора холдинга НМГ по развлекательному вещанию. Виктор Будилов — генеральный продюсер группы компаний «Гамма» (в АПКИТ входит продюсерский центр «Гамма-продакшн»). Иван Самохвалов — управляющий партнер и генеральный продюсер компании «Среда». В 2018 году открыл первое в России агентство экранизаций «Best Case Agency». А также Игорь Мишин — генеральный продюсер МТС Медиа/КION, президент кинокомпаний «МИГ Пикчерз». 20 апреля 2021 под его руководством был запущен онлайн-кинотеатр КION, который является частью системы МТС. Составляющей КION стал собственный контент — сериалы и полнометражные фильмы КION Originals.

Игорь Толстунов — создатель и глава компании «ПРО-ФИТ» («Продюсерская фирма Игоря Толстунова»). В его фильмографии свыше 50 полнометражных художественных картин. Работает и с дебютантами, например, в 2008 году на экраны вышел фильм «Все умрут, а я останусь» Валерии Гай Германики (Валерия Дудинская).

Небольшое отступление... Об одной из «работ» Германики-Дудинской — сериале «Школа» ёмко высказался народный учитель России, член Общественной палаты РФ Ефим Рачевский: «...гораздо важнее не гнать черную, а рассказы-

вать о том, как можно наладить взаимодействие школы, детей и родителей... А авторы фильма этого сделать то ли не смогли, то ли не захотели. Они пошли по простому пути: предпочли показать отрицательную эстетику, которая, несомненно, привлечёт публику». И таких «дебютантов» пестует Толстунов.

Рауф Атамалибеков — генеральный директор кинокомпании «РИМ Продакшн». Родион Павлючик — президент ГК «ПРИОР» (в АПКит входит продюсерский центр «ПРИОР Продакшн»). Эдуард Илюян — генеральный продюсер и председатель совета директоров студии Yellow, Black and White, которая сотрудничает с крупнейшими мировыми и российскими компаниями и телеканалами: Disney в России, ВГТРК, «Централ Партнершип», START, СТС, «Первый канал» и другими. В 2020 году Yellow, Black and White запустила креативное агентство Integracia.

Юлия Иванова — генеральный директор кинокомпании «Марс Медиа Энтертейнмент». Инесса Юрченко — генеральный продюсер и сооснователь кинокомпании «Трикс Медиа».

Всего АПКит, по данным сайта, объединяет 59 продюсеров. Мог бы привести резюме этих рулевых кинобизнеса с принадлежностью к компаниям с англоязычными, за редким исключением, названиями типа продакшн, энтертейнмент и пр. Естественно, англоязычные названия компаний влекут и подражание англоязычному кинематографу. Что многие зрители отмечают по кинолентам, созданным так называемыми российскими кинопроизводителями.

Кстати, на сайте АПКит не указано отчество ни одного продюсера. Это тоже, на мой взгляд, показатель, пренебрежение нашими отечественными устоями, когда мы привыкли обращаться к руководителям да и немолодым людям по имени-отчеству. Это у нас в традиции — чтить отцов. У англосаксов нет подобного. Видимо, нет подобного и у членов названной Ассоциации, опыт которых *«позволяет выявлять самые актуальные в индустрии кино и телевидения вопросы и находить способы их решения»*. Выявлять и находить, видимо, под управлением зарубежных капитанов.

Американо-британская идеология сегодня превалирует в так называемом российском кинематографу. Именно «так называемом». Ибо назвать его российским трудно. События в таком кино происходят только на фоне российских природных ландшафтов, российских городов... Содержание в значительной мере, полагаю, заносится англосаксонскими наставниками.

И такие кинодеятели не только отучают нас от нашего родного менталитета, образа жизни, но и пытаются исказить нашу историю. Причём эти искажения вносятся испытанным способом — путём небольших вкраплений. Когда среди вроде правдивой сюжетной линии происходят вбросы дезинформации.

Есть такая кинокомпания «Star Media». Одна из крупнейших кинокомпаний России. На сайте АПКит указывает: «Помимо производства контента, компания развивает сеть собственного телевидения — телеканалы Star Cinema, Star Family и Volt уже доступны в нескольких странах Европы. Ещё одним стратегическим направлением деятельности компании является YouTube. MCN компании включает в себя более 50 каналов. Сегодня Star Media — один из основных агрегаторов в YouTube на территории СНГ... Эксклюзивным продавцом контента компании Star Media является международный дистрибутор». Одни англоязычные названия. И сколько их!..

Представляет Star Media в АПКит Мария Гречишникова — управляющий директор группы компаний «Стар Медиа Дистрибушн». Профессиональный путь она начала в компании Studio 2V и Executive Producer в Lean-M. Является членом International Academy of Television Arts & Sciences (IEMMYS). В 2021 году стала членом жюри международной телевизионной премии Rose d'Or.

На ютуб-канале Star Media насчитывается 6,2 млн. подписчиков. И ютуб не блокирует данный канал, как многие патриотические каналы.

Создал Star Media в 2006 году Владислав Ряшин, украинский продюсер, ныне президент компании. Из Википедии узнаём, что Ряшин успешно работал на украинском телевидении с 1991 года как автор, ведущий, продюсер. С 2001 по 2006 год — председатель правления украинского телеканала «Интер». За время руководства Влада Ряшина «Интер» стал ведущим телеканалом Украины и лидером телеэфира.

Ряшин — продюсер более 500 художественных фильмов, сериалов, анимаций, документальных фильмов, телепрограмм и мюзиклов, права на которые приобретали телеканалы Восточной и Западной Европы, Японии, США, Израиля. Продюсерские работы В. Ряшина являются номинантами и лауреатами престижных международных фестивалей и премий — AFI (США), Monte-Carlo Television Festival (Монако), World Fest Houston Film Festival (США), Seoul Int Drama Award (Ю. Корея), International TV Festival Bar (Черногория) и многих других.

Подобная плодovitость и многие награждения вряд ли возможны без поддержки влиятельных сил. И среди потребителей кинопродукции — исключительно недружественные России страны. Там же Ряшин становился лауреатом и номинантом. Не оттуда ли и шла эта помощь? Возникает ещё вопрос: в чьих интересах работает «успешный украинский продюсер»?

В 2013 году компания Star Media под брендом Минкульта РФ создаёт многосерийную док-драму «Романовы». Продюсеры сериала — Валерий Бабич, Владислав Ряшин, Сергей Титинков, Константин Эрнст. В нём есть ряд, скажем так, некорректных к России фрагментов. Вот примеры.

Фильм «Империя. Пётр I». На 3-й минуте фильма после сюжета о стрелецком бунте 1682 года диктор утверждает: «С тех пор Московское царство навсегда останется для него символом дикости, хаоса и бессмысленной жестокости». В фильме немало сюжетов о том, как добрые европейские деятели пытаются «помочь» Петру вырвать Россию из «дремучего и дикого состояния». Вот так зрителю внушается мысль о «дикости, жестокости» русских и «доброте, просвещённости» европейцев.

«Романовы», фильм второй. Период царствования Фёдора Алексеевича. Показан сюжет о начале войны с турками. На 16 минуте фильма диктор поясняет: «В 1677 году крымско-турецкая армия численностью 100 тыс. вторглась на территорию Украины. Ей противостояла русско-украинская армия численностью около 57 тыс. человек...» Впитывай, зритель, в XVII веке, оказывается, уже существовала Украина, и она имела свою армию.

Тем, что Украина появилась в качестве субъекта только в 1918 году, создатели фильма пренебрегают. Главное, добиться поставленной кураторами цели, внедрить миф о многовековой истории Украины.

Ещё фильм, который показан на ютуб-канале Star Media — «Загадки Русской истории. XVII век: Загадки Российских Самозванцев», производство студии «Berg Sound». На сайте студии сообщается: образована в 1995 году. Является признанным лидером в области создания неигрового кино и обладает одним из самых больших и пополняющихся каталогов разнообразного видео в странах бывшего СССР и Центральной Европы. Отчего-то эти студии, кинокомпании, имеющие юридические адреса в Москве, так и тянутся в Европу, в недружественные России страны...

Итак, фильм «Загадки...» На 27 минуте, рассказывая о смуте начала XVII века, диктор упоминает казаков с Литовской Украины. На 43 мин., рассказывая об одном из само-

званцев в 1670-х годах, диктор поясняет, что он скитался по украинско-русскому порубежью и поехал в Сечь. Опять XVII век и... Украина, украинско-русское порубежье.

И сколько подобной исторической и другой дезинформации в этих «кинопроизведениях», созданных компаниями с англоязычными названиями! Не для того ли «успешный украинский продюсер» вдруг перебрался в Россию?..

А ведь названные продюсеры и компании снимали фильмы на российских студиях — Мосфильме, Ленфильме... За бюджетные деньги... Вспоминаются слова русофоба З. Бжезинского: «Новый мировой порядок будет строиться против России, на руинах России и за счёт России».

Среди госструктур, которые определяют госфинансирование кинопродукции, особое место занимают Министерство культуры РФ и «Федеральный фонд социальной и экономической поддержки отечественной кинематографии» (Фонд кино). Патриотическая пресса о работе Минкульта, возглавляемого Ольгой Любимовой, крайне редко писала что-то позитивное. Вполне обоснованная реакция.

В августе 2020 года Любимова назначила руководителем Департамента кино Светлану Максимченко. Ранее, в декабре 2016 года, Максимченко была назначена гендиректором Москино, а в 2018 году запустила работу Московской кинокомиссии. Вот что пишет о Максимченко сайт газеты «Завтра» в статье «О «болотной» кураторше российского кино» (31.08.2021 г.): «Во время белоленточной смуты Максимченко была региональным директором Всемирного общества новостного дизайна (Society for news design) в РФ и главредом болотной газеты «Акция» («газета для молодой элиты России»), которая дарила соответствующей аудитории промо-интервью с Ильёй Яшиным, Марией Гайдар, Ильёй Пономарёвым, «дебаты» Алексея Навального, рекламу ФБК (экстремистская организация-иноагент, запрещённая в России. — Авт.)».

Ну а в Минкульте на её счету — поддержка фестиваля «Артдокфест» Виталия Манского и ЛГБТ-фестиваля «Бок о бок». Это тот «Артдокфест», который в 2017 году заявлял для демонстрации фильмы, пропагандирующие укронацистские батальоны, руководителей антироссийской татарской автономии Крыма.

Летом 2022 года в связи с «переходом Максимченко на другую работу» руководителем Департамента кино Минкульта назначен продюсер и киновед Дмитрий Давиденко. Приведёт ли это к изменению политики Минкульта в отношении российского кинематографа, покажет время. Но многие «работники» Любимовой и Максимченко, полагаю, остались на своих местах...

Фонд кино является одним из важнейших государственных регуляторов кинопроизводства и кинопроката в России. Члены его Совета, они есть в Википедии, на мой взгляд, более пророссийские. Хотя среди них снова встречаем Сергея Сельянова. Есть там покинувший Россию в 2022 году ввиду «особой позиции» по спецоперации Антон Долин (неужели до сих пор член Совета?).

Антон Долин — член Совета Российского еврейского конгресса. В 2013 году выступил в поддержку ЛГБТ-сообщества и против закона о запрете «пропаганды гомосексуализма». Поддержал акции протеста в Белоруссии в 2020 году, в 2022 году выступил против СВО на Украине и покинул Россию. Своёобразно определяется выдвижение кадров в РФ. Человек выступает против политики государственных институтов, поддерживает ЛГБТ-сообщества, противник закона о запрете «пропаганды гомосексуализма», а его — на повышение (!). Или декларирование госполитики для населения — это одно, а реальные действия госорганов — это другое?

О руководителях и телеведущих российских телеканалов, их двойных гражданствах, видах на ПМЖ за рубежом известно многое. В заключение отмечу, что реального очищения, оздоровления нашей киноиндустрии да и всей культуры в последнее время не ощущается. Если, к примеру, брать предлагаемую сегодня читателям литературу, то она тоже окажется в основном зарубежной. Книжный рынок в настоящее время в основном так же контролируется чиновниками и предпринимателями не российской направленности.

Но разве положение в сфере кино, телевидения, литературы, всей культуры не известно российским компетентным органам и руководителям страны? Наверное, известно. Почему оно не исправляется? Или, может, это положение их устраивает? Тогда какой смысл то и дело с высоких трибун говорить о реальном противостоянии с Западом? Тем более, что структуры МВФ по-прежнему контролируют многие сферы деятельности России.

Всё это разлагает российское общество и не способствует успеху проводимой СВО да и в целом движению нашей страны вперёд. Руководству России нужно быстрее избавляться от внешнего контроля и активнее, явственнее проводить национально-ориентированную внутреннюю и внешнюю политику. Нужно укреплять наш тыл. Только конструктивное взаимодействие тыла и фронта, чёткая патриотическая позиция руководства страны может привести нас к Победе.

г. Санкт-Петербург

РАССКАЗЫ

ТИШКА

1

Утром позвонила младшая дочь Марианна и спросила: а не сможем ли мы взять себе хотя бы на время кошку, чтобы потом, если не приживётся, передать на передержку в приют. Дескать, вы ведь хотели обзавестись домашней питомцей.

— Та-ак, предлагаешь стать перевалочной базой... А котёнок-то уже самостоятельный? — машинально поинтересовался я.

— Какой еще котёнок, папа? Взрослая.

— А передержка — это что?..

— Всё просто: в приютах для животных есть специальные вольеры. Там в клетках живут брошенные и бездомные собаки и кошки, а люди приходят и выбирают себе, какие понравятся.

— А откуда она у тебя?

— Мы с девочками с работы зашли в цветочный магазин, а она у порога нам чуть ли не в ноги бросилась, и давай ласкаться. Спросили у продавщиц: ваша? Те — нет, приبلудная, иногда подкармливаем.

ПРОЗА

Нам стало жалко и мы её забрали, аж целый фонд по спасению организовали. Начальница переноску выделила; складываемся на корм, кошачий туалет, а вот взять к себе никто не может. У всех, как у меня, или уже свои есть, или нету возможности.

— Привози, посмотрим...

К вечеру следующего дня у нашего подъезда остановилась легковая иномарка, и я поспешил навстречу.

— Принимай, папуля, — Марианна открыла заднюю дверцу и передала решётчатый пластмассовый контейнер с деревянной ручкой на крышке. Внутри кто-то жалобно мяукнул. — Носили в клинику, проверили на паразитов, привили. Всё чисто. Сами управитесь?

— А ты что же? Не зайдёшь?

— Дела, папуль. В выходные заеду. — И перед тем, как вернуться в машину, дочь обернулась: — У неё лапка одна, скорее всего, сломана. Вроде как неправильно срослась. Врач сказала, если что — привезти, они под наркозом опять сломают и выправят.

— Доча, а ей что — на Эверест карабкаться. Давай, сначала понаблюдаем...

— Наверное... И доктор о том же — якобы эта процедура страшный стресс для животного.

Проводив дочь, подхватил контейнер, лоток для кошачьего туалета, пакеты с наполнителем и кормом и пошёл домой. Кошка не пискнула. Также молча она выбралась из приоткрытой дверки переноски; заметно припадая на левую лапу, сделала несколько шагов и остановилась посреди комнаты.

— Вот это да! — невольно усмехнулся я, обращаясь к жене: — Мало что хромая, так еще и чёрная, как ночь. Помнишь, как в песне: «говорят, не повезёт, если чёрный кот дорогу перейдёт...»

— Доводы не убедительны, — весело откликнулась Лариса. — Там ведь дальше-то какие слова? — «А пока наоборот — только чёрному коту и не везёт!»

Кошка, почуяв, что разговор о ней, повернула голову и прямо посмотрела на меня. Взгляд был на удивление спокойный, поразили глаза: не просто зелёные, а какие-то выразительно-изумрудные.

— Ну что, будем знакомиться, — жена протянула руку, чтобы погладить кошку.

Та увернулась и на трёх лапах убежала за диван.

— Пусть обнюхается да маленько освоится, — сказал я. — Назовём-то как?

— А Фенькой!

— С чего это? Я понимаю: Мурка, Муська...

— Мне просто нравится, — пожалала плечами жена.

— Фенька так Фенька... — я вернулся в прихожую, разместил в углу пластмассовый лоток и насыпал в него наполнитель. Это станет своеобразной лакмусовой бумажкой для нашей новосёлки, и от того, будет ли она оправляться в одном, предназначенном для этого месте или предпочтёт справлять нужду где попало, теперь напрямую зависела её судьба. Животное уже достаточно взрослое, и переучивать таких, как правило, пустое дело. Да и мы окончательного согласия пока не давали, как говорится: период испытательного срока.

Вечером опять позвонила дочь.

— Папуль, я совсем забыла: кошка скорее всего беременная...

— Не беременная, а сукотная.

— Ну, я не знаю, как там правильно, но врач сказала, что у неё в животе котятки.

— Чем дальше в лес, тем больше дров, — вырвалось у меня, и я съехидничал: — Дело осталось за малым. Сбегайте с девочками опять к цветочному магазину, найдите там папу-кота и, до кучи, на воссоединение везите к нам. Чего уж там — потеснимся!

— Не злись, папуль. Я же думала, как лучше...

На второй день я подметил некоторые особенности нашей новосёлки. Первое — она не жадная, пищу съедала, не торопясь и аккуратно, больше того, по опыту знаю, что в это время некоторых кошек лучше не гладить и не беспокоить — злобно зашипят, зафырчат, насторожатся, могут и цапнуть. А этой хоть бы что! Ты её гладишь, а она так же спокойно подъедает свой корм, основательно расставив передние лапы, причём, повреждённая левая у неё подогнута мохнатой с когтями подушечкой на бок, при этом весь вид кошки смотрится скорее трогательно, а не с какой-нибудь шемящей жалостью... Вторая особенность — это мурлыканье даже от легчайшего прикосновения и поглаживания, да иногда в такой раж входит, прямо как песню свою кошачью исполняет: громко, проникновенно и с чувством! Третье, как я отметил с определённым удовлетворением — Фенька знакома с туалетом, потому что, когда потребовалось, она без подталкивания и прочих намёков сразу направилась к лотку и всё проделала как надо. И наконец, четвёртое — кошка сообразительная и понятливая. Однажды подошла к матерчатому подлокотнику дивана, встала на задние и давай когтями передних лап, в том числе и покалеченной, скрести — еще чуть-чуть и ткань разорвала бы, но я подхватил её за шерсть ниже ушей, ткнул пару раз мордашкой в подлокотник и опустил на пол. По-

тешно припадая и подваливаясь на один бок, и тем не менее держа хвост пистолетом, Фенька во все лопатки бросилась наутёк, на какое-то время притаилась за шифоньером в углке. Минуты через три выбралась оттуда и как ни в чём не бывало направилась к миске с едой. Зато буквально тут же сообразила и облюбовала, где точить свои когти — о дверной межкомнатный косяк, словно понимая, что этим сохраняет нашу мебель. И это теперь её постоянное место для тренировок.

А через несколько дней отпала нужда нести Феньку к ветеринару на операцию. Подоконники в квартире выше, чем в метре от пола. Еще в первые дни у кошки были небезуспешные попытки взобраться туда, как я понял, подышать свежим воздухом, приток которого поступал через приоткрытые окна, и она это проделывала коротким прыжком сначала на стул, а уже с него и на подоконник. Там усаживалась и, вдыхая прохладный уличный воздух, наслаждалась видами нашего двора. Потом таким же способом, каким и попадала на окно, спрыгивала на пол.

— Наверное, киска скучает по воле, — сделала свой вывод жена и заключила: — Была бездомной, привыкла к улице, а там всегда ветерок, и ей теперь в квартире душно.

— А откуда тогда туалет знает?..

— Может, порода такая чистоплотная, передалось по наследству..

— Ну, ну..

Всё, что мы видели, происходило на кухне, а в зале пространство перед оконным проёмом было пустым и свободным, опереться не на что, поэтому первое время Фенька сюда и не заглядывала, зато недавно я стал свидетелем того, как она, мягко ступая, подошла к окну, на секунду присела и легко вспрыгнула вверх. Там степенно прошлась по широкому подоконнику и улеглась перед приоткрытой фрамугой. Нетрудно было догадаться и понять, что кость на покалеченной лапке срослась окончательно, болей Фенька теперь не чувствует, и ей, наконец-то, стало доступно практически всё, чем владеют остальные кошки. А то, что она по-прежнему иногда прихрамывает — так не ломать же из-за этого нашей питомице лапу, тем более сукотной, ожидающей приплода!

2

Кошка тяжелела с каждым днём, мохнатый живот расплзался в ширину, но она по-прежнему была подвижной и прыгучей. Чёрная шерсть лоснилась, а глаза всё так же изумрудно поблескивали. И всё равно я старался приглядывать за ней, реже отлучался из дома, благо пенсионер: мало ли что

может случиться в моё отсутствие с этим существом на сносках... По моим прикидкам она должна была разрешиться от бремени в середине февраля, однако и к началу марта ничего с ней так и не произошло. Правда, стала более медлительной, и никакой прыгучести, огромное пузо едва не волочила по полу, но аппетит был всё такой же отменный. Жена уже начала пенять мне: дескать, ей рожать, а ты раскармливаешь, как поросёнка... В ответ я напоминал, что наша питомица так старается не для своего чрева, что всё питание уходит на котят, которых мы пока никак не дождёмся.

И вот началось... Десятого марта в семь утра что-то толкнуло меня зайти в комнату, где в углу рядом с комодом в коробке со сложенным вчетверо старым одеяльцем было место нашей кошки. Заглянул. Феньки там не оказалось. Поискал глазами вокруг. Ага, вон она, красавица, на половичке под деревянным креслицем у моего рабочего стола, лежит на боку и поминутно облизывает свой объёмистый ворсистый живот. Хвост задран. Половичка под ним влажная. На моих глазах Фенька выдавила из себя первого сопливого слепыша, чуть погодя, попискивая, показался второй, за ним третий. Кошка принялась облизывать их. Я наклонился ощупать живот на предмет того, остался ли кто еще там. Вроде да. И тут раздался телефонный звонок. Дочь интересовалась, что у нас нового.

— Трое новосёлов, — пошутил я. — Только что вылезли... Скорее всего там еще есть...

— Папа, не надо больше... — слышно было, что дочь растеряна. — Куда их девать-то?

— А ты думаешь — я смогу остановить процесс? Это же матушка-природа... Точно, доча, вот еще один липучий комочек вывалился. Гляди-ка, опять тужится! Пятый вылез! Вот так разбогатели!..

— И что же с ними делать, папа? — обречённо послышалось из сотового.

— А ничего! Теперь уж пусть растут. Раздадим, поди...

Между тем Фенька поочередно досуха облизала всех новорождённых и снова улеглась набок. Все пятеро сползли к животу лежащей матери, торкались ей в брюхо, искали соцы. Наконец каждый нашёл свой, и началось мерное посапывание и причмокивание. Я сходил в кухню, поставил чайник, позавтракал, вернулся в комнату. Котята спали, уткнувшись мохнатыми мордочками Феньке в бок. Подрёмывала и она. При моём появлении распахнула свои изумруды, в уголках её глаз уловил настороженность.

— Да ты что, дурёха... — кто ж теперь позарится на твоих котят? — весело произнёс я. — Пусть живут...

Кошка будто поняла всё, что я сказал, обмякла, успокоилась и, спустя минуту, ласково мурлыча, принялась облизывать тех из сосунков, до которых могла дотянуться, не потревожив остальных. Я присел рядом, осторожно прихватил двумя пальцами за шерсть ближнего ко мне котёнка и перенёс его в коробку, тем самым показывая, что надо бы сделать и Феньке. А то ведь, однако загостились они на половичке под моим креслицем, меня за столом работа ждёт, а им пора обживать своё жилище. Перенесённый котёнок пищал и ползал на одеяльце, мать напряжённо подняв голову, смотрела в его сторону, и... ничего не предпринимала. Посидел я на диване, поворочал головой, да и поднялся, отнёс еще троих, оставив одного на коврик. Этого-то, небось перенести силы хватит, коль с окотом перенапряглась... Фенька ходила за мной, путалась под ногами, но, чтобы взять своё чадо зубами за шерсть на холке и снести в коробку — это уж увольте! Походила она по полу промеж пискунами, поозиралась, и, лизнув напоследок ползающего в одиночестве котёнка, ловко прыгнула в коробку и улеглась перед четырьмя сосунками, видимо, посчитав, что им она нужнее. Вздохнув, я подхватил брошенного и втиснул его в серёдку к братьям и сёстрам, поняв, что Фенька по какой-то ей одной ведомой причине таскать за шкуру никого не намерена. Что ж, бывает и такое... Но, может, со временем инстинкты и заставят её одуматься...

Через полторы недели котята стали прозревать, разлепляя свои сомкнутые глазёнки; один за другим встали на лапки, окрепли. Кое-кто уже карабкался по стенке коробки и переваливался на пол, в любопытстве отползая всё дальше и дальше от своего уютного жилища. Там он терялся, приходил в смущение и начинал попискивать, а потом и пронзительно мяукать, призывая хоть кого-нибудь спасти его. Фенька, полёживая себе на одеяльце, между тем зорко наблюдала за происходящим, но чтобы пружинисто встать, потянуться и прыгнуть к укувылявшему за диван котёнку, это, как я понял, вообще не входило в её планы. Она лишь изредка с некоторым недоумением поглядывала в мою сторону, будто бы приободряя: чего, дескать, сидишь, хозяин?.. возвращай ребёнка маме...

Первую кошечку, подвижную и трёхцветную спустя месяц забрал себе дочерин сослуживец, тот, который вместе с Марианной и привозил Феньку. Мы с женой были рады несказанно: процесс, так сказать, пошёл... И чтобы ускорить раздачу, решили провести достойную рекламную кампанию — пофотографировать наших питомцев и выставить их забавные мордашки в интернет. Дождались солнечной

погоды, чтобы освещение в комнате соответствовало съёмке, жена изготовила свой сотовый, а я принялся отлавливать резвящихся на цветастой дорожке котят. Поймаю, подержу в ладонях, поглажу, успокою, выберу ракурс. Жена шёлкнет, глянет на монитор и либо кивнёт: давай, мол, следующего, либо заставит меня сменить положение на диване и выставить фотографируемого в еще более привлекательном виде. Снятых котят я бережно опускал с ладони на пол — беги, братишка, резвись... Остался последний, самый непоседливый. Его я отловил в прихожей и, успокоив, приготовил к очередной фотосессии.

— Сдвиньтесь к середине дивана, — скомандовала жена. — Солнце мешает.

Я приподнялся и, не поворачиваясь посмотреть куда сажусь, пересел вглубь. Под моей поясницей так смертельно мякнуло, что сердце упало и я, как ошпаренный, роняя из рук непоседу, взметнулся вверх. Тут же ошарашенно оглянулся туда, откуда раздался этот душераздирающий обречённый крик. Серенький котёнок пытался встать, выставив перед собой передние лапки, задние лежали безжизненно у стыка спинки и сидения дивана. Мохнатая головка была подвёрнута к левой лопатке. Правый окровавленный глаз почти вывалился, из раскрытого рта выглядывал розовый язычок и стекала кровь. Я осторожно подхватил этот бедный комочек.

— Ты что делаешь? Ему же больно! — жена бестолково суетилась рядом.

Ничего не отвечая, я ощупал лапки, проверяя, не сломаны ли, вроде — нет; пробежал пальцами по подрагивающему ворсистому тельцу, дотронулся до подвёрнутой шейки, попробовал вправить и привести в нужное положение голову. Тишка, а это был он, наш самый ласковый и безобидный питомец, только хватал ртом воздух, жалобно подмякивал и заваливал свою голову набок. «Какая дикая нелепость! Да будь ты проклята эта глупая фотосессия!» — стучало в висках, когда я то безуспешно пытался поставить котёнка на лапы, то прижимал его скрюченное и трясущееся тельце к себе, согревая.

— Лариса, звони Насте. Пусть прибежит, — Настя — это наша старшая дочь, она со своей семьёй живёт через квартал в семнадцатизэтажке, и у неё аж два кота и собачка, то есть опыт-то должен быть. — Надо бы его в ветлечебницу...

Дочь была у нас буквально через несколько минут. Без лишних слов бережно завернула полуживого, со свёрнутой шеей Тишку в шерстяной платок и умчалась в ближайший

ветеринарный участок. Потянулись томительные часы неопределённости. Я, как сел в своё креслице за стол, так и просидел весь день, уставясь в одну точку. Какое-то оцепенение накрыло меня. Ни мыслей, ни просвета в чугунной голове. Жена, видя моё состояние, предложила выпить стакан водки. Я махнул рукой: не до этого, мол. Какая водка! Вот набуровил так набуровил... Окровавленный Тишка так и стоял в глазах...

Ближе к вечеру позвонила Настя.

— Доча, как он? Что говорят — надо усыплять или есть шансы?

— Упаси Боже, какое усыпление! Его осмотрели, переломов и вывихов нет, сейчас сделали систему, поставили обезболивающий. Он спит. Я его заберу себе домой. По дороге зайду в аптеку, куплю Тишке лекарств и еды. У вас пипетка есть его кормить?

— Откуда! — энергия возвращалась ко мне. — Может, сбегаю, всего возьму?..

— Я сама...

— А деньги?

— Всё есть.

— Ладно, придёшь потом, отдадим.

— Да чего уж там, главное, чтоб Тишка выкарабкался.

Два дня Настя носила Тишку на переливание. Подкармливали глюкозой. Для удобства процедуры у него на передней лапке даже была закреплена миниатюрная полая трубка катетера. Марианне, чтобы её не расстраивать, пока ничего не говорили, а когда чуть забрезжил просвет выздоровления и появилась надежда, что котёнок будет жить, сообщили и ей. Она тут же примчалась, забрала котёнка и в переноске отвезла в Москву на Профсоюзную, где якобы самые продвинутые ветеринары. Как бы там ни было, но и эти лекари «братьев наших меньших» не нашли у Тишки ничего, что вызывало бы опасения за его жизнь. Тут и я, разом воспрянувший духом, теперь каждому встречному с жаром утверждал, что да, парня хоть и помяли малость, но ведь у котёнка еще, дескать, не кости, а хрящики, он махонький, и я даю 99,9%, что Тишка наш израстёт и выправится, и про эти чёртовые болячки и не вспомнит!

Всё это время котёнок находился у Насти, она его приучала есть из пипетки особое желе, поила молочком. Выхаживала. Возвращать к Феньке в коробку пока опасались — он всё еще хворый, и хотя правый едва не выдавленный глаз вроде бы вернулся на место и кровавая пелена спала, однако котёнок на ногах толком не стоял, шкивало бедного из стороны в сторону, постоянно заваливался на бок; и главное, неизвест-

но было, как его примут мать и резвые единокровные игрунки. А еще в голову лезли всякие страшилки про пресловутый естественный отбор, когда своего ослабевшего сородича, ставшего обузой, более сильные животные просто добивают, чтоб не путался под ногами.

Прошло еще несколько дней. Однажды позвонила Настя и сказала, что сейчас принесёт Тишку на побывку, а то, мол, он весь истомился в тесной своей коробке, пусть, дескать, пообщается маленько с Фенькой, может, повеселеет, а то совсем грустный, забьётся в угол и сидит.

Из переноски Тишка выбрался самостоятельно, голова всё так же склонена набок, но уши с кисточками, как у рыси, стоят настороженным торчком. Встал посреди комнаты. Пошатывается, однако в серо-зелёных глазах любопытство. Фенька было сунулась к нему, но тут же равнодушно отошла, не приняла. Жена и дочь переглянулись, а я пояснил:

— От котёнка запах не тот, родной-то давно выветрился, а теперешний, больничный, ей ни о чём не говорит... надо бы заново притереться.

Я поймал кошку, переложил её на согнутую в локте руку, а другой подхватил Тишку и легонько потёр его о материнскую шерсть. И тут же обоих выпустил. Фенька отбежала к играющим между собой котят, Тишка, постояв с минуту, тоже наладился к ним. Видно было, что он старался идти ровно, однако его нет-нет да и покачивало, а на середине пути так вообще кинуло в сторону, он плюхнулся на пол и растянулся в полный рост. Фенька оставила котят и быстро подбежала к Тишке. Обнюхала и ну всего его облизывать, примурлыкивая. Вычистила своим шершавым языком глаза и уши, помыла шею и подмышки. Тишка еще больше вытягивался и млел от такой ласки. Помытый, он воспрянул, перевернулся на лапы и полез к матери, искать сосцы. Нашёл и жадно прильнул.

— Доченька, впредь никаких лазаретов, — обратился я к Насте. — Видишь, он дома, а дома, как известно, и стены лечат. Пусть остаётся... — помолчал и неожиданно даже для себя самого произнёс: — Тишку теперь никому не отдам!

— А как же Фенька? — воскликнула Лариса. — Мы ведь её хотели оставить, стерилизовать, чтоб не бесилась...

— Я думаю, места им хватит и двоим. Туалет знают, не обжоры... пусть живут...

— Ну, как знаешь...

3

Недели через две котят разобрали хорошие люди. Первое время, по нынешней моде, присылали Марианне забавные

видео о том, как те освоились на новом месте. Мы смотрели, радовались. Тишка хоть и окреп, однако иногда заваливал голову набок, но теперь он быстро выправлялся и всё также сосал Феньку. Наестся от пуза, кровь молодая взиграет, вот и начинает задирать мать, то за хвост поймает и теребит, пока не получит увесистую оплеуху материнской лапой; то притаится где-нибудь в простенке и вдруг обрушится сверху на проходящую мимо Феньку, и ну вдвоём кататься по комнате, переплетаясь в шерстистый клубок, да так яростно примутся лягать задними лапами друг дружку, что я уж подумываю вмешаться и разбросать их по углам, но они как будто чувствуя мой настрой, разом прекращают драку и, как ни в чём не бывало, мирно поднимаются с пола и направляются каждый к своей миске с кормом.

Как я подметил, Фенька и сама, невзирая на увечье, кошкой оказалась прыгучей. Что уж тут говорить о Тишке, тот был как ртуть, неуловимый и неожиданный. Еще у него была одна примечательная привычка: он мог ни с того, ни с сего вертикально, как вертолёт, подпрыгнуть вверх метра на полтора и, кувыркнувшись в воздухе, мягко приземлиться на пол или на диван; в другой раз он, как заправский монтер, на когтях мог забраться по отвесному дверному косяку вверх, ему вполне хватало сил и ловкости преодолевать две трети высоты, и оттуда спружиниться на лапы. Откуда что бралось — гадали мы, а дочь этот феномен объяснила просто, что это, дескать, травма сделала кота таким гиперактивным, и что Настя якобы где-то читала о подобных последствиях.

— А как же порода, — пытался возразить я. — Ты же видела, что и остальные котята любили попрыгать и полазить по шторам, чтобы оттуда спикировать нам на головы!

— Не-а, папа! Те были смирнее Тишки.

— Как сказать...

В одно из очередных посещений Насти меня привлекло необычное поведение Феньки. Дочь сняла кроссовки у порога и прошла к Тишке, а кошка опрометью бросилась в прихожую и принялась обнюхивать Настину обувь, да не просто вдыхать, она урчала и ластилась, тёрлась о носки и пятки кроссовок, распластавшись по полу, вытягивалась перед ними, покусывала кожаные отвёрнутые язычки, заигрывала со шнурками.

— Что это с ней? Никак кота просит... — высказал я догадку.

— А то как, папа! Наш Тасян любит поваляться на моей обуви, вот и пометил, наверно...

— Надо срочно Феньку к ветеринару, — откликнулась жена. — А то как загуляет — всё перевернёт!

— Однако с этим пока повременим, — засомневался я. — Тишка-то всё еще не отстаёт от неё... Как поставит его на ноги, тогда и облегчим.

Беспокойные настали дни. Фенька и Тишка теперь открыто задирали друг друга, гонялись по квартире, сшибая всё, что плохо лежало или стояло на их пути, не обращая на это никакого внимания. Я их наказывал, но они даже не обижались, а оправившись от наказания, с еще большим азартом носились и обрывали шторы. Котёнка уже не кидало как прежде, и я начал подумывать, что кошку пора нести к ветеринару, чтобы она наконец-то успокоилась и зажила бы у нас как благочестивая и степенная матрона. Всё будто бы к тому и шло, да вот только было жалко Тишку отрывать от титьки, он ведь всё еще регулярно высасывал грудное молочко.

Так и протянули до того дня, когда Феньке стало, видимо, совсем уж невтерпёж, и она в начале июня через открытое окно выскользнула из квартиры и, спрыгнув с высоты первого этажа в палисадник, исчезла в кустах. Я был в двухнедельном отъезде вне города, когда Лариса позвонила мне сказать о том, что кошка сбежала.

— Ищите, пока далёко не ушла. И партнёра не отыскала...

Вечером еще один звонок: пришла Фенька. Она бы, может, сроду не явилась обратно, да неожиданный ливень заставил её вспомнить о доме и брошенном сынишке. Мокрая, она жалась под кустом и истошно мяукала в закрытые окна. Её услышал гостивший у нас внук Глеб, быстро сбежал в палисадник и принёс домой трясущуюся от холодной сырости Феньку.

Как потом, когда я вернулся, поведала Лариса — кошки хватило всего на три дня, зато на четвёртый она учудила нечто такое, о чём стоит рассказать подробнее. После её возвращения во избежание соблазна окна больше не распахивались настежь, а для доступа свежего воздуха лишь косо приоткрывались фрамуги на кухне и в зале, через них-то точно не протиснешься. Эта проказница, я полагаю, всё просчитала своими кошачьими мозгами, потому что, выбрав подходящий момент, когда хозяйка чем-то отвлеклась на кухне, Фенька поднапряглась и опросталась у порога такой пахучей кучей, что Ларисе пришлось спешно раскрывать все окошки настежь проветрить квартиру и схватиться за тряпку, чтобы помыть и привести в порядок прихожую. Пока жена металась с уборкой, кошка выпрыгнула на волю и спокойно растворилась в палисаднике. Сколько потом ни бродила супруга по двору, ни звала беглянку, никто не откликнулся. Один только Тишка бегал за закрытыми наглухо окнами по подоконнику и жалобно мяукал, потеряв мать.

Утром на второй день после возвращения из поездки я пошёл приоткрыть окно в спальне и, надо же, увидел Феньку, ковыляющую по тротуару вдоль чугунного забора на другой стороне проезжей дороги. Квартира наша угловая, два окна выходили в палисадник, а третье, на торцовой стороне дома, глядело аккурат на укрытую деревьями и кустами насосную станцию за этим самым решетчатым забором. Сердце радостно торкнуло, и я призывно на всю улицу заорал:

— Фенька! Фенька! Кыс-кыс-кыс! Давай домой! Тишка соскучился!

Услышав это, котёнок вспрыгнул на подоконник, и я едва успел перехватить его в прыжке к матери. Он возбуждённо мяукал и вырывался из моих рук. Однако наше беспокойство, казалось, вовсе не действовало на беглянку, она лишь раз мельком глянула в нашу сторону, изумрудные глаза её были красивы и равнодушны. Кошка отвернулась, и грациозно выгнув пушистую с поблескивающей на солнце чёрной шелковистой шерстью спину, проскользнула в палисадник. Закрыв окно, я выбежал во двор; ласково зазывая Феньку, раза три обошёл вокруг чугунной изгороди, обшарил внимательными глазами все закоулки, однако кошка как сквозь землю провалилась... Несколько дней я совершал прогулки вокруг насосной, иногда вслух звал Феньку, но всё впустую. После одного из таких поисков, вернувшись домой, сказал Ларисе:

— Теперь у нас одна надежда, что перед окотом Фенька придёт, — и, вздохнув, добавил: — Может, вспомнит, что мы её ни разу не обидели, и всех котят определили в хорошие руки...

— Будем ждать... — скупой обронила жена.

Тишка, как я заметил, скучал недолго. Юность, резвость, любопытство к окружающим его вещам, пристальное внимание ко всему, что мы делаем, быстро вытеснили воспоминания о Феньке. Кот окончательно выправился; гибкий, пластичный, он с утра носился по комнатам, затем запрыгивал на подоконник, усаживался поудобнее и следил за голубями и галками, что гоношились в траве и на тротуаре. Изящные уши его, с рысьими кисточками, стояли торчком, продолговатый упругий корпус тигровой расцветки, но только не жёлтый, а светло-серый, напряжённо подобранные лапы, вытянутая шея, всё было собрано и готово к прыжку, однако разве бы дали ему прозрачные стёкла сделать это! Вот он с полчаса так посидит, понастраивается да и принимается тихонько себе намаякивать, вроде как жаловаться на свою незадачливую судьбу. Я подхожу, беру его на руки, начинаю поглажи-

вать по атласной шерсти, мяуканье сменяется мурлыканьем, да таким ласковым и доверчивым, прямо хоть сам подмурлыкивай! И вдруг Тишка изворачивается, ловит лапами мою руку, и давай её покусывать. Ну, это уже лишнее, я бросаю кота на диван, он будто бы там затихает, но стоит спиной повернуться к нему — Тишка сзади запрыгивает на моё плечо и пытается укрепиться на всех четырёх лапах. И делает это мягко, не выпуская из своих подушечек острых когтей. Степенно прохаживаемся по комнате, он опять довольно мурлычет мне в ухо. Благодать и полное умиротворение.

Но если бы всё и всегда было так! Как говорит наша старшая внучка Ангелина: «гены пальцем не размажешь...» Дух бродяжий Тишку, как и его матушку, тоже не минул. Где бы и чем бы он не был занят, но лишь щелкнет замок в прихожей или раздастся мелодичная трель домофона, Тишка уже тут как тут. Стоит наизготовку. Едва приоткроется входная дверь — он в коридор и галопом по ступенькам наверх. Если не успел перехватить его, то надо подниматься до пятого этажа, где котик сидит себе смиреннько на половичке при чьих-нибудь дверях и поджидает тебя, запыхавшегося и осерженного.

Однако и здесь не всё так просто. Поначалу, памятуя о Тишкиной склонности к побегам, окна при нём старались не распахивать, только чуть открывая фрамугу, давали доступ воздуху. Кот демонстративно вспрыгивал на подоконник и, улёгшись, подставлял свою слегка вытянутую мордочку свежей струе. Видя это, я стал окошко раскрывать пошире. Тишка нет-нет, да и начал высовывать свой корпус за раму. Я зорко следил, чтоб он не махнул в палисадник... Пока признаков, что это может произойти, не наблюдалось. Однажды при мне кот вылез за окно и осторожно прошёлся по внешнему периметру вдоль рамы. Тут бы ему и спикировать вниз на придомовую отмостку и умчаться в кусты, однако Тишка даже не глянул туда, зато, чуть наклонив голову, с любопытством осмотрел угол кирпичной стены и самостоятельно вернулся в квартиру.

Еще он, лёжа на подоконнике, полюбил разглядывать прохожих, проезжающие по улице автомобили, и всё так же живо реагировал на сидящих на проводах или гомонящих в траве птиц, но чтобы сломя голову прыгать с окна и мчаться за ними или, как было прежде, грустно мяукать, этого теперь он ни разу не предпринимал. Что вселяло надежду на то, что наш ласковый питомец окончательно одомашнился.

И ничего, что Тишка отныне каждое утро ровно в половине седьмого, как мурлыкающий будильник, сначала встаёт у моей кровати, а спустя полминуты, уже растягивается передо мной поверх одеяла и ждёт, когда его поглядят и приголубят. Это даже, скажу я вам, как-то дисциплинирует, пробуждает в душе чувство ответственности, что вот надо вставать кормить мохнатого парня. А вообще-то просто замечательно, что каждый очередной новый день начинается с этого, а именно — с заботы о живом, верящем в тебя, четвероногом существе.

ЖИЗНЕЛЮБИВЫЙ ПИОН

Купили мы по случаю дачу, участок в садовом обществе в распадке между гор, окружающих наш пригородный посёлок. Прежние хозяева любили лакомиться вишней, и поэтому все семь соток были обсажены по периметру этими деревьями. Причём, двух сортов: одни вишни — кустарникового типа, с кисловатыми и крупными, примерно такими же, как у черешни, ягодами; другие — с мелкими сладкими плодами можно смело отнести к полновесным деревьям. Как правило, прямой ствол, толщиной в детский кулачок, уходил вертикально ввысь, и метров с полутора начинал разбрасывать свои гибкие ветки, образуя этакую ветвистую шарообразную полусферу, до головокружения воздушную в пору майского цветения.

Подъездной дороги не было — домик под яблоней и насаждения плотно окружены со всех сторон участками, и чтобы попасть сюда, нужно подняться по тропке вдоль забора через дачу соседа снизу.

На углу, перед своротком на наш участок, в пограничном месте росли бок о бок две вишни. Высокая стройная, с шатровой кроной стояла так, словно сдерживала своих низкорослых кустарниковых, пушистых подруг, чтобы те не пролезли с периметра и не перегородили тропинку, утыкав её настырной порослью от своих многочисленных корней-щупалец. Вторая вишня, видимо, плюнув на то, что её вдруг да задушит раскидистая тень высокой соседки, пристроилась у той под кроной, но с солнечного края. Тень товарки не захватывала её всю, и поэтому в урожайные годы она даже очень неплохо плодоносила.

Дачу купили весной, еще до цветенья. И каково же было моё удивление, когда на пятачке голой земли, в пронизанном редкими лучами тенёчке на стыке двух этих вишен, возьми да и пробейся зелёный побег пиона на толстом стебле и с рез-

ными листьями. Я и обрадовался — потому что люблю эти роскошные цветы, но радость была с лёгкой примесью досады: что ж ты, браток, место-то выбрал не подходящее — задавят ведь, изведут тебя своей мощью соседки! Однако для себя решил пока понаблюдать: будь что будет, доживём до осени, а там посмотрим...

К лету пион разросся, разбросил вокруг мохнатые тёмно-зелёные метёлки, в середине которых буйно распустились три крупных багрово-красных цветочных бутона, каждого из них уже самого по себе можно было срезать, ставить в вазу с водой — и ваша комната украшена и преобразена!

В общем, цветок нужный, но, как в таких случаях говорила мама, не у места. В погожий сентябрьский денёк взял я лопату и, осторожно обрубив пожухлые стебли, окопал со всех сторон корень пиона. Волосистых, переплетённых между собой толстых клубней оказалось несколько. Я их аккуратно разбеднил и рассадил в подготовленные лунки у домика, туда, где больше солнца. Опустевшую ямку между вишен забросал землёй и притоптал, чтобы кому-нибудь из домашних ненароком не угодить в неё.

В мае на двух клумбочках проклюнулись пять тонюсеньких стебельков, другие, по всей вероятности, не прижились. И то хорошо. Главное, думалось, уцепились, немного поболелют, освоятся, и станет моя дача благоухать багровым бархатом пионов.

Однажды, поднимаясь по тропке, машинально глянул под вишни, откуда осенью выкопал клубни. И едва не поперхнулся: среди мелкой травяной поросли возвышались три тёмно-зелёные пионовые метёлки. Были они, может, и пожиже стеблями, но смотрелись, как мне показалось, даже увереннее прежних. Вот это да! Ведь я, как полагал, выгреб тогда всё до последнего волоска, а гляди-ка ты, ему хоть бы что! Ещё, небось, и цветами порадует...

Вот что значит — родимая почва, казалось бы, не из чего возродиться порушенному и выдранному с корнем, однако есть на свете та неизъяснимая воля и сила духа у всего того, что родиной зовётся, и это каким-то непостижимым образом не даёт прерваться цветению жизни.

А из тех толстых и налитых соком клубней, что я пересадил в другие места, один, сколько я его ни удобрял и ни поливал, зачах, а другой болел три года и только на четвёртый нехотя выбросил в мир единственный бутон. Цветок был хоть и не маленьким, но каким-то скомканным и бледным.

Больше я свой тенистый пион не трогал. Он и теперь каждое лето дарит нам по три атласных и душистых цветка. Лепестки у них багрово-красные и так похожи на солнце, когда оно садится за наши горы.

РОДНИКИ

Переехали мои дети жить в подмосковные Мытищи в микрорайон Пироговский. Квартиры благоустроенные, всё красиво и опрятно, комнаты просторные, светлые, застеклённые лоджии. Живи да радуйся! Одна печаль: вода из крана бежит не то чтобы живая, а наоборот — не напасьешься очистителей фильтровать её, бедную, отравленную и умертвлённую выкрутасами неистощимого суразёнка — прогресса.

Пироговский раскинулся на пологом и продольном холме, с двух равнинных сторон его подпирали коттеджи и другие многоэтажные микрорайоны, а с востока и юга подступал дремучий лес, в котором крепко обосновались вековые ели, могучие замшелые берёзы и корабельные сосны. В их шатровой тени било множество родников, и несколько из них были, так сказать, окультурены, приспособлены для удобного набора воды в любые ёмкости.

К каждому источнику вели аккуратные земляные и бетонные ступеньки, вода бежала тугой струёй по трубке из нержавеющей, приставленной к месту сбора жидкости. На самом дальнем ключе под исполинской берёзой-вековушей на откосе чуть выше родника кто-то из местных поставил дощатую часовенку с открытым передом и с православным крестом на небольшой маковке. Люди принесли иконы и образа и разместили их внутри на деревянных перегородках.

Спуски к большинству источников снабжены перильцами в виде проброшенных и укрепленных на столбиках жёрдочек. На ближайшей к одному из родников сосне кто-то из доброхотов повесил табличку в рамке под стеклом, из которой всякий мог узнать о качестве и составе полезных веществ, содержащихся в набираемой воде. Всё это грело душу.

Попав впервые на родник, я был буквально потрясён и несказанно удивлён тем, какую сладость мне довелось зачерпнуть в ладони и с наслаждением попить. Никогда бы прежде я не мог даже подумать, что на равнине, за тысячи километров от своих Алтайских гор с их студёными родниками найду и отведаю воды, такой же целебной и необыкновенно приятной на вкус.

Вот я и приохотился раза три в неделю ходить сюда и снабжать детей с внуками и себя этой живительной влагой, хорошо помня истину, издавна подмеченную нашим народом: человек настолько здоров, насколько чиста употребляемая им вода.

Придёшь, бывало, к роднику, спустишься по ступенькам, снимешь рюкзак с плеч, развяжешь тесёмки, выставишь в ряд на бугорок пластиковые пятилитровки, трижды перекрестишься на куполок часовенки и начинаешь наполнять посуду. Упругая струя весело поблескивает на солнышке, устремляясь в горлышко ёмкости, и ты только успеваешь менять бутылки. Наконец наполнена последняя, и ты закручиваешь на ней крышку.

Однако сколько же раз я ловил себя на том, что именно в этот момент моя рука непроизвольно тянулась к струе и трубке и машинально искала никелированный или фарфоровый вентиль крана, чтобы из чувства сбережения перекрыть воду! Невольно приходилось одёргивать себя с усмешкой: вот так замордовали! Ишь, как приучили к экономности своими счётчиками на всё и вся! Уже и на природе не расслабишься!

Однажды тёплым октябрьским деньком возвращался от родника с полным рюкзаком, а одна пятилитровка не вместилась, и я нёс ее в руке. По выходу из леса в широком переулке встретился мне высокий сухощавый старик с двумя такими же, как и у меня, бутылками. Так и прошли бы мимо друг друга, не спроси он:

— Народу там много? Очередь-то, небось, велика?

— Да нет, дедушка. Человек семь за мной стояло...

— Это ничего. Подожду-подышу.

— А чего ждать-то? Вы же спрашивали про тот родник, что слева? — Дед утвердительно кивнул, и я на правах более опытного водоноса, а с некоторых пор мне думалось именно так, решил подсказать старику: — Зачем же он вам? После мостика через болотце сверните направо, там новый ключ недавно оборудовали. Оно чуть подалее идти, зато вода быстрее набирается. И очереди практически не бывает.

— Знаю я это место. Еще с войны тот родничок известен. С детства.

— Так вам тогда знаком и самый дальний, у просеки?

— А как же!

Общение с дедом становилось интересным. Чувствуя, что и ему есть что сказать, я поставил на асфальт бутылку и, снимая напряжение пальцев, раза три сжал и разжал освободившийся кулак.

— С непривычки, смотрю, рука-то у тебя немеет? — новый знакомый сочувственно покачал седой головой.

— Скорее, наоборот — с привычки. Вся жизнь что-нибудь да таскаю, пока не упаду, — пошутил я.

— Работа, движение — это хорошо, — с внутренним убеждением сказал старик. — Мне летом 90 стукнуло, а не похожу — хворать начинаю.

— Вам, поди, и округа вся известна, как пять своих пальцев?

— Смотря что...

— Ну, вот я, к примеру, люблю по лесу пошариться. Малины, черники пособирать, маслят с подберёзовиками.

— Этого добра у нас вдоволь, — согласился собеседник. Чуток помедлив, добавил: — Могу даже подсказать, где ядрёных рыжиков нарезать можно от души.

— А не жалко «знамкой» делиться? — обрадовался я.

— Там на всех хватит, — улыбнулся дедушка. — От родника, что ты мне присоветовал, сверни в ельник, наткнёшься на тропу, дальше дорога. Пройдёшь на восток с полкилометра, упрёшься в железные ворота водозаборной станции, что когда-то саму Москву питала. Раньше там была охрана, сейчас нет, но туда не заходи, а вдоль ограды ступай вправо до раскопок.

— Каких таких раскопок?

— В конце тридцатых археологи здесь открыли стоянку наших предков — древних славян: древлян и кривичей.

— Любопытно...

— И нам, подросткам, тоже было интересно, мы бегали смотреть, а потом, когда они понарыли здесь холмов и уехали, а горки эти так и остались, мы с них зимой на санках и лыжах катались.

— А где, дедушка, «знамка»-то ваша? — вежливо напомнил я.

— Так у изножия этих горок и есть. Пошаришься — как ты сам говоришь, вокруг. Мимо не пройдёшь, коли глаза имеются.

Мы постояли, помолчали, и я уже было взялся за пластиковую ручку пятилитровки, как вдруг меня что-то сподвигло спросить:

— Дедушка, вот вы местный. А сколько лет Пироговску? И почему его еще некоторые называют «Фабрикой»?

Старик, чуть склонил голову, и сбоку как-то по-родственному ласково заглянул в мои глаза. Покивал своим мыслям и начал:

— Отец сказывал: самому посёлку — его лишь недавно прикрепили к Мытищам — не так уж и много, от силы — лет

двести, а вот деревне Пирогово, что под косогором, больше четырёхсот. Она на пути из Москвы в Сергиев Посад. Больницу здесь знаешь?

— Да, напротив нашего дома из-за семнадцатипятиэтажки выглядит; она еще старинная, трёхэтажная, с кирпичными узорами и вензелями.

— Раньше, до революции, это были красные палаты. В них жили мужчины — работники нашей фабрики. У реки на берегу стояли белые, тоже каменные, палаты — это уже общежитие для женщин. Но их разобрали. Теперь на том месте хрущёвка, через дорогу от неё угол здания видел?

— А как же? Выше моста через Клязьму.

— Вот это и есть сама фабрика, вернее то, что от неё осталось после всех передраг. По ней другой раз и весь теперешний микрорайон называют.

За те шесть лет, что я наездами обитал здесь, не раз случалось проходить по тротуару вдоль этого оштукатуренного в жёлтый цвет громадного здания, растянувшегося едва ли не на квартал и поделённого с лицевой стороны на шесть магазинов. Самым большим и посещаемым из них был «Магнит». Сразу за ним на стене не так давно обратил внимание на мраморную мемориальную плиту в честь столетия фабрики с датами: 1865—1965.

— Дедушка, а что на этой фабрике производили?

— Высококачественное тонкое сукно, из которого шились шинели для офицеров, по первости царской, а на моей памяти уже и советской армии.

— Гляди-ка ты! — я быстро посчитал в уме и поделился с дедом: — Выходит, вашей фабрике теперь сто пятьдесят лет с хвостиком?

— Больше. Отец сказывал: сперва она была деревянная, и владел ею какой-то купец Хлудов. Да проиграл в карты Чернышову. А тот вроде как из простых в богатые выбился. И, дескать, фамилию свою получил от того, что род его пошёл из углежёгов. Были такие артели, они по лесам в ямах берёзы жгли на древесный уголь. Все закопчённые, черномазые. Вот этот Чернышов-то мало того, что картёжник, он еще и ушлым да проворным оказался: фабрику, как положено, застраховал и через малое время сжёг, да так аккуратно, что комар носа не подточит. А на полученные по страховке денежки отстроил новую фабрику, и не какую-нибудь там, а каменную. И церковь православную поставил для народа, и палаты для своих работников. Видно, не такой уж простоватый, а с головой был мужик.

Между тем, осеннее солнышко выглянуло из-за железобетонного каркаса строящейся в отдалении за спиной моего собесед-

ника высотки, позолотило седой пушок на макушке старика и ударило лучами мне прямо в глаза. Я прижмурился и, сделав шаг вперёд, повернулся к солнцу боком. Тепло, хорошо...

— Не утомил я вас распросами?

— Отчего же? Человек живёт общением, — мудро заметил дед и обвёл ясными синими глазами всё вокруг. — И погодка, как подгадала.

— Да-а... Благодарь, — охотно поддержал я старика. — Недавно собирал опята за просекой. Побродил по ельнику и как-то неожиданно вышел на большой луг, окружённый со всех сторон лесом. Оно бы и ладно, да луг-то весь изрыт заросшими травой воронками. Ноги можно сломать. Немец, что ли, сюда доходил?

— Почти что.

— А не расскажете?

— Почему бы и нет? Мне в ту пору одиннадцать годков минуло. Сюда-то они не дошли, но гул стоял, хоть издалёка, однако грозный. Отца еще летом на фронт забрали, а мать вместе с товарками вот так же в октябре сняли с фабрики, вручили топоры и пилы да отправили лес валить, расчищать, как им сказали, будущее поле боя. Ели и сосны вековые, в два обхвата, их сразу увозили куда-то, а вот пни высокие оставили, наверно, специально; они навряде противотанковых ежей получились. Лес был частый, и пней от него тьма. Однако немцев к нам не пустили, отогнали. Пни года два не трогали, а потом, опять же баб, мужики-то все на войне, на эти пни направили — выкорчёвывать.

— Лошадей-то хоть дали, чтоб сподручней было выдирать?

— Да с этакой тяжестью разве ж управиться нашим лошадам-доходягам, ведь здоровых-то и строевых всех на фронт реквизировали. Сделали по-другому. Бабы кирками да лопатами очищали и глубоко окапывали корни. Степан Ильич, комиссованный по ранению, на войне он был сапёром, закладывал под корень взрывчатку, запаливал бикфордов шнур и убежал в укрытие. Взрывом выворачивало пень. Его верёвками выволакивали на дорогу, распиливали и на полторке увозили на фабрику как дрова — топить водогрейные и паровые печи. А вот ямы почему-то заровнять позабыли...

Просигналила иномарка, мы посторонились, отошли на тротуар к забору. Машина прошуршала, пахнула выхлопными газами и скрылась между домами за поворотом. В прозрачном воздухе кружились жёлтые и багряные листья, приносимые сюда потоками верхового ветерка из соседнего сквера, где дубы, берёзы и липы потихоньку облетали. Мой соседник вздохнул:

— С этими пнями у нас, ребяташек, случилась одна нехорошая история.

— Вы, что, тоже помогли?

— Если бы! Взрослые нас к взрывным работам близко не подпускали. Но мы-то, малыцы, были не промах. Подкрадёмся, затаимся за каким-нибудь толстым пнём. Степан Ильич протянет от взрывчатки шнур метра на три, подождёт — и бежит в укрытие подальше. А мы тут как тут! Ножичками в серёдке обрезаем с двух сторон добрый кусок шнура, опять запаливаем остаток, и успеваем спрятаться в другой воронке или за пнями. Как только рванёт, мы, пока не рассеялся дым — уже в лесу. Герои... — грустно усмехнулся старик. — Дружок был у меня закадычный — Петька Мосольков, отчаянный парняга. И вот однажды мы с ним прыгаем в яму, он спереди обрезает, я сзади, сую ему горящий конец, чтоб подпалить остаток. Гляжу, а Петька-то пожадничал — оставил совсем крохотный огрызок перед капсюлем! Мелькнуло в голове: только бы успеть выпрыгнуть из ямы. Да где там! Как рванёт, и у дружка моего трёх пальцев как не бывало! Кровища, перепуганные взрослые сбежались, Петьку в больницу. Меня мать дома ремнём выпорола так, что с неделю сесть не мог. А причина-то была в бракованном бикфордовом шнуре. Сантиметров на десять он изнутри был полый, одна лишь оболочка; её огонь за секунду прошёл и не дал нам убежать. А дружок мой на всю жизнь остался инвалидом...

Старик умолк и направил свой задумчивый взгляд в прогал переулка перед собой, где в конце за пологим спуском живой стеной возвышался смешанный лес, за которым и находился тот самый злополучный луг. Чтобы отвлечь собеседника от невесёлых воспоминаний, я решил сменить тему и кивнул на его пустые бутылки:

— Таскать в вашем возрасте такое, поди, и не очень?.. Руки-то оттягивает? Я вот приспособился: наберу, определяю в рюкзак, и за плечи.

— А кто меня куда гонит! — оживился дедушка. — Сколько пронесу, встану, отдохну — и дальше. Всё мне разминка.

— Но в 90-то лет — это больше, чем!.. Поделитесь — гены у вас такие или образ жизни?

Старик, как и давеча, опять чуть склонил седую голову и сбоку ласково так глянул на меня. По-доброму усмехнулся:

— Ничего особенного и нет. Отец прожил почти семьдесят, мог бы и больше, да раны с войны не давали покоя. Мама — восемьдесят пять. Я в жизни не выкурил ни одной папироски. Выпивал, как все, на праздники, в компаниях. Любил играть в волейбол, футбол, участвовал в фабричных сорев-

нованиях по бегу. Долго жили в своём доме, а там, известно — огород, куры, гуси, кое-какая скотинка. За нами, кстати, за перелеском, дачи тогда образовались. Дорогу к ним проложили хорошую. Одно время почти что в соседях у нас обитали два маршала — Конев и Рокоссовский. О Коневе я только слышал, а видеть не видел ни разу, врать не буду. А вот Рокоссовского встречать доводилось. Забор у него был невысокий, дом, правда, как положено, с застеклённой верандой и мансардой. Как мы вскоре прознали, любил он садовой клубникой заниматься. У него она крупная да сладкая бывала. А знаю это, потому что маршал щедро угощал всех, кто мимо дачи его проходил. Выйдет из калитки, сам высокий такой, спина прямая, глаза тёплые, окликнет запросто и предложит отведать ягодок из корзинки с собственных грядок. Пробовал и я. Вкусная. А потом они оба съехали куда-то. — Дедушка улыбнулся. — Такие вот дела... — и, словно вспомнив о чём-то неотложном, вдруг заторопился: — Извиняй старика. Заболтал я тебя...

— Да нет же! Всё очень познавательное, слушал бы и слушал, — искренне откликнулся я. — А то сколь уж прошло, как переехали, а что это за место, какие достопримечательности есть кругом — толком и не представляю! Спасибо вам! Теперь могу детям и внукам об этом смело рассказывать, чтоб и они знали, на какой земле живут.

Мы напоследок еще раз встретились взглядами, но, приученные к нынешнему карантину, не стали рисковать с рукопожатием, а лишь приветливо кивнули друг другу и разошлись. Дедушка неспешной походкой направился в сторону леса, а я, поправив лямки рюкзака, подхватил с тротуара бутылку с родниковой водой и пошагал по дорожке через разноцветный осенний сквер к подъезду своей, стоящей недалеко, пятиэтажки.

КОКА-КОЛА

В этот раз сбегать за корнем получилось обудёнкой. Встал еще затемно, оделся, зашнуровал берцы, подхватил приготовленный с вечера рюкзак и с рассветом уже карабкался по каменистому серпантину на Сержинский белок в Кедровую Яму.

Красный корень (по-научному — копеечник) в наших местах именуют «белошным» еще с тех незапамятных времён, когда в таёжных распадках густо селились старообрядцы-кержаки. Чайный отвар из него целебный, и это проверено жизнью.

В начале нулевых довелось мне поработать в Первопрестольной около трёх лет. Питался то в столовой, то брал полуфабрикаты из магазина и готовил себе в закутке, где ночевал. Тогда страна еще не оправилась от катастрофы развала СССР, с трудом собирала себя; деяги, вместо того, чтобы выращивать своих бурёнок и чушек, завозили, к примеру, мороженое мясо австралийских кенгуру; прилавки были завалены бросовыми брикетами с китайской лапшой быстрого приготовления, которая — сам проверял! — как пластмасса, горела синим, вонючим пламенем.

С этих ли «продуктов» или от чего другого, но такого же недобросовестно-поддельного, по возвращению из столицы домой на Алтай у меня начали распухать ноги. Посидишь за обеденным столом или на диване у телевизора, встаёшь, а на щиколотках и взъёме вкруговую студенистая опухоль колыхается. Ногу не всунуть в ботинок. Знающие люди определили: «полипы у тебя в желудке завелись — это точно!»

Погоревал я с недельку, пока вдруг явственно не встал в моих глазах тряпачный мешочек, в котором, как помню, уже несколько лет хранилось три волокнисто скрученных, смутно напоминающих засохшего осьминога, толстых белосных корешка. Брал чернику на альпийском лугу, да и копнул попутно; как известно, запас карман не тянет.

Не мешкая, достал из кладовки, вскипятил и стал регулярно пить, как чай. Спустя месяц забыл про свои опухоли. Зато с того времени отвар из корня всегда на моём столе. Очень полезный напиток.

Так вот. Светового дня мне хватило, чтобы пополнить запасы на зиму. В сумерках поднялся на свой четвёртый этаж, тут же вывалил содержимое рюкзака в ванну и начал заливать водой, чтобы корни отмокли и было легче отскабливать и отмывать с них прилипшую землю.

В это время позвонил знакомый пасечник Витя Казарин и предложил проехать с ним в горы на поселье, помочь погрузить двух годовалых свиней на продажу.

— Едем прямо сейчас, в ночь, чтобы быстрее, и завтра к вечеру спустимся. Пока покупатель не передумал.

— Успею хоть чаю-то хлебнуть?

— Не-а! Давай сюда мигом! Я у подъезда на своём 66-м. У меня в бардачке бутерброды и термос с кофе. По дороге перехватишь.

— Ладно, жди, — сказал я, отключая сотовый, а жене уже с порога бросил: — Танюша, я тороплюсь. Надо Вите помочь. Обрато — завтра или на крайняк через день вернусь. Будь добра, корень из ванной уברי в тазы. Я не успеваю. Приеду — всё доведу до ума.

С поросятами управились за день. Приехали на посёлье под утро, вздремнули часа полтора, сколотили в бортовом кузове «ГАЗ-66»-го вместительный решётчатый ящик из досок, подогнали задом машину под бугорок, пробросили настил и по нему на верёвках утолкали свиней в клетку. К полуночи вернулись в посёлок.

Зайдя в ванную комнату сполоснуться с дороги, я обомлел: корень мой так и лежал нетронутый. Единственное, что сделала жена — спустила воду. Чем, собственно, и усугубила состояние нашей, еще два дня назад отблескивающей белизной, ванны. Вода сошла, а плети корня, как они лежали раскидисто, так и прилипли, отпечатались по всему дну и на стенках порожней ёмкости. Такого художества у себя дома я ну никак не ожидал. Окликнул жену. Татьяна подошла и виновато прислонилась к дверному косяку.

— Замоталась я по работе, вот и забыла вытащить... Ты не переживай, убирай корень, а я почищу ванну, есть у меня сода и «Ферри» есть, и «Мистер мускул» где-то завалился. На худой конец железной щёткой соскоблю.

Почти весь следующий день возилась супруга с ванной. Чего только не перепробовала, чем только не прыскала и не скребла. Всё бесполезно. Коричневые разводья лишь слегка посветлели, но исчезать и не думали. Красный корень кроме прочих целебных свойств содержал в себе еще и мощные красители, дубильные вещества. Я-то это знал, а вот жена с подобным столкнулась впервые. Видок у нашей ванной комнаты теперь был такой, что лучше и не заходить! Посмотрели мы на это, посетовали, да и решили менять ванну на новую.

И вот я на автобусной остановке, хочу съездить в город, в магазине сантехники присмотреть замену. Рядом знакомые ребята, стоим, разговариваем, как обычно, о том, о сём.

А у меня на душе кошки скребут, и вовсе не из-за денег, которые надо будет потратить на покупку, и не из-за хлопот с выемкой старой и установкой новой ванны, а потому что человек я консервативный, если уж привыкаю к чему, то расставаясь, всегда сильно переживаю. Тем более ванна у нас удобная, чугунная, эмаль белоснежная, ни одной шербинки-раковинки или царапинки на ней нет.

— Чего пригорюнился, соседюшка? — внимательно посмотрел на меня Алёша Наговицын, мужик примерно моих лет, живёт этажом ниже, охотник-соболятник, между прочим. — Вроде ты и с нами, а по глазам что-то далёко отсюда... Случилось чего?

— Да нет, всё ладом, — о своей болячке говорить не хотелось.

— Колись, вижу, что сам не свой. В город-то зачем?

— Ванну надо присмотреть.

— С чего это? На той неделе были у вас, дак она — таких поискать еще!

— Белошным корнем испохабил. Замочил и проворонил, вовремя не вынул. Теперь вся она вроде как дерьмом измазана. И ничем не оттереть.

Стоящие рядом ребята сочувственно покивали. И лишь Алёша широко и, как мне показалось, даже как-то покровительственно усмехнулся:

— Не трать ты денег на автобус. Загляни-ка лучше к Алдошке. — Наговицын махнул кистью жилистой руки в сторону расположенного на первом этаже нашего дома продуктового магазинчика. — Купи там пару бутылок кока-колы...

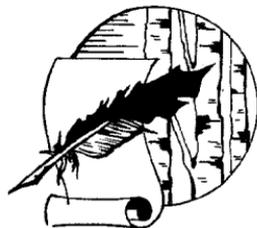
— Да я сроду к этой заразе не прикасался! — меня даже передёрнуло.

— Не гони гусей, Санёк, а дослушай бывалого человека, — и было непонятно: то ли шутит, а то ли серьёзно говорит сосед. — Я ж не предлагаю её пить, а для дела. Для начала слушай историю. Как-то весной сплоховал я — оставил на ночь свою «Ауди» под топодем напротив подъезда. Утром прихожу, а весь капот усыпан жёлтенькими тополиными почками. Они клейкие, налипли, изукрасили мою ласточку, ничем не оттираются, хоть гони на станцию — да заново перекрашивай. Походил вокруг, посиховал на себя и вдруг вспомнил, что где-то по телику видел, как наши русские умельцы бросают в эту колу ржавые болты и гайки; подержат там какое-то время, пошуруют и вытаскивают, а они как новенькие. Сбегал я, купил бутылку этой американской «радости», тряпочку смочил, потёр-потёр, и капот стал еще новей, чем раньше.

— Если что, с меня пузырь! — радостно обнадёжил я соседа, прежде чем поспешить в магазин за кока-колой.

Напоследок скажу одно. Ванну мы отмыли и привели в божеский вид всего за две помывки, израсходовав на это старенькое полотенце и три бутылки разъедающего всё, что можно, североамериканского напитка. С тех пор кока-колу я уважал, наверное, больше, чем всякие там «Ферри» и «Мистер мускулы». Правда, каюсь, до сего дня так и не принял её вовнутрь, не отведал на вкус ни разу...

п. Пироговский Мытищинского р-на Московской обл.

Екатерина КАРГОПОЛЬЦЕВА

ГРОЗА В НОЧИ...

* * *

Влетела бабочка в окно.
Меня совсем не замечая,
Порхала солнечным пятном
Над кипой книг и чашкой чая,
По горсти брошенных конфет..
И ей в безмолвном царстве книжном,
Казалось, вовсе дела нет,
Что я слежу за ней недвижно.
Беспечной радости полна —
И своевольна, и дичлива, —
Кружила в комнате она
И мнилась мне почти что дивом.
...Нарушив мой дневной покой,
Легко скользнула в полог белый
Гулявших штор, а я с тоской
До темноты в окно глядела.

* * *

А он меня любил... Так любят в жизни раз —
Серьёзно, глубоко, не требуя ответа.
Смотрел в глаза с тоской и, думая о нас,
Носил в груди любовь, как огненную мету.

Уверовав легко в таинственную связь,
Был робким и смешным, поистине бедовым.
И я могла его, безудержно смеясь,
Обидеть невзначай срывающимся словом.

И в слово выльется тоска,
И будет голос груб...
...Но я горячего виска
Коснусь прохладой губ.

* * *

Сегодня дождь по-варварски беспечен...
Он безоглядно шествует повсюду
И льёт печаль на головы и плечи,
Кривя зонты шагающего люда.
По всей земле — больной, осиротелой —
Разносит грусть ноябрьского бесцветья,
Стучит в дома, благуя; то и дело
Пускает в ход невидимые плети.
О, как легко с уныньем этим слиться
И раствориться в темени до срока —
Из жёлтых окон призрачные лица
Глядят в упор на олово потока...
И каждый жив как будто бы отчасти,
В безмолвных муках странно леденя.
Но чем дурней осеннее ненастье,
Тем тяга к жизни всё-таки сильнее...

* * *

Ах, сердце, сердце... Милое, к чему
Все эти страсти, горести и муки?
Пора давно мне жить бы по уму,
Печалюсь лишь в бессонницу от скуки...
Но ты, калечась, можешь ли молчать?
Хватает слова или даже взгляда —
Как вдруг в пылу срываешься опять,
И нет с тобой, бунтующее, слада!

ЗАЩИТНИКАМ ДОНБАССА

Над русской землёй не набат ли? ...Набат.
Опять фронтовую дорогой
Уходят... Идут за солдатом солдат,
И молят их женщины Бога
О том, чтобы пуля в слепящем бою,
Не ранив уставшее тело,
Забыла кровавую ярость свою
И мимо — в безлюдье — летела...

Чтоб в долгой бессоннице злые глаза,
Видавши в агонии лютой
И смерть, и бессмертие, волю слезам
Не дали в лихую минуту.
Чтоб громом губительным огненный зев
Не вверг в нестерпимость мучений;
И каждый, беспамятство страха презрев,
Был твёрдым без тени сомнений.
Уходят... Уходят... И с разных сторон —
По сёлам, станицам, аулам —
В молитвах сливаются сотни имён
Летящим пронзительным гулом...

* * *

Я иду... Всё иду... Тяжелеющий шаг
Ускоряя в пылу иссякающих сил.
Я иду... И нельзя по-другому никак —
Я живу за того, кто вчера ещё был.

Я не знала его ледяного лица,
Не держала тепло остывающих рук...
...Но ложится на ноги плитой свинца
Осознание боли испытанных мук.

И всё кажется, что не снести никогда
Этот груз неподъёмный на брэнном пути,
Только сердце стучит, и походка тверда.
Значит, надо идти... Значит, надо идти!

* * *

Храни, Господь,
наш каждый час —
Короткий путь и дальний,
Когда никто не верит в нас,
Когда нас нет печальней.

Сходящей милостью своей
Покрой и, принимая
Молитвы,
нас в один из дней
Убереги от края...

* * *

Голосом тихим, голосом нежным —
Словно врачую недуг —
Ты успокоил дух мой мятежный
В пору бушующих вьюг.
В холоде этой замяти чёрной,
Счёта не ведая дням,
Хочется быть безвольно покорной
Тёплым твоим рукам.
Всё, что когда-то сердце язвило,
Всё, что являло зло,
Будто бы следом за ветром стылым
Прочь из него ушло.

г. Кострома

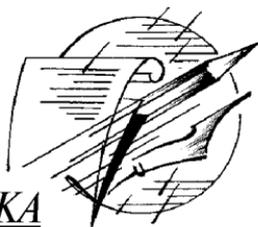
ТЕНЬ ИУДЫ

Есть ли что-то на свете страшнее и инфернальнее предательства? Этот грех низводит человека на самое дно ада. Правда, есть разные степени тяжести предательства от самого небольшого и неосознаваемого до полностью осознанного желания смерти ближнему. В какой-то мере всё наше время пропитано предательством. Но в этой статье речь пойдет не о наших, внутренних, доморощенных предателях. В конце концов личное предательство — только единичная трагедия человека, в то время как массовое предательство целого народа или государства приводит к их уничтожению. Именно о таком глобальном предательстве мы и поговорим.

Зловещая тень Иуды, поднявшаяся из ада, накрывает народы и страны. Погружает их в кромешную тьму тоски, отчаяния и ненависти. Отрезает их от солнца правды и жизни. Готовит им путь предательства, расчеловечивания и гибели.

Украина сейчас — ярчайший пример такого предательства, но не на пустом месте возникла эта язва.

Польша — первая предательница славянства и православия, взявшая курс на Запад. Именно от нее и проникла эта

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

зараза на Украину еще со времен Ягайло. Не какие-нибудь жалкие тридцать сребреников предложили великому князю литовскому, целое королевство Польское. Кто ж от такого откажется?

Но принятие католичества не спасло Польшу от войны с тевтонским орденом. Западное сознание никогда не гнушалось нарушением договоров и предательством союзников в угоду политическим интересам. И только благодаря стойкости смоленских полков в Грюнвальдской битве удалось сломить хребет тевтонским рыцарям. В то время Польша на равных могла разговаривать с крупнейшими державами Европы. Сознание своей силы и значимости вскружило голову и послужило благодатной почвой для непомерных амбиций. Венцом предательства стала Брест-Литовская уния, когда Польша окончательно взяла курс на Европу.

Участь разоренной Южной Руси была решена. Оказавшись под властью Польши Малороссия волей-неволей пропиталась западными представлениями. В первую очередь ее политическая верхушка, взявшая за образец польскую шляхту. Шляхту, которую даже в сравнении с европейской знатью, отличало зашкаливающее самомнение и гордыня. «Пся крев» — т.е. собачья кровь, так они отзывались о простом, единокровном с ними польском народе. Что уж говорить о малороссах. Их вообще за людей не считали. «Тарас Бульба», вышедший из-под пера великого Н.В. Гоголя, ярко живописует это положение.

Смутное время, начавшееся триумфом поляков, закончилось провалом восточной экспансии. После освобождения Москвы Мининым и Пожарским сила и влияние Польши стали стремительно таять. Однако плевелы были посеяны и успели взойти.

Даже присоединение Украины к России не слишком повлияло на мировоззрение ее правящих элит, привыкших ориентироваться на Запад и личную выгоду. В этом плане Мазепа — типичный представитель западного сознания, выбравший, по его мнению, наиболее выгодный план действий.

Однако простой народ Малороссии долгое время был чужд западным настроениям. Вплоть до середины XIX века разрыв народа с правящими кругами не позволял сколько-нибудь эффективно вести пропаганду отделения Малороссии от России в широких массах. Но всё изменилось в веке XX. Новейшая история Украины стала чередой предательств. Достаточно будет перечисления лишь некоторых имен позора.

Во время Первой мировой: Гётман Скоропадский и Петлюра.

Во время Великой Отечественной: Степан Бандера и Роман Шухевич.

Во времена перестройки: Леонид Кравчук и Филарет Денисенко.

И у каждого из них были помощники и последователи, коим несть числа.

Ныне же, на глазах всего мира Польша и Украина негласно соревнуются друг с другом на звание наиболее преданного холопа США. И если польская русофобия насчитывает несколько веков, то новоявленная украинская старается не только наверстать упущенное, но и стать главным русофобом на земле, опередив в гонке ненависти и Польшу, и Англию, и США.

Славянское единство если когда-то и существовало, то осталось в далеком прошлом. Все славянские народы (включая и немалую часть сербов и белорусов) озабочены интегрированием в умирающую западную цивилизацию и вовсе не жаждут раскрыть братские объятия России. Стоит ли нам переживать по этому поводу?

Украина же по своей инициативе разорвала братские связи с Россией, отреклась от единства Святой Руси. **Если нет духовного или хотя бы ментального родства, то генетика уже не имеет никакого значения.**

Вопрос чистоты крови никогда не стоял в России с такой остротой, как в Европе.

В конце концов все люди братья и сестры, произошедшие от Адама и Евы. Главное в человеке — душа, а не кровь. Однако брат брату рознь. Абрам Петрович Ганнибал — типичный пример русского человека, хотя и с темным цветом кожи. С противоположной стороны — генерал Власов и его последователи. И кто из них подлинно русский? Кого мы готовы назвать братом? Называть братьями современных укронацистов — это уже даже не толстовщина, а тяжелое духовное заболевание на грани, а то и за гранью психиатрии. Заболевание, вызываемое самым страшным и смертоносным на земле вирусом — вирусом толерантности. По-русски — равнодушия.

Сейчас Украина предает уже не Россию, она предает Христа. Вернее, уже предала, взяв курс на откровенный сатанизм. Потому и совершаются в ней подвиги исповедничества и мученичества теми, кто сохранил верность Православию. Но разве гонители и гонимые — братья? Никто из мучителей об этом и слышать не хочет. Все связи порваны перехлестывающей через края черной ненавистью. Некоторые ученые утверждают, что энергия ненависти столь разрушительна, что повреждает генетический аппарат человека. Так что даже и формально, на уровне ДНК, родственные связи утеряны. Но главное — утеряна общность духа. Каково тем, кто вынужден был остаться в озверевшем государстве? Десятки и сотни тысяч людей вынуждены молчать, скрывать свои мысли и чувства, свою веру. А тех, кто осмеливается

открыто высказывать свое мнение, ждет мученический венец. На этом фоне братание с нацистами и сатанистами не только неуместно. В настоящее время — это прямое разрушение нравственности.

«Не склоняйтесь под чужое ярмо с неверными, ибо какое общение праведности с беззаконием? Что общего у света с тьмой? Какое согласие между Христом и Велиаром? Или какое соучастие верного с неверным? Какая совместность храма Божия с идолами?» — вопрошает и одновременно предупреждает апостол Павел. (2-е Кор. 6: 14-16). Или, может, особенно ревностные поборники братства упрекнут апостола в недостатке любви? С них вполне станется.

Клеймо предательства несмываемо. Оно отмечает не только нынешнее, но и будущие поколения. Массированная пропаганда русофобии и ежедневная промывка мозгов в стиле укропобесия принесли свои плоды. Вот вполне обыденная, можно сказать до ужаса типичная ситуация. Семья украинских беженцев нашла приют в Подмосковном городке. Мальчика определили в школу, во второй класс. Чтобы лучше узнать ребенка учительница начинает с ним разговор и спрашивает:

— А где твой папа сейчас?

Мальчик еще мал, чтобы лукавить, просто он уверен, что в их семье всё делается правильно, а потому честно и с гордостью заявляет учительнице:

— Мой папа москалей бьет! Как всех перебьет, так и приедет.

Для полноты картины надо сказать, что у подруги этой учительницы сына в сентябре мобилизовали для участия в СВО.

Души таких детей чудовищно искалечены, для возвращения к нормальной жизни им требуется индивидуальная помощь высококвалифицированного психолога. В России нет такого числа специалистов. Кроме того, любая работа по нормализации психического здоровья пойдет насмарку, если дома детей тайно будут продолжать воспитывать в той же парадигме ненависти.

И этот скрытый, внутренний конфликт в любой момент может полыхнуть по полной. В конце концов количество пожаров, унесших человеческие жизни и нанесших значительный материальный ущерб России за прошедший 2022 год, в разы превосходит показатели прошлых лет. Не говоря уже о числе явных предотвращенных или совершенных терактов. Около трех миллионов украинцев приехало в Россию после начала военных действий. Все они — очень разные. Есть те, у кого укронацисты убили близких, разбомбили дом, кто бежал от голода и обстрелов, а есть и те, кто приехал по зада-

нию СБУ. Никакой фильтрации или сколько-нибудь серьезных проверок они не проходили. Была допущена серьезная ошибка, которая стала проблемой безопасности России, требующей срочного решения.

Уже и командир спецподразделения «Ахмат» Апты Алаудинов призывает формировать в России народные дружины для предотвращения диверсий. Многим до сих пор кажется, что война идет где-то далеко и лично его не касается, а тем временем рядом с ними ходят приехавшие с Украины люди, которые ненавидят и нашу страну, и лично того, кто считает, что его хата с краю.

Мы до сих пор не представляем масштаба произошедших с Украиной чудовищных перемен. Миллионы украинцев не только поддерживают нацистский режим и ВСУ, но и радуются каждому теракту, каждому обстрелу городов Малороссии. Миллионы оболваненных украинцев радуются смерти каждого русского солдата, каждого мирного жителя, каждого ребенка Русского мира.

Непроглядный мрак тени Иуды висит над Украиной. Над всем народом, над каждым отдельным украинцем. Не вырваться из этой ледящей душу смертоносной мглы. Пасть ада широко распахнута и поглощает сотни и тысячи душ ежедневно. Ибо те, кто сражается на поле боя за смерть и ненависть, погибая, прямиком направляются в ад. Сейчас не только государство, но и весь украинский народ стоит перед угрозой исчезновения. И причина этого лежит не в военных или политических событиях, а исключительно в духовной плоскости. Любое нарушение духовных законов ведет к смерти, а предательство, тем более массовое, навлекает на предателей скорый и грозный Суд Божий. Мы помним участь Содома и Гоморры. Мы помним и конец Иуды. Духовное повреждение врачуеться только духовными средствами. Любые административные, военные и политические решения здесь бессильны.

Спасти Украину может лишь покаяние всего народа. При чем покаяние искреннее и деятельное с полным отвержением русофобии и поползновений к самостийности. Только тогда возможно возобновление братских связей между Украиной и Россией. Сможет ли Украина совершить такой духовный подвиг? От этого зависит ее будущее. Во всяком случае открыть дверь покаяния и обрести спасение как в этой жизни, так и в будущей может каждый человек. Если, конечно, захочет.

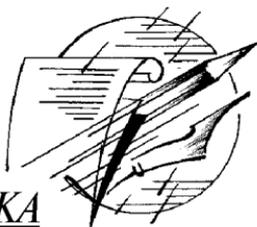
Галина ПЫРХ,
член Союза журналистов России,
директор Межрегионального правозащитного
центра «Соотечественник», Новосибирск

ПРАВО НА ДЕТЕЙ

...И отвечала та женщина, которой сын был живой, царю, ибо взволновалась вся внутренность ее от жалости к сыну своему: о, господин мой! отдайте ей этого ребенка живого и не умершвляйте его. А другая говорила: пусть же не будет ни мне, ни тебе, рубите.

3 Цар. 3: 16-26

Чем больше проходит времени с начала СВО, тем больше заметна попытка части нашего истеблишмента, невзирая на изменение настроений общества, сохранить в целостности все «либеральные завоевания», достигнутые Россией в годы ее тесного взаимодействия с западными «партнерами». В частности, это касается «достижений» в области защиты прав детей. Число «нянек», настойчиво и бесцеремонно отодвигающих в сторону родителей и присваивающих себе их право заниматься воспитанием и определять будущее детей, неуклонно возрастает. Причем, в отличие от родных отца и матери, представители всех этих госструктур не несут никакой ответственности за свои неизбежные провалы в «воспитательной политике», поэтому

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

им, по большому счету, глубоко безразлично, каким человеком станет опекаемое ими дитя.

К перечню профессиональных «детолюбов», помимо структуры уполномоченных по правам ребенка, Минпроса (больше, кажется, ныне озабоченного межведомственным взаимодействием по профилактике безнадзорности и закреплению ювенальных стандартов, чем своими прямыми обязанностями), органов опеки и попечительства, МВД в лице ПДН и КДН, с легкой (или, наоборот, тяжелой) руки генерала юстиции А.И. Бастрыкина присоединился и весь аппарат Следственного комитета РФ.

За каждый чих своего ребенка родители теперь вынуждены отчитываться, причем нередко в прямом смысле, перед посторонними людьми, денно и нощно неуклонно блюдущими интересы их детей. При этом помощь — реальную помощь, в которой нуждается большинство родителей: организация обследования и лечения детей (особенно имеющих какие-то тяжелые заболевания или отклонения в развитии), ремонт жилого помещения, предоставление семейных путевок в дома отдыха и санатории и еще многое другое, не говоря уже про психологическую поддержку, — никто оказывать не спешит. Зато каждый шаг родителей рассматривается придирчиво и с заведомым предубеждением против них.

Вмешательство СК намного усугубило эту ситуацию, так как, чувствуя за спиной мощную поддержку суровых «следяков», органы опеки стали еще более агрессивными, сотрудники образовательных учреждений — еще более усердными в своих доносах на родителей. А сами следователи, с завидным рвением размахивающие направо и налево «карающим мечом правосудия», успешно рубят семьи «по-живому», преворая в жизнь положения отвергнутого четыре года тому назад закона о семейно-бытовом насилии. Такое вот «межведомственное взаимодействие» государства против ячейки общества и декларируемой опоры этого самого государства...

Но, может быть, вмешательство в дела семьи все-таки оправданно, так как дает положительные результаты и позволяет сформировать из ребенка будущего достойного члена общества?

В своей последней статье я пообещала рассказать читателям о продолжении журналистского расследования судьбы новосибирского мальчика Андрея Б. и показать на его примере, чем оборачивается профессиональная забота о «правах и законных интересах» для того, кто имел несчастье попасть в ее окружение (см. «МГ», №3, 2023).

В октябре 2021 года, взявшись за расследование дела об «истязании» малолетнего Андрея Б. — с подачи Уполномо-

ченного по правам ребенка в Новосибирской области Н.Н. Болтенко, — следователь следственного отдела по Дзержинскому району города Новосибирска СУ СК РФ по НСО лейтенант юстиции Е.А. Чеботарев первым делом запретил матери общаться с сыном — для того, чтобы она не могла оказывать на него «психологическое давление». Зато это давление совершенно беспрепятственно оказывали на 9-летнего ребенка чужие люди: сам следователь, сотрудники опеки и Социально-реабилитационного центра (СРЦ) «Виктория», за решетчатым забором которого уже год и три месяца отбывает наказание, т.е. «находится под защитой государства», Андрей Б.

Запрет на общение, как сейчас выясняется, был, скорее всего, связан с тем, что из ребенка выдавливали нужные следователю показания. Сам Андрей, спустя год, признался матери: «Мама, меня заставили оговорить папу!» Видимо, этот грех предательства отца — пусть не родного, но восемь лет воспитывавшего его в заботе и, кто бы что ни говорил, любви, тяжелым камнем лежал на совести мальчика.

Но... оговор сделал свое чёрное дело: отца осудили на почти максимальный срок — 6 лет. Причем судью не смутило даже явное противоречие с заключением экспертизы, организованной по горячим следам, почти сразу после изъятия ребенка, проведенного с нарушением закона, — но на закон в этом деле вообще, грубо выражаясь, все плевали, захлебываясь эмоциями при слове «истязания». Хотя никаких истязаний, то есть «причинения систематических физических и психических страданий», по сути, не было. А было наказание за кражу у матери золотых украшений. Но об этом ни следователь, ни судья, ни органы опеки, ни прочие «защитники детства» предпочли не вспоминать.

Вопреки самим показаниям Андрея, неизвестно как полученным, потому что видеофиксация процесса допроса ребенка с подачи «законного представителя» от опеки каждый раз запрещалась, судья «повесила» на отца даже те травмы, которые отрицал малолетний потерпевший. Из восьми приписанных отцу случаев пять (!) противоречат фактам. Мало того, следователь и судья даже не удосужились подыскать хотя бы какую-то доказательную базу для выдвинутых обвинений в истязании, просто проигнорировав всё, что не соответствовало этой версии. Наивно распахнув глаза, взрослые дяди и тети с готовностью приняли на веру всё записанные во время допросов слова 9-ти летнего ребенка. Видимо, они посчитали, что находящийся в этот момент в полной зависимости минимум от четырех чужих взрослых людей малыш не способен лгать, а говорит «правду, одну только правду и ничего, кроме правды».

Психологи, обследовавшие Андрея, отметили, что он склонен поддаваться влиянию «авторитетных лиц». Но судья не придала значения этой черте характера — хотя кто из детей, оказавшись в подобной ситуации, осмелится до конца отстаивать свою точку зрения, понимая, что мама далеко, помощи и поддержки ждать неоткуда. На память невольно приходят подвиги пионеров-героев в застенках гестапо, но Андрей, увы, на них не похож. Он был изначально морально сломлен, поэтому до сих пор находится в застенках государственного бюджетного учреждения Новосибирской области «Социально-реабилитационный центр для несовершеннолетних «Виктория» (для краткости, СРЦ или приют).

Аист на железной решетке. Сравнение с гестапо, хотя и является, конечно, сильным преувеличением, всё же в чём-то недалеко от истины. Если физические пытки и не применяются, то уж пресловутое психологическое давление на детей здесь оказывают довольно интенсивно, о чём свидетельствует изменившееся за год поведение Андрея, проявление у него логоневроза и аутистимуляции (кто разбирается в психологии, поймет, о чем речь). Но это же не родители, это официальные «защитники интересов ребенка», потому им — можно. Как любят говорить в таких случаях комментаторы в соцсетях, «это другое».

Центр «Виктория» похож на колонию для несовершеннолетних преступников не только трехметровым забором и видеокамерами, не только охранником, по аудиосвязи общающимся с родителями малолетних узников — пардон, «несовершеннолетних, оказавшихся в тяжелой жизненной ситуации», — и честно исполняющим роль Цербера при директоре СРЦ З.И. Хихловой. Основное сходство приюта с пенитенциарным учреждением придает его полная закрытость и самовластность директора, доходящая до самодурства. По какой-то странной иронии судьбы, она заставила всех, так или иначе причастных, сбросить маски «детолюбив» и показать свое истинное лицо.

12 декабря 2022 года у Андрея во время очередного судебного заседания было краткое свидание с матерью, на котором он сообщил, что написал ей «важное письмо», и попросил прийти на следующий день. И тут началось нечто непонятное, абсурдное, противозаконное, не имеющее ничего общего с защитой «прав и интересов ребенка».

13 декабря мать, естественно, пришла, но, как ей заявил охранник, ему «руководство строго-настроено запретило пускать ее на территорию приюта». Ответа на вопрос, в чем причина, не последовало ни от него, ни от более «высокопостав-

ленных» сотрудников этого заведения. Женщина пыталась объяснить, что ее попросил прийти сын, который написал ей письмо — презрительное молчание было ей ответом. Полча-са простояла мать на двадцатиградусном морозе у запертой калитки забора, сжимая в руке пакет с домашними лакомствами и фруктами для сына — тщетно...

На следующий день она попыталась позвонить Андрею — ей ответили, что он не хочет с ней разговаривать. С этого времени на все ее попытки узнать, что происходит, либо отвечали, что сын не желает с ней общаться, либо просто бросали трубку.

В совершенном отчаянии мать обратилась к помощнику депутата Госдумы по Новосибирской области Р. Сулейманова. И вот, 20 декабря возле приютского забора, украшенного металлическим аистом (наверное, с намеком на то, что все дети здесь — безродные, принесенные неизвестно откуда в птичьем клюве), собралось четыре человека: мать Андрея, ее официальный представитель юрист А.В. Коваленин, помощник депутата Госдумы и я.

Не буду утомлять читателей ненужными подробностями — скажу лишь, что даже на территорию (не говоря уже о помещении) нас не пустили. Вместо этого к нам вышел приютский завхоз и объявил, что у них карантин по гриппу. Помощник депутата Госдумы попытался объяснить: в рамках исполнения поручения депутата на его округе, он хочет поговорить с директором учреждения, а не с ее подопечными, и согласен сделать это в маске. Охранник по аудиосвязи передал, что З.И. Хихлова отказалась с ним общаться. Тогда, действуя строго в рамках Федерального закона от 8 мая 1994 года № 3-ФЗ «О статусе сенатора Российской Федерации и статусе депутата Государственной думы Федерального Собрания Российской Федерации», он вызвал наряд полиции к приюту. Ждать ее пришлось минут сорок. Но даже с полицейскими помощник депутата Госдумы не смог попасть внутрь — судорожно уцепившись дрожащими пальцами за дверную ручку и глядя на него через стекло расширенными от страха глазами, госпожа директриса истеричным голосом повторяла, что она его не пропустит. Ну не бить же слабую женщину...

В это время А.В. Коваленин общался с замминистра труда и социального развития О.Р. Потаповой, которая горячо его убеждала, что вот сейчас, через пять минут, мать позвонит на встречу с Андреем. Но — не позвали.

Полицейский наряд пробыл в здании недолго и уехал, наказав нам дожидаться оставшегося для выяснения обстоя-

тельств дела участкового. Мы честно ждали. Полтора часа — из трех, проведенных на морозе, — как зайчики под новогодней елкой, дефилируя под сенью железного забора в тщетных попытках согреться.

Участковый был искренне удивлен, увидев нас, и сообщил, что пообщался с Андреем в присутствии психолога центра, так как «не было законного представителя». О том, что этот самый законный представитель, не только не лишенная родительских прав, но даже не ограниченная в них, мерзла на улице, в надежде, что Зинаида Ивановна смилостивится и уж хотя бы ради замминистра позволит встретиться с сыном, он, видимо, забыл.

К слову, ни его, ни полицейский наряд никто не просил надеть маски (карантин же!), поэтому он свободно общался с мальчиком. Что мешало директору центра разрешить матери хотя бы издали посмотреть на ребенка и передать ему сладости, так и осталось невыясненным.

Измученная тревогой женщина терялась в догадках, что происходит с Андреем, — сердце подкашивало ей, что в эти дни ему было очень плохо. И она оказалась права: когда, после неоднократных обращений к замминистра соцразвития О.Р. Потаповой и Уполномоченному по правам ребенка в НСО Н.Н. Болтенко ей, наконец, разрешили войти в помещение приюта и увидеть сына (спустя две недели после их последней встречи), выяснилось, что он, действительно, был болен. Это подтвердила позднее и министр труда и соцразвития Е.В. Бахарева в своем официальном ответе, указав, что с 14 по 19 декабря Андрей находился на амбулаторном лечении по поводу ОРЗ легкой степени тяжести. Что помешало сказать об этом матери, объяснив по-человечески причину отказа в свидании, также непонятно. Но таковы методы работы директора СРЦ и ее сотрудников по «восстановлению детско-родительских отношений» Андрея с его матерью.

Почему-то главные представители когорты новосибирских «детолюбов» и «детозащитников» Н.Н. Болтенко и О.Р. Потапова уверены, что эти отношения находятся в глубоком кризисе, и только непомерные усилия психологов помогают их еще как-то сохранить. Правда, сам Андрей неоднократно заявлял, что любит маму, скучает по ней и хочет домой, но это не принимается в расчет. Кризис — и всё!

В 2021 году, после помещения мальчика в приют, специалистами СРЦ была разработана целая программа по так называемой психокоррекции его поведения. Об этом 17 ноября 2021 года директор З.И. Хихлова уведомила следователя Е.А. Чеботарева отдельным письмом: «С момента поступления в

Центр по настоящее время с несовершеннолетним проводит-ся психокоррекционная работа, направленная на: стабилизацию эмоционального состояния; снижение психоэмоционального напряжения; проработку подавленных негативных эмоций; создание ресурсного состояния; обучение навыкам конструктивного взаимодействия; обучение навыкам саморегуляции эмоций и их выражению в конструктивной форме; формирование положительной самооценки; коррекцию межличностных отношений».

Казалось бы, после проведения такой серьезной работы с мальчиком он должен стать спокойным, ни на что не реагировать и с легкостью переносить тяготы своего вынужденного затворничества (так как приют является «режимным учреждением», самостоятельный выход из него невозможен, прогулки проводятся только в пределах территории центра, а все передвижения по городу осуществляются строго под контролем сотрудников СРЦ — вопросы по поводу того, как все эти «воспитательные меры» сказываются на психике безвинно заключенных детей, просьба направлять в вышестоящие инстанции, к той же Н.Н. Болтенко, например).

Но на деле всё по-другому. Я лично присутствовала на встречах с мальчиком и в помещении приюта, и «на воле», поэтому могу констатировать, что либо из-за низкой квалификации психологов СРЦ, либо по какой-то другой причине, но снять психоэмоциональное напряжение даже за год с лишним им не удалось. Мало того, оно стало, скорее всего, хроническим, и выражается в раздражающих постороннего человека непрерывных покачиваниях, постоянных попытках незаметно оглянуться, чтобы увидеть стоящего за спиной, в заикании и повторении первых слогов слов. Ничего подобного не было в то время, когда ребенок жил в семье, с отцом, названным публично «истязателем».

Чтобы не быть голословной, приведу выдержки из характеристик, данных Андрею в 2021 году сотрудниками МБОУ СОШ № 96 (ну не могу я назвать их учителями или, тем более, педагогами!) по его состоянию до 11 октября 2021 года, то есть до изъятия из семьи:

Г.А. Резванова, директор МБОУ СОШ № 96: «<Б.А.Д.> могу охарактеризовать положительно, как прилежного ученика, спокойного, ни в каких правонарушениях замечен не был»;

Н.В. Самойлова, классный руководитель Андрея: «...могу охарактеризовать положительно, как прилежного ученика, спокойного, ответственного ученика, добросовестного, любознательного, легко входит в контакт со взрослыми и деть-

ми, физически развит нормально, на переменах подвижен и активен, как все дети»;

М.С. Сукнева, социальный педагог школы: «...могу охарактеризовать положительно, он добрый... учится хорошо, обычный ребенок».

В июле прошлого года, через девять месяцев разлуки, когда мать всё же увидела сына, он сидел на свидании, сжавшись в комок и вздрагивая при обращении к нему. Со временем, если появлялась возможность, мальчик стал иногда рассказывать о воспитателях, которые «постоянно орут», о «злых психологах», о том, что вместо шахмат, которыми занимался дома, он теперь занимается ковровой вышивкой, а в учебе, вместо прежних четверок и пятерок, съехал на круглые тройки. Но на претензии матери к воспитательным методам сотрудники СРЦ дружно ответили: «Он всё врёт, больше его слушайте!» То есть пределы наивной доверчивости в рамках «межведомственного взаимодействия» могут расширяться только в одну сторону — обвинения родителей. В противоположную сторону это не срабатывает. Заключение психолога СРЦ О.А. Лукиди от 14 октября 2021 года о том, что «признаков лжи и фантазирования у ребенка не обнаружено», действительно лишь в отношении его рассказов про отца, но не в отношении негативных высказываний о профессиональных «защитниках детства».

ДВА РАССКАЗА

НАДКУШЕННОЕ ЯБЛОКО

Прожорливая электричка, с шипением выплюнув из своего ненасытного нутра таких же, как и мы с Валерой Лесоненом, усталых и мокрых от снега людей, захлопнула свои двери-пасти и укатила дальше. Двигаться не хотелось. Усталость тянула к земле. Всё же десять километров по мокрому снегу дали о себе знать. «И зачем только я поехал, — думал я, забрасывая на плечи отяжелевшие лыжи. Поддался агитации профорга: «Будет хорошая погода! Некому выступить по спортивному ориентированию. Выручишь — век не забуду». Тьфу! Развесил уши. Знал бы, что так случится, сидел бы в общежитии и слушал бы битлов».

Не успели приехать в Тавтиманово, к месту сбора команд, как из-за леса выползло огромное черное облако и всё вокруг залепило мокрым снегом. После выстрела стартового пистолета все рванулись. Но где там! К лыжам прилипало столько снега — не оторвешь. Многие повернули обратно, но мы всё же пошли — и пришли к финишу первыми, так что и сами удивились.

ПРОЗА

Дальше оставаться на перроне не было смысла. И мы с Валерой, собрав свое нехитрое имущество, по узкой тропинке, протоптанной в мокром снегу, следом за другими пассажирами поплелись к автобусной остановке.

Вечерело. Последние лучи мартовского солнца, коснувшись крыш соседних домов и верхушек тополей, обещало на завтра ясный день.

— Что-то стало холодать, не пора ли нам поддать... скорости, — пошутил я, повернувшись к Валере. Он изобразил на лице что-то похожее на улыбку. Лицо его, скрученное и вытянутое, словно металлическая стружка, чуть сгладилось — и опять приняло прежний вид. Не лучше выглядел и я. Но взгляд Валеры устремился вперед, мимо меня, через головы плетущихся впереди людей, и уперся во что-то, должно быть, приятное. Потому что лицо его опять начало распрямляться. Глаза удивленно загорелись. И было чему обрадоваться. К нам навстречу летящей походкой шла девушка. В длинном сиреновом пальто, обрамленном по краям белым мехом. В такой же белой шапке, она резко выделялась на фоне грязного снега и усталых в полном безразличии людей. Она несла в себе какую-то свежую струю жизни. В такт ее движению в авоське покачивались красные яблоки. Глаза ее, чертовски привлекательные и ужасно смешливые, выбили нас из колеи. Вернее, мы встали как вкопанные и не могли сойти с узенькой тропинки, чтобы пропустить ее. Я много раз читал, что от удивления отвисают челюсти. И не верил этому. Но мы с Валерой переглянулись с открытыми ртами, точно проголодавшиеся птенцы.

— Эй, цыплята! Кыш с дороги, — рассмеялась она. — Откуда вы такие мокрые?

О чем говорил с ней Валера, я не слышал. Я видел только ее голубые глаза, которые нельзя было сравнить ни с чем. Глаза ее, то удалялись, то приближались, расплываясь в фокусе моего зрения. Очнулся я только тогда, когда Валера сунул мне в рот надкусанное яблоко. Она удалялась вслед заходящему солнцу. И обернувшись еще раз, помахала рукавичками:

— Приходите в гости.

— А что, к этому приглашению и я имею отношение? — спросил я, откусив и прожевывая яблоко.

— Конечно, конечно, — произнес Валера свою излюбленную фразу, что-то записывая на коробке от сигарет «Ява». Как потом я понял — ее адрес. Усталости как будто бы и не было. Я невольно замурлыкал мелодию популярной песенки. А Валера, от избытка чувств подпрыгивал вверх с зажатым кулаком, то ли пытаясь проткнуть одинокое облако, то ли поставить точку в приятной действительности, как футболист, забивший решающий гол.

С Валерой Лесоненем мы познакомились в аэроклубе, где учились лётному делу. У нас с ним было много общего: не только штурвал вертолета МИ-1 и небо под натянутыми стропами парашюта, но и оптимистический взгляд на жизнь. А теперь и девушка, в которую влюбились оба разом. Ее звали Флорида.

На следующие выходные мы, как ни договаривались, но так и не смогли сходить к Флориде в гости. Были учебные полеты. А потом начались авралы в литейном цехе, где я работал. У Валеры тоже в отделе рекламаций заметно прибавилось дел. Из-за нехватки блок-цилиндров к мотору «Москвич М-412» на гарантийных пунктах создавались огромные очереди, увеличивая поток рекламаций на завод. И его как представителя моторостроительного завода, нагрузив «свежеиспеченными» блоками, гоняли по всей стране. Так незаметно, в делах и заботах, пролетели три месяца. Мы с Валерой были друзьями, и идти в гости к Флориде кому-то одному из нас было бы предательством. И вот наступил долгожданный день. На дворе стоял знойный июнь. В воздухе звенело от пчелиных крыльев, облепивших буйно цветущие липы. Субботним вечером, когда жара чуть спала, мы с Валерой, приодевшись, отправились по заветному адресу.

— Да она, наверное, давно уже нас забыла, — сказал Валера, перекладывая из рук в руки торт.

— Исключено. Твою лошадиную морду, я надеюсь, она запомнила навсегда, — хохотнул я, отмахиваясь от пчел, наседавших на яркие цветы. Я боялся, скорее, за себя, чем за букет. У меня на пчел аллергия. Укус одной пчелы выводил из строя меня на пару часов, и тогда прощай свидание. Шестьдесят четвертый дом на улице Рихарда Зорге мы нашли быстро. Лифт не работал. Отдышавшись на седьмом этаже, дрожащими от волнения пальцами я нажал кнопку звонка. Дверь открыла хозяйка квартиры, у которой Флорида снимала комнату. Это была немолодая, интеллигентного вида женщина с добрым открытым лицом.

— Мы к Флориде, она здесь живет? — спросил я.

Хозяйка услышала имя, и глаза ее сразу потускнели. Мы поняли, что с Флоридой что-то случилось. Наше настроение упало.

— Она в больнице, — сказала хозяйка. — Да вы проходите, проходите. Раз уж пришли. Где вы раньше-то были? Меня зовут Ольгой Борисовной. А вас?

Мы представились:

— Валера.

— Алексей.

— Проходите к столу, я как раз чаевничала.

Отказываться было неудобно, и мы уселись вокруг самовара.

— Еще в начале мая, — говорила Ольга Борисовна, наливая нам по очереди чаю, — Флорида уехала в Зилаир, чтобы помочь матери. Мать-то одна живет. Стара уже. Старшие-то разбегались кто куда. Приедут летом в отпуск, и опять надолго исчезнут. Что с них толку. Разве что дров напилят и то хорошо. Она, мать-то, лук сеет. Почти на весь огород. Выгодней, стало быть, дохода больше, чем от картошки. А помогать некому, кроме Флориды. И она, помню, целый месяц то вечерами, то субботах зарабатывала отгулы, чтобы поехать домой...

— А где она работала? — перебил ее Валера, отставив пустую чашку.

— Да вы угощайтесь. Вот варенье. Мед. И торт хороший принесли... Флорида тоже часто покупала бисквитный с кремом... Она работала на мебельной фабрике. А я подумала, вы вместе работаете.

— Да нет. Мы на Моторостроительном заводе, — не без гордости сказал Валера, приняв из ее рук чашку с чаем.

— Приходила Флорида поздно, — продолжала Ольга Борисовна. — Иногда с подружкой. Долго о чем-то шушукались и спорили, грозились кому-то. Сначала я ничего не понимала, а потом она сама рассказала. В сборочном цехе, где они работали, стали налево продавать мебель. Теперь же так, все жить хотят. А они с подружкой разнюхали это дело. И рассказали об этом начальнику цеха. Правды хотели добиться. Начальником-то женщина работала. А она на них только прикрикнула: «Не ваше дело, сама разберусь». И никто, конечно, не разбирался. И мебель, изготовленная из сэкономленных материалов, уходила налево. Они, значит, жалобу в милицию. Приехал молодой лейтенант и ничего подозрительного не нашел, по документам всё было в порядке. А их, девчонок-то, вообще хотели уволить за клевету. Подружки — в слёзы, давай доказывать. А что толку без прямых-то улик? Правды хотели добиться, справедливости... А правда боком вышла.

— А общественные организации — профком, партком, комсомол, наконец, — куда они смотрели? Они знали про всё это? — спросил я.

— Узнали. Но только потом, когда журналисты вмешались по просьбе Флориды. Что там было! Говорят, многих там уволили, с должностей снимали. А кто был виноват, тех по рукам!

— А как Флорида, что с ней? — допытывался Валера.

— Мать-то ее, когда приезжала за ее вещами, рассказывала. Приехала — не ест, не пьет, разговаривать перестала. На другой день вышла в огород, поработала немножко, а потом села и уставилась на скворечник. Птенцы уже щебетали. Солнце светило ласково. И вдруг расхохоталась она как

полоумная — и давай луковицы из земли вырывать, по земле с ревом кататься и волосы на себе рвать. Сначала мать и не поняла, а потом тоже в слезы. Соседи сбежались, унесли на руках, в постель уложили. Фельдшера вызвали. Вот с тех пор уже целых два месяца лежит в неврологическом отделении Республиканской больницы. Вчерась с внучкой ходили. Сама к нам вышла. Клубнички поела. Поговорили. Но слаба еще. Спасибо, говорит, что пришли.

— А знает она о том, что поймали мошенников? — спросил я.

— Ой, нет. И я как-то промолчала. Не хотелось беспокоить.

Поблагодарив Ольгу Борисовну за чай, мы, потрясенные рассказом, покинули ее квартиру.

На следующий день мы с Валерой сидели в скверике Республиканской больницы и ждали окончания тихого часа, который не посмели нарушить. В полном молчании мы просидели около часа, каждый наедине со своими мыслями. И вот двери распахнулись — и вышли две девушки в больничных халатах. Я с трудом в одной из них узнал Флориду. Глубоко запавшими глазами она искала вызывавших ее среди небольшого числа посетителей.

— Ой! Неужели это вы? Как вы меня нашли? А я-то подумала, опять Ольга Борисовна пришла, — говорила она, приближаясь к нам и стараясь быть веселой, но ей это плохо удавалось. — Спасибо, что... — не договорив, она начала медленно оседать. Судорожно рукой искала опору. Мы вскочили оба. Но я был ближе к ней, и она повисла на моих руках. Она была невесома. Ее подружка побежала за сестрой. Я держал ее на руках. Время остановилось. Вдруг, очнувшись, я увидел, что нас обступили больные и медперсонал. И просили кого-то нести. Оказывается, просили меня.

— Куда нести? — спросил я. Мне показали дорогу.

На больничной койке, когда сестра сделала укол, Флорида открыла глаза. И слабыми дрожащими руками нащупала мою ладонь и, виновато улыбнувшись, сказала:

— Спасибо, что пришли. Я часто вспоминала вас. Особенно здесь, в больнице. Но вы не беспокойтесь, я поправлюсь, вот увидите.

— Конечно-конечно, — нарочито весело сказал я. Когда ей стало немного лучше, я рассказал ей обо всем, что поведала нам Ольга Борисовна. Как мы потом поняли, это было лучшим лекарством для нее.

В сентябре у нас были учебные полеты. Но наши машины не были готовы. И от нечего делать мы позвонили в больницу. Флорида сообщила, что ее выписывают. В последнее время у нас с Валерой изменились отношения — далеко не в луч-

шую сторону. И причиной тому была Флорида. Совсем неожиданно для себя мы оказались по краям пропасти, которая увеличивалась с каждым днем. Мы это понимали. И надо было что-то делать. И мы по дороге решили, к кому первому подойдет Флорида, тому и претендовать на ее счастье. Мы были похожи друг на друга: оба коротко пострижены, в одинаковых летних куртках, с одинаковыми букетами в руках и даже улыбались одинаково. И вот мы стояли по краям асфальтированной дорожки, по которой шла Флорида, вытянув букеты вперед. Она быстро разгадала наши мысли. Поравнявшись с нами, подмигнула, и одновременно взяв из рук букеты, весело рассмеялась и побежала вперед. Нам оставалось только переглянуться и следовать за ней.

А Флорида шла дальше с охапкой осенних цветов, улыбаясь прохожим своей обворожительной улыбкой. Прохожие отвечали ей. И она шла дальше, мимо разукрашенных домов, удивленно уставившихся на улицу своими резными ставнями окон, и садов, готовых осыпать своими плодами. И казалось, даже яблони кланялись ей через высокие заборы.

СИЛЬНОЕ СРЕДСТВО

Открытие было неожиданным. И вместе с тем радостным для сорокашестилетнего водителя районной Санэпидемстанции Федора Антиповича Присыпкина.

То утро, перевернувшее всю жизнь Присыпкина, ничего сверхъестественного не предвещало. Оно было обыденно, как тысячи других. Как всегда, во дворе мычала корова, чувствуя приближения стада. Жена его Клава, женщина злая и сухая, очень похожая на селедку холодного копчения, гремела ведрами в сенях. Торопилась на работу. Но прежде надо было управиться с хозяйством, да двоих ребят в школу собрать.

Как всегда, после «вчерашнего» болела голова. Хотя он пил часто и много, но никогда не опохмелялся. И никогда не садился, не побрившись, за руль. Поэтому первым его желанием было — привести себя в порядок.

В осколке зеркала на бревенчатой стене отражалось обросшее рыжей щетиной лицо. Большой с горбинкой нос был изрядно поцарапан. Под глазом красовался синяк. На плите брякал крышкой вскипевший чайник.

Всё было привычно и спокойно. И лишь тараканы, вечные и ненужные спутники человечества, встревоженные ярким светом и присутствием хозяйина, разбегались по щелям.

Когда безопасная бритва перекочевала с одной руки на другую и Присыпкин повернулся правым боком к осколку зеркала, слегка потухший взор его уперся в белого таракана, который отличался не только размерами, но и подвижностью.

Не успел Присыпкин и глазом моргнуть, как этот альбинос догнал своего рыжего собрата и, прикусив его загривок, заработал челюстями. От удивления глаза Присыпкина расширились, а хмель мгновенно исчез.

Вот тут его и осенило. Это было открытие.

— Вот это да-а, — проговорил он, застыв с бритвой в руках. — Человечество веками травит тараканов и не может избавиться от них! А тут один таракан за неделю может сожрать всё тараканье племя. А что если?..

И он задумался, представив свою избу огромной лабораторией по разведению белых тараканов. Откуда-то сверху лилась тихая музыка. Он в белом халате прохаживался по своему заведению. Возле стеклянных шаров, внутри которых копошились белые тараканы, стояли его молоденькие сотрудницы и улыбались самыми обаятельными улыбками... Телеграфным текстом отстукивал чайник: «Мистер Присыпкин, ради бога, пришлите десяток альбиносов. Ливерпуль. Томсон и Компания». Или: «Господин Присыпкин, спасите от нечистоты. Пришлите несколько насекомых. Бразилия. Фирма Смог».

— Зараза, уснул, что ли? — уже который раз окликала его жена, гремя ведрами в сенях. — Разбуди, говорю, ребят-то. В школу опоздают.

— А, сейчас, — пробубнил Присыпкин, не отводя взгляда от этого чуда природы, уже терзающего за холку второго соплеменника. Он представлял, как во все концы света разлетаются его тараканы для спасения человечества от паразитов с загадочными буквами на каждой коробке: «ВОББП» (Всемирное Общество по Борьбе с Бытовыми Паразитами).

— Проснись, сволочь! — грозный окрик жены, вернул его к действительности. И он зубной щеткой сгреб альбиноса в пустую банку и туго затянул полиэтиленовой пленкой. Но, немного подумав, проткнул вилкой отверстия, чтобы тот не задохнулся до вечера. И запрятал свое сокровище под печь.

И только хотел встать, как получил сильный удар чем-то твердым и угловатым, по спине. Он даже вздрогнул от неожиданности, но значения этому не придал. Слишком уж был далек от обыденной жизни.

Клава, так и стояла с поленом в руке, грозно поднятым для следующего удара. Ее крайне удивило поведение мужа. В другой раз он мог как-то среагировать на это, завывать от боли или убежать, чтобы не получить еще. Нет же. Он спокойно

выпрямился и, чему-то улыбаясь, даже не позавтракав, пошел к своей машине, которая стояла возле его дома.

Никогда не думал Присыпкин, что букашка в поллитровой банке перевернет всю его жизнь. Весь день он просидел за рулем сам не свой. И даже поймал себя на том, что не остановился после работы у пивной, чтобы пропустить традиционные две кружки пива, а то и что-нибудь покрепче.

Вечером, когда он трезвыми глазами посмотрел на жену, то понял, что не сможет жить с ней под одной крышей. А спать в одной постели тем паче. И поэтому, выудив из-под печки свое сокровище, ушел ночевать в баню.

На следующий день он в районной библиотеке набрал книг про разных насекомых и ушел с головой в науку. И чего только он не прочитал в тех книгах и журналах! Но когда прочел, что маленькие муравьи-термиты едят даже железо, он крайне удивился. Там было написано «едят всё, кроме железа», но слово «кроме» было кем-то замазано. И он понял его как «даже»...

В то время, когда Присыпкин листал в бане журналы. Жена не находила себе места. Всё валялось из рук. Годами привыкшей поносить мужа, ей было некого ругать. Попробовала срывать злость на детях, на скотине и на соседях. Но это было не то. Она не находила в этом успокоения. И потому стала похожа на натянутую чьей-то злой рукой струну инструмента, постоянно дребезжащую на фальшивой ноте.

Во дворе уже гуляла рыжая осень, когда из яйца альбиноса вылупились двадцать шесть маленьких альбинок. Присыпкин радовался так, как не радовался рождению своих собственных детей. Это была радость первооткрывателя.

Но делиться радостью было не с кем. Да и рановато. Он опасался перенаселения планеты белыми тараканами. В том, что белые тараканы сменят рыжих, было мало проку. И он ждал разрешения этого вопроса.

Наступил день, когда Клава уже не могла сдерживать гнев внутри себя и решила действовать. Вооружившись топором, она высадила двери бани со стороны петель, потому что замок был приделан на совесть. Вместо грязи и пустых бутылок, которые она ожидала увидеть, в предбаннике царил стерильная чистота. «Не иначе, как другую нашел», — мелькнула в ее голове шальная мысль.

Везде стояли банки, накрытые белыми повязками. А среди них — микроскоп и книги. Она приподняла край повязки корыта, стоявшего на столе, и увидела белых тараканов. От удивления она опустилась на кровать. И долго сидела без всякого движения. Но когда попыталась встать, то почувствовала, что с ней что-то случилось. Внутри что-то слома-

лось или, наоборот, склеилось. Она почувствовала, что гнев ее тает, а душа начинает отогреваться. Ей стало хорошо. Она сидела, долго боясь пошевелиться и спугнуть это блаженное чувство.

К приходу хозяйина баня была уже натоплена. На низеньком крыльчке, рядом со связками книг сидела его жена.

— А-а, Феденька пришел! — ласково проговорила она, заметив мужа. — Дети уже помылись. А я тебя жду.

Присыпкин опешил от таких слов. Они уже лет пять не мылись вместе: «Что бы это могло быть?» — подумал он, переступая порог предбанника, и тут же заорал:

— Где тараканы, дура?

Клава остолбенела от неожиданности. И тоже хотела закричать, но у нее не получилось. И она ласково проговорила, потупив взор:

— Какие тараканы? Те, что в корыте? Так я их горячей водой смыла. Они же дохлые были.

— Как дохлые? — Он хотел ее ударить, но увидев, как она сжалась в испуге, передумал. И, сплюнув через зубы, пошел проверять банки.

Тараканы лежали на дне банок без всякого движения. Его сердце сжалось от обиды: «Сколько труда и всё насмарку!» Он огляделся. И тут он увидел его в щёлочке за веником. Совсем маленького, беленького и дорогого для него. От сердца отлегло. Стало легче дышать.

«Хоть один да остался, — подумал он. — А почему скопытились другие? Может, от присутствия моей жены?»

Он понял, что это было именно так. Это было еще одно открытие Федора Присыпкина!

— Значит так, — рассуждал он. — Рыжих тараканов уничтожают белые. А белых, — он сопоставил изменившееся поведение жены с мертвыми тараканами и понял, что они как бы нейтрализуют друг друга, как кислота и щелочь. Огонь и вода. Зло и добро. — Значит, надо приводить злых людей в комнату, где в большом количестве обитают альбиносы. А таких людей достаточно в любой семье, в любом коллективе. И сразу всё будет по нулям. Ни тараканов, ни ворчащих жен! Ни конфликтующих коллективов. Ни воюющих стран. Полная гармония!

В бане пахло квасом и распаренным веником. Через минуту послышались частые удары березового веника и довольные возгласы Присыпкина.

С тех пор Присыпкин перестал пить. И тараканы в его доме не заводятся. Объясняют это тем, что он где-то достает сильные средства. Может быть, это и так...

г. Москва

ДВА РАССКАЗА

ТЕРРОРИСТ

Тонированная «в хлам» десятка с номерами соседней области вкатил на привокзальную площадь. Из распахнутой чуть ли не на ходу двери автомобиля энергично выскочил сухощавый парень среднего роста. Быстро, но без суеты помог выбраться из салона одетой с изыском женщине. Так же резво открыл багажник, откуда достал чемодан и большую сумку. Мякнула сигнализация и молодой человек, прогибаясь от тяжести багажа, быстрым шагом направился к вокзальным дверям. За ним, едва поспевая, короткими шагами семенила женщина.

— Игорь, каждый раз одно и то же. Нам всегда приходится спешить, догонять. Через двадцать минут поезд, а я ещё без билета. Сплошная нервотрёпка!

Моложавая, но уже в годах женщина говорила всё это громким голосом, так, чтобы идущий впереди молодой мужчина слышал о её недовольстве. Но тот, кого назвали Игорем, не сбавлял шага и торопливо шёл по залу, выискивая место,

ПРОЗА

куда можно было поставить поклажу и усадить беспокойную спутницу.

— Нет! Теперь я точно опоздаю! Так я и думала, когда просила тебя отвезти меня на поезд. И так всегда...

Игорь сохранял внешнюю невозмутимость. Он терпеливо выслушивал упреки в свой адрес и сосредоточенно искал удобное место для дамы преклонных лет. Наконец, свободное кресло нашлось. Когда рядом с женщиной, присевшей на сиденье из гнутой лакированной фанеры, компактно уместился чемодан, упреки продолжились:

— Всё! Я опоздала! В кои веки решила съездить к сестре... Сестра ждёт. Договорились за полгода. Вот теперь итог... Съездила, называется, — продолжала категорично причитать расстроенная дама. Она обречённо поставила сверху чемодана сумку и приняла отрешённый вид.

Игорь радушно и широко улыбнулся:

— Инесса Валерьевна, ничего вы не опоздали. До прихода поезда ещё целая уйма времени.

— Шанс у меня, может быть, и есть. Но он каждую секунду становится минимальным. Если ты ещё несколько минут прстоишь на месте, то нам придётся тащить чемоданы обратно в машину.

Но Игорь не дослушал. Шагом, порой переходящим в бег, он удалился к кассам, где толпился народ.

Народу было много. Все спешили купить билет на проходящие поезда, поэтому упорядоченное расположение людей, именуемое очередью, часто превращалось в давку. Игорь напряжённо наблюдал через головы за работой уставшей кассирши и непроизвольно тянул к окошку руку с зажатыми в ней документами. В момент, когда сквозь толчею прорывался очередной счастливый обладатель купленного билета, он заметил человека, стоящего поодаль. Тот опирался на широко расставленные ноги и цепким взглядом исподлобья смотрел прямо в лицо Игорю. Игорь, увлечённый процессом добычи билета, отвлёкся. Но непонятный нервный взгляд впечатлил его. Когда через мгновение он вновь повернул голову в сторону зала, то неожиданно увидел обладателя пристального взгляда прямо перед собой. Тот оказался не очень высокого роста, с пористой кожей на лице и слегка шепелявым голосом.

— Я беру вас в заложники, — неожиданно произнёс он, не отрывая взгляда.

Странно, но Игорь ничуть не удивился такому обороту дел. Внутри него вспыхнуло чувство негодования:

— Слышь, отвянь! Террорист, блин... Видишь, чем занимаюсь? Не до тебя.

В следующий момент, когда он снова обернулся к неожиданному собеседнику, у того в глазах пропала решительность и появилось нескрываемое удивление.

— Послушайте, я вовсе не шучу. — продолжал говорить тот вполголоса, — У меня граната.

Игорь, раздражаясь в очередной раз, обидно выпалил:

— Засунь себе эту гранату.. Уже, наверное, догадался куда! Ещё немного, и тобой будет заниматься моя тёща. Если она опоздает на поезд — то тебе лучше подорваться на своей гранате.

Опешивший обладатель взрывного устройства совсем изменился в лице, и в его голосе внезапно появился плаксивый тон:

— Да что же это такое? Я, видимо, действительно ни на что не способен! И опять тёща! Неужели эти создания, именуемые тёщами, не дают жизни никому?

Игорю внезапно стало жаль этого тщедушного человека.

— Что? Допекли? — спросил он.

— Да. Жена каждый день мне даёт понять, что я ни на что не способен. Она не воспринимает меня как мужчину, — незадачливый террорист вздохнул. — Знаете, когда каждый день над тобой насмеются на глазах у других, хочется волком выть от бессилья. И я ведь знаю, что моя жена неплохой человек. Но её мамаша! Это просто что-то! Мне порой кажется, что она и не человек вовсе, а демон какой-то. Это она наговаривает жене на меня. Ей всё время хотелось для дочери какого-то особенного счастья. А я никогда не вписывался в рамки её понимания об этом счастье. Для неё я бездельник, бесхребетник, не способный достойно содержать семью. — Голос говорящего дрогнул: — А сегодня я узнал, что жена встречается с другим. И нашла она его опять не без помощи своей демонической мамаша. Так что, может быть, взорваться на своей гранате — единственный выход. Тогда жена сможет понять, что я не тряпка и, как другие, способен на поступок.

— Да-а... Как всё запущено, — посочувствовал Игорь.

Он слегка задумался и продолжил:

— Тёща — всегда сложный вопрос. Только с заложниками ты перегнул. Понятно, если ты тещу в заложники возьмёшь — это да. А из-за неё кого-то другого... Мне кажется — тебе надо провериться.

— Если я возьму тещу в заложники, жена ко мне уже никогда не вернётся. Так что я даже помыслить об этом боюсь. И делаю я это не из-за тещи, а для жены, чтобы она, наконец, поняла, что ради неё я...

Тут глаза говорящего увлажнились, и он проглотил последнюю фразу.

— Всё равно ты не прав, — заполнил паузу Игорь. — Доказывай свою состоятельность чем-нибудь другим. А для приведения в порядок своих мозгов просто отдохни, напейся, с друзьями загуляй. Ну, ещё там что-нибудь...

— Напиться пробовал — ещё хуже. Друзья все как-то растерялись. Я всё время решаю свои семейные вопросы, а это никому не интересно. Поэтому взять заложника — это единственный выход...

— Ничего себе — выход. Как ты до этого додумался?.. Нет, тебе точно надо провериться...

— У меня всё в порядке с психикой, уверяю вас. Я долго думал, как мне заявить о себе и о своей способности на серьёзные дела, и ничего лучше не нашёл. Конечно, было бы понятнее, если бы я пошёл куда-то воевать и проявил там себя. Но... Я не годен к службе в армии...

— Ага, всё-таки я прав — надо провериться у врачей, — натужно выдавил Игорь, протискивая своё тело на шаг ближе к кассе.

— Да нет же, заверяю вас, дело тут не в моей психике. Проблемы с желудком. Язвенная болезнь, знаете ли, — как-то совсем уж по-простому, даже по-дружески возразил владелец гранаты. — Я пошёл бы служить и так, но — не берут.

— Всё равно не понимаю. Зачем кого-то брать в заложники? Можно же заявить о себе другим способом.

— Каким? Посоветуйте, — с искренней надеждой посмотрел на Игоря необычный собеседник.

— Тут сразу и необразишь, — задумался тот.

— Вот о чём я и говорю. Я многое передумал и понял: лучший выход — взять заложника. Пусть меня будут осуждать, но хотя бы не будут смотреть с унижительным презрением. Особенно мамаша моей жены. Может быть, перестанет фыркать и заирать нос при моём появлении. А жена... — в голос говорящего опять вплелась плаксивая интонация, — может, и она как-то по-другому будет думать обо мне.

— Ну уж не зна-аю. Всё равно затея неправильная. — Игорь, незаметно для самого себя, тоже задумался над ситуацией. — Ты говоришь, у жены появился любовник. Возьми в заложники его. А лучше просто: накостыляй ему хорошенько. Мне кажется, это правильнее, чем искать незнакомого человека, который ни в чём не виноват и, может быть, находится в такой же ситуации, как у тебя, а то и хуже.

— Что может быть хуже, чем бесконечное унижение от близкого человека, — опустил глаза необычный террорист. — А этого мужчину я не знаю. Я только слышал о нём. Да и вдруг моя жена любит его. Она потом мне никогда не простит.

— Нет, тебе точно надо провериться. Твоя язвенная болезнь усугубилась и сильно повлияла на голову. — Игорь возмущённо отвернулся.

— Да, я, возможно, не прав, — с надрывом выдохнул тщедушный человек. — Но другого выхода я не знаю. Если я покончу с собой, то это никого не впечатлит, а только вызовет ко мне жалость и ещё большее презрение.

Игорь резко обернулся:

— Послушай, ты уж определись: ты террорист или самоубийца. Хотя для тебя, мне кажется, это одно и то же. Но мысль про сведение счётов со своей жизнью совсем какая-то дурацкая. Если выбирать, то уж лучше теракт.

— Вот видите, какой-либо другой вариант для меня не подходит, — с неким облегчением воспринял слова Игоря собеседник. — Поэтому я хочу взять заложника.

Игорь повернулся всем корпусом к странному террористу:

— Слушай, а почему ты для роли заложника выбрал именно меня?

Тот задумался, а потом, медленно подбирая слова, заговорил:

— Вы видный мужчина и будете иметь большую значимость как заложник. Но даже и это не главное. Мне показалось, что вы сможете мне помочь... Ну, то есть, понять меня. Мне это так важно именно сейчас.

— Лестная оценка моей личности. Только я не согласен быть заложником. И вообще у меня сегодня другие планы, — саркастично отреагировал Игорь.

— Очень жаль. Если бы вы согласились, то здорово выручили бы меня.

— Нет уж, спасибо, — опять усмехнулся Игорь. — Я как-то не готов.

Его собеседник пожал плечами, пытаясь найти ещё какой-то аргумент, но Игорь опередил его:

— А на счёт гранаты: это правда?

— Да-да, — засуетился тщедушный мужчина. — Она у меня в кармане. Могу показать.

— Тихо-тихо! — возбудился Игорь. — Я сомневаюсь, что ты можешь пользоваться этой штукой.

— Почему же? Когда я покупал её, мне рассказали, как её используют.

— Всё, я понял. Диагноз психиатра действительно не нужен. Ты просто... — тут Игорь запнулся. — Ну, мне, в общем-то, без разницы. У меня к тебе огромная просьба.

Странный террорист вопросительно посмотрел на своего не менее странного заложника.

— Можешь ли ты взять в заложники кого-нибудь другого?

— Ну-у... — пожал плечами террорист. — Услуга за услугу. Вы вникли в мою ситуацию. И я согласен как-то войти в ваше положение.

— Только, пожалуйста, сделай свой захват заложника после того, как я куплю билет. Понимаешь — у тебя время есть, а я очень спешу. Поезд вот-вот отойдёт.

— Хорошо. Договорились, — охотно согласился захватчик заложников.

Игорю показалось, что человек с тщедушной фигурой даже обрадовался его просьбе. Это видимо льстило ему — оказать помощь в ситуации, которая зависит только от него.

Тут толпа качнулась и разделила несбывшегося заложника и человека с гранатой в кармане. Оказавшись прямо перед окошком, Игорь не упустил свой шанс и сунул документы прямо под нос кассирше.

Возле перрона шипел состав, когда из вокзальных динамиков ровно, но тревожно прозвучало: «Внимание! Просьба всем гражданам немедленно покинуть здание вокзала в связи с возможным совершением теракта. При выходе соблюдайте спокойствие. Выход через центральную дверь. Окажите помощь пожилым, инвалидам и детям».

— Боже мой! Игорь, что это? — прикладывая руку в кожаной перчатке к меху норки на груди, встревожилась женщина, едва поспевая за быстрой походкой своего спутника.

— Инесса Валерьевна, давайте быстрее. Это, наверное, учения по гражданской обороне.

Пропустив тещу в вагон, он ловко проник следом, несмотря на объём и тяжесть багажа.

Скоро расставаясь, Инесса Валерьевна опять спросила с тревогой:

— Игорь, ты уверен, что это учения? Это не опасно? Нас не взорвут?

— Будьте в этом уверены, нет абсолютно никакой опасности, — с широкой улыбкой ответил Игорь.

— Но откуда такая уверенность? — в очередной раз спросила женщина.

— Да всё очень просто! Мне кажется, я знаю главного тренера этих учений, — опять с улыбкой ответил Игорь.

— Но откуда? — с удивлением спросила Инесса Валерьевна.

— Так! Случайное знакомство.

Игорь едва успел выскочить из тамбура, как поезд грохнул и медленно пополз вдоль мокрого перрона. В проплывающем мимо окне мелькнуло улыбающееся и в то же время тревожное лицо Инессы Валерьевны.

С бордовым, размазанным по щеке следом от губной помады Игорь шёл к автомобилю. Проходя мимо служебного

входа, он увидел несколько милицейских «уазиков». Вокзальные двери распахнулись, и из них вышли милиционеры. Между внушительными фигурами в серой форме скользила низкорослая человеческая тень. Возле автомобиля с синей полосой они остановились. Террорист-неудачник с руками, затынутыми в сталь наручников за спиной, тоскливо смотрел на Игоря. Виновато и обречённо тещененавистник пожал плечами, после чего исчез в утробе милицейской машины. Игорь остановился и проводил взглядом синеполосый «уазик». Задумчиво и грустно усмехнулся.

Через несколько минут, разбрасывая колёсами мокрый снег, привокзальную площадь покинула вазовская десятка с тонированными стёклами.

ПРИЗРАК

Под валенками и под полозьями санок натужно скрипел снег. Крутой морозец поджигал щёки и носы, а кончики пальцев в рукавицах немели от холода. Павел и Анастасия Ананьевы под утро возвращались домой из соседнего села, чтобы вовремя попасть на работу. Накануне отшумел юбилей и весело прошли проводы на пенсию старшей сестры Павла. И теперь, маясь крепким мужицким похмельем, он задумчиво тащил за собой санки с четвертиной поросёнка и с прочими припасами, подаренными родственниками. Ночной мороз и зимняя дорога сделали своё дело: головная боль притупилась, и дрожь в теле стала исчезать. Ананьев оживел, иногда вступая в разговоры с женой.

Анастасия тоже измоталась за прошедший выходной день. Ей пришлось помогать хозяйке встречать гостей. Но бабская натура брала верх. Несмотря на усталость, время от времени она заводила всяческие разговоры. Павел слушал вполуха и кивал головой то ли в знак согласия, то ли в такт шагам.

На сером фоне зимней ночи проявились знакомые очертания ближних изб. Вырос из темноты облезлый проём кладбищенских ворот. Напротив них, вмёрзшие в сугробы, сиротливо покоились колхозные сеялки, оставленные зимовать до весны на краю пашни. За забором кладбища, над белыми холмиками стояли едва различимые могильные кресты. Среди них, совсем рядом с забором, чернела свежая могила: промёрзшие комья глины ещё не успели покрыться снегом.

Павел остановился, ожидая отставшую жену. Перевёл дух и, цепляя взглядом могилу недавно умершего свояка, тихо и сочувственно произнёс:

— Что, Николай, лежишь?

— Ле-жу! — прямо из под ног глухо прозвучал полный спокойствия ответ.

Ананьев не был суеверным. Во всякие бредни об оживших мертвецах не верил. Да и сейчас явно человеческий голос, прозвучавший откуда-то снизу поначалу был воспринят Павлом как звук в ушах, образовавшийся в связи с тяжёлым похмельем. Но тут неожиданно внесла поправки жена.

— А-а! — вскрикнула всё слышавшая Анастасия, — Ма-моньки мои! Чего это?

В следующее мгновение женщина, причитая от страха, бросилась по дороге в сторону домов.

Павел, потерявший вмиг дар речи, ощутил мороз на вспотевшей от ходьбы спине, а вздыбленные волосы задвигали шапку. Его удивление по поводу непонятого голоса было моментально смято животным рефлексом, призывающим к немедленному спасению, и он бросился догонять жену.

Анастасия, убегая от проклятого места, оглянулась в страхе, слыша за спиной шаги, и зашлась в ещё большем крике от ужаса. Она ткнула пальцем туда, где только что раздавался призрачный голос:

— Ой-ой! Господи, спаси! Кто это?! Паня, кто это?! Ой, мамочки мои!

Подбежавший Павел оглянулся и вновь вздрогнул от удивленного. У дороги, напротив кладбищенских ворот, стояла бесформенная человеческая фигура во всём белом, и махала им рукой. Павлу даже показалось, что их с женой просят подождать или вообще зовут назад, к воротам кладбища.

Силы у Ананьева проявились незамедлительно и бурно. Похмельная дурь вылетела пробкой. Он не стал более рассматривать то, что находилось возле могил, а рванулся по дороге вместе с санками так, что Анастасия, двигавшаяся налегке, отстала. В ужасе она бежала, часто перебирая валенками. От быстрого бега её крик, рвущийся из самой глубины груди, прерывисто клокотал. Возле домов Павел остановился, дожидаясь жену и осматривая дорогу. Кроме Анастасии на ней никого не было. То ли у страха оказались глаза велики, то ли и впрямь что-то было там, у кладбища, да только показалось Павлу, что человеческая фигура в белом скрылась под землёй. Как будто растеклась по дороге возле ворот погоста, и в искрящемся морозном воздухе остался видимым лишь серо-белый простор.

Ананьев, тяжело дыша, всматривался, ожидая ещё что-то разглядеть, но всё исчезло. О том, что он видел погружающегося в землю человека, говорить жене не стал. Дождался её, всё ещё голосащую, и, как мог, грозно цикнул:

— Хватит орать! Нет никого.

Анастасия обернулась, боязно оглядывая дорогу. Убедившись, что никого нет, она заплакала и положила голову на грудь Павлу.

— Паня, это что такое там?! Как я напугалась, Паня.

Павел одной рукой обнял жену:

— Ну всё-всё, ладно тебе. Нет никого уже. Пошли домой...

До самого дома они шли молча под непрерывные всхлипы Анастасии и со страхом оглядывались по сторонам. Всё им казалось, что белая фигура маячит вдалеке, а за углами изб, за скирдами соломы и за колодезным срубом кто-то таится, поджидает, скрывая тщательно своё присутствие, и следит-следит недобрым глазом.

В этот день Анастасия работать не смогла. Занедужила. И дома оставаться одна тоже боялась. Так что и Павлу пришлось отпроситься с работы.

Как пролитое молоко, расплзались слухи по селу о призраке, привидевшемся Анастасии и Павлу. Мужики не верили — посмеивались. Дескать, крепко выпил Павел на юбилее сестры — до разговоров с покойным свояком. Женщины и верили и не верили, но охали все. Пожилые крестились.

Прошло полдня. В сельской школе окончились занятия.

Учитель математики Коноплин, не вступая в разговоры с коллегами, обсуждавшими возможность существования галлюцинаций и призрачных видений, суетливо подхватил в учительской небольшую холщёвую сумку и вышел. Более плотно запахнул пальто уже на школьном крыльце. Прежде чем зашагать по заснеженной улице, глубоко и горестно вздохнул.

На площади между магазином и почтой стояла группа оживлённо беседующих женщин. Пожилая Никитишна прочно завладела вниманием односельчанок. Видя, как к ним приближается учитель, она заговорила громче. Её голос, полный назидания и осознанности исключительной правды, носителем которой она себя сейчас ощущала, катился мощным тембром в сторону Коноплина.

— Церкву разрушили! Попов разогнали! Вот и лезет вся нечистая к нам. Скоро по ночам в дома залазять будет. Изведёт всё село!

Учитель думал было пройти мимо, но слова Никитишны явно были обращены к нему. Он встретился взглядом с женщиной, и та, не упустив момента, вовлекла Коноплина в разговор.

— Ничего не скажу: неплохая Советская власть. Живём при ней хорошо. Но вот зачем церкви разорила? Скоро неприкаянные покойники к нам в дома по ночам приходиться станут! И что делать нам тогда? Был бы батюшка, молитвы

прочитал бы да и упокоил грешные души, чтобы те к живым не приставали.

Коноплин остановился и поздоровался в своей выдержанной и учливой манере. Понимая, что без разговора миновать группу галдящих женщин не удастся, направил строгий взор на митингующих.

— Видать, здорово обеспокоена чем-то Клавдия Никитична, раз так возбуждённо говорит. Неужто стряслось что?

— Как же не стряслось? Али не слышали? Покойного Кольку Большака у кладбища нынешней ночью Настасья с Павлом видали.

— А как они узнали, что это Большаков? Он им представился или документ какой предъявил?

— Какой ещё документ? — опешила Никитишна.

— Ну как какой? Что вот он я, такой-то: Большаков Николай Васильевич. Был погребён, а теперь восстал из могилы по такой-то необходимости.

— Э-э-эх! А ещё учитель! Насмехаешься над мёртвыми. Разве так можно?

— Над мёртвыми я не насмехаюсь. Это вы, Клавдия Никитична, их грешные, как вы говорите, души беспокоите. С чего вы взяли, что Ананьевы видели ожившего мертвеца?

— Ну как же! Видели! И Павел с ним разговаривал! — всё больше возбуждалась Никитишна.

— Может, ошибся Павел-то? — попытался Коноплин.

Тут подключились остальные женщины:

— Какое там ошибся! Настенька вон чуть со страху не померла!

— Так не померла же! — продолжал свои возражения Коноплин, чувствуя, что в женской среде поднимается негодование по отношению к нему. — В темноте всякое могло привидеться. Возле фермы коровы чудятся, в лесу — волки, а на кладбище покойники мерещатся. А вы сразу причину подобных происшествий связываете с отсутствием попа.

— Это что же, обоим сразу, что ли, померещился Коленка-то Большаков?.. И Настасье и Павлу? — подбоченилась Никитишна, принимая подобие петушиной стойки перед дракой. — Нет, если бы Пашка видел это один, я сама бы ни за что не поверила. Вам мужикам веры нет. Спьяну вам и черти мерещатся. Это я по своему покойному Константину Фёдоровичу сужу... Царствие ему небесное. Выпить-то он у меня любил, что греха таить. Ну ведь и Настя, говорят, тоже видела покойника. А она врать не будет.

— Не знаю, не знаю, что там кому померещилось. Только оживление мёртвых невозможно. Это противоречит законам природы, — категорично заявил учитель.

— Вот вы, учёные, всё не верите в Бога, поэтому и творится на белом свете невесть что. От этого и все беды...

— Клавдия Никитична, о каких бедах вы говорите? Где, какие беды происходят?

— Покойника видели — мало, что ли? — зашла сельская склочница.

— Да с чего вы взяли, что это был умерший Большаков? — не отступался Коноплин.

— Ну говорят же, Анастасия с Павлом видели! — подключились к разговору остальные, выражая явное раздражение в голосах.

— Ошиблись они! Такого не бывает! — с напором и возбуждением ответил учитель.

— Они оши-иблись?! А может вы ошиблись?! — продолжали шуметь женщины.

Коноплин махнул рукой и под негодующие возгласы в спину удалился.

На крыльце дома, где жил заядлый охотник Гусев — старинный приятель Коноплина, учитель отряхнул с обуви снег и вошёл в избу.

— О-о-о! Никак охотники появились. — встретил его бодрым голосом хозяин, — Ну что, Семёныч, как охота сегодня? Взял кого-нибудь?

— А! — отмахнулся Коноплин, — Ничего. Всё впустую.

Он хотел ещё что-то сказать, но Гусев его перебил:

— А ты куда ходил-то?

— Далеко не получилось. Рабочий день сегодня. Вон к селякам. Думал зайчишку подстрелить...

— Вот те на! — опять перебил учителя Гусев. — Это у кладбища, что ли?

— У кладбища, — с расстройством ответил Коноплин.

— Там, говорят, нынче покойного Большака видели.

— Н-да? — тревожно процедил учитель.

— А ты что? Ничего не слышал?

— Нет, ничего, — однозначно обрубил Коноплин.

— Да ты что! Говорят, покойного свояк его Пашка вместе со своей женой видал. Настасья чуть с ума не сошла. Голосила так, что всю улицу кладбищенскую подняла, перепугала всех до смерти.

Коноплин задумался, глядя в пол, как бы что-то вспоминая, и всё так же однозначно ответил:

— Нет, ничего не слышал. — И тут же перешёл к делу: — Спасибо тебе, Пётр Матвейч, за халат. Хорошая штука. Но, видишь, не помогла.

Учитель положил на большой сундук холщёвую сумку с маскировочным белым халатом и стал прощаться.

— Если понадобится ещё — заходи, Семёныч, не стесняйся, — провожал радушный хозяин Коноплина. — Всегда пожалуйста.

Проходя мимо дома Ананьевых, учитель Коноплин остановился и в раздумьях закурил. Было видно, что он порывается что-то сделать, но никак не решится. Так он промаялся какое-то время и вдруг торопливой походкой направился обратно в сторону центральной сельской площади.

«Какая стыдоба, — думал он. — Сейчас в школе узнают — засмеют. Да только ли в школе? Всё село будет потешаться, приклеят какое-нибудь позорное прозвище, с которым будешь до конца дней жить».

Коноплин живо представил, как до красноты на щеках будут давиться от смеха молоденькие учительницы. И уже почувствовал, как за спиной шушукаются и хихикают ученики, когда он будет писать мелом на доске. В магазин не сходишь — будешь предметом для насмешек и скрытых, и явных. А уж на охоте мужики будут поминать бесконечно. Ещё бы — такая интересная охотничья байка...

«Вот ещё дёрнуло меня отозваться! Лежал бы себе и лежал, — сокрушался Коноплин. — Теперь всё равно догадаются, даже если не признаешься. Ох уж эти местные бестии!»

Николай Семёнович тут же вспомнил, как подозрительно на него смотрел Гусев, когда он отказался признать факт своей осведомлённости о случившемся. Хотя до этого сам рассказал, что ночью был возле сеялок у кладбища. Такой дурной крик не только живые, все покойные слышали.

«Да уж! Шила в мешке не утаишь. Надо как-то выходить из этой ситуации, — продолжал размышлять сельский математик. — Ещё не известно, что Павел с Анастасией скажут, как узнают. Может, и на порог не пустят!»

Тут он остановился, чтобы прикурить очередную папиросу:

«А! — махнул Коноплин рукой, бросая обгорелую спичку в сне. — Всё равно: семь бед — один ответ!»

На ум ему ничего особенного не пришло, и учитель, топая по промёрзшим ступеням, чтобы сбить с обуви налипший снег, взошёл на крыльцо магазина.

За прилавком стояла улыбчивая статная продавщица. Коноплин торопливо ответил на приветствие.

— Мой Аркашка опять двойку получил. Никак не осилит он эту математику. Не знаю, что с ним и делать, — завела разговор женщина.

— Не переживайте, Анна Гавриловна. Он у вас парень способный, только ветер в голове у него. Сложный возраст наступил. Не о математике думает. Небось, по вечерам и дома-то не бывает?

— Не знаю, что и делать с ним. Уж и ругала его, и стыдила, а толку нет.

— А вы не ругайте. Это не поможет. Придёт время — исправится.

— Уж вы, Николай Семёнович, повлияйте на него. Построже с ним. Он вас боится.

— Что-то меня в последнее время часто стали бояться, — как бы про себя произнёс Коноплин и тут же добавил: — Он у вас с понятием. Сам разберётся, а я прослежу.

— Вот и спасибо вам, — с искренней признательностью приложила руку к груди продавщица.

— Вы мне, Анна Гавриловна, продайте-ка бутылочку беленькой, да килограмм конфеток подороже. А ещё колбаски копчёной и полкило халвы...

В сумраке сеней Коноплин постучал в обитую ватином дверь. Не дождавшись ответа, вошёл в дом.

Его встретил тяжёлый взгляд Ананьева. Учитель кивнул и остановился у порога. Не решаясь сдвинуться с места, он шаркал большими ботинками. Из оттопыренного кармана драпового пальто торчало горлышко бутылки, а в руках шуршала серая бумага огромных пакетов. Коноплин молча стянул с седеющей головы ондатровую шапку, виновато вздохнул и опустил глаза. Павел, пытливо глядя на необычного гостя, вдруг спохватился:

— Семёныч! Так это ты, что ль?.. Ты, что ль, у кладбищ был?

Коноплин утвердительно кивнул, поджимая губы.

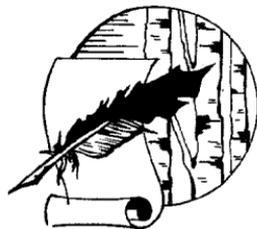
Павел отвернулся в сторону и громко хлопнул ладонью себе по лбу. Потом посмотрел на Николая Семёновича и глухо, хрипло засмеялся. Его сдержанный поначалу смех перешёл в неудержимый хохот.

Из передней комнаты выглянула зарёванная хозяйка. Женщина в недоумении хотела спросить что-то, но при взгляде на опущенную голову Коноплина, обвешанного подарками, её лицо озарилось догадкой.

Анастасия бессильно села на стул и закрылась ладонями, пряча мокрые от слёз глаза. Через мгновенье, размазав по щекам мокроту, она уже от души смеялась.

Николай Семёнович по-прежнему стоял у порога с подарками в руках. Наконец, он перевёл дух и счастливо заулыбался.

г. Ульяновск

Борис ОРЛОВ

СРЕДСТВО ДЛЯ ЖИЗНИ

* * *

Мороз в заливе отутюжил рябь —
Залив похож на каменную площадь.
Листву с деревьев ощипал ноябрь,
Пройдя, как лось, по выстуженной роще.

Охрипли песни сонных петухов,
В пустых полях длиннее расстоянья.
Снег и мороз очистят от грехов
Мне душу, распахнув для покаянья.

* * *

Свобода, равенство, братство...

Смердят войной обугленные степи,
По Украине шествует беда.
Свободы нет... Остался только пепел,
Им ветер засыпает города.

Крест на броне — иудина награда
Партнеров, что скупили чернозем.
А братства нет — поднялся брат на брата,
Брат брата щедро потчует огнем.

И тем, и тем диктует долг солдатский
Достойно — под присягой! — умереть.
Где равенство? Лежат в могиле братской.
Всех — под гребенку уравнила смерть.

* * *

Тебе не устоять на лобном месте,
Венец рогатый отражают воды.
Зачем ты подожгла людей в Одессе,
Метнувши факел, статуя свободы?

Дома в Донецке превратились в камни,
Высотки — для стрельбы ориентир.
Свобода сатанинскими рогами
В пещерный хаос загоняет мир.

* * *

Говорят, что Бог шельму метит.
Шрамы — затеси на судьбе.
Заблудившийся в Интернете
Потерял дорогу к себе.

День не греет, а ночь не светит...
Превращается школа в тир.
Заблудившихся в Интернете
Убивает реальный мир.

ПОПСА

Им без памяти и веры —
Или пряник, или плеть.
Деньги вертят их, как ветры,
Так, что лиц не рассмотреть.

Хам — в наколках, дура — в перьях,
Лезут и в бардель, и в храм.
Кто раскручен, тот пропеллер —
Он подвластен всем ветрам.

* * *

То шумит вокзал, то пристань
Топит в озере теплынь.
Покупают футболистов,
Как на торжище рабынь.

Что за люди?! Что за время?!
В мире рушатся миры.
Как наложниц для гарема,
Покупают для игры.

То ли будет! Будет то ли...
Стал товаром человек.
Подлый век работаровли —
XXI чёрный век.

* * *

Из-за угла мешком ударят пыльным —
И ты увязнешь сам с собой в борьбе.
Нет ничего сильнее и субъективней,
Чем страх, который прячется в тебе.

Когда уйдет надежда, словно праздник,
Погаснут просветления огни.
Нет ничего тревожней и опасней
Чем страх, который трудно объяснить.

Пришла пора закручиванья гаек.
Власть — мачеха, а не родная мать.
Сильней, чем сам себя не испугаешь,
Тебя никто не в силах испугать.

* * *

Всюду прозвища да клички...
По верхам все, а верхи —
Или вредные привычки,
Или смертные грехи.

Где же мир живой? Все в мире
Виртуальном... Вольным воля?
Нет ни отчеств, ни фамилий...
Люди — перекасти-поле.

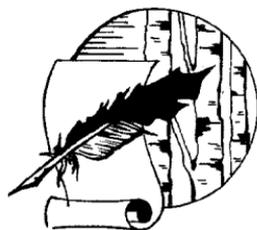
* * *

Солнце. Начало апреля.
Игры подвальных котят.
В город скворцы прилетели —
В парке на ветках сидят.

В почках топорщится зелень,
Чайки освоили пруд.
В город скворцы прилетели —
Скоро сады зацветут.

Льются из форточек песни —
Сердцу надежда дана.
Прочь отступают болезни:
Средство для жизни — весна.

г. Санкт-Петербург

Лариса ЖЕЛЕНИС

УЛИЦА К ДОМУ

О МОЁМ ДЕТСТВЕ

Мне не вспомнить теперь,
как плывут облака над Донбассом,
как волнуется ветер весенний, лаская листву
в том дворе, где асфальт
белым мелом расчерчен на классы,
в том дворе, в той стране,
где давно я уже не живу.
Но причудлива память,
и вновь пятилетней девчонкой
раскопает в песке,
там, под стёклышком, хрупкий секрет:
побегу, малышня, в детский садик
за мамой вдогонку,
а отец во дворе
поправлять будет велосипед.
Это детство моё,
мой товарищ по садику Вовка —
зеленеют коленки, кузнечиком скачет за мной,
к тёте Маше спешим,
где из крана шипит газировка.
Где-то жгут старый мусор,
и вовсе не пахнет войной...

КУПОЛА НА РУСИ

В детстве пели: нет неба, чем наше, синее!
Но чернеют от горя, как встарь, купола —
сшиблись братья-славяне: кто в мире сильнее?
и меж ними легли Куликовы поля.

В небеса поднялась за плечом у солдата
колоколенка белая в ясной дали,
будто ангел крылом осеняет, что святы
те просторы, где предки в могилы легли...

Наша вера наверх купола возносила,
собирала для праведной битвы полки.
Преподобного Сергия светом и силой,
и молитвами воины были крепки.

Победим! И вражду, что посеяна подлю,
одолеем, коль чёрная жатва пришла.
На Руси купола вдохновляют на подвиг
и зовут на свою высоту купола.

ВЕРУЮ

В чёрные дни, и в дни серые,
и у судьбы на краю
верую, Господи, верую
в мудрую силу твою!
Сталь проверяется битвами —
жизнь могут беды крушить...
Но прорастают молитвами
нежные всходы души.

* * *

Поэты рождаются грозами,
в ночи освещая пути,
поэты рождаются росами —
по травам, по свежим, пройти,

пройти километрами, ритмами,
кричать и шептать наугад,
любя, вековыми молитвами
творить исцеляющий сад.

А после уходят, усталые,
куда-то за окоём,
за ниточкой тающей, алой,
куда все когда-то уйдём.

* * *

Да будет холодеющее небо
и клин, летящий в дальние края!
И хрупкая, таинственная нега
снегов грядущих — тех, где ты и я...

Украсим щедрым золотом осенним
свои пути-дороги и слова!
Смотри, кораблики листвы последней
уже благословляет синева...

* * *

Облако-яблоко,
облако нежное,
позолочёны края...

Солнце осеннее —
ласка небрежная,
грустная ласка твоя...

Катится, катится
спелое яблоко,
катится в царство зимы,

чтобы в мороз
на небесной, на яблоньке
солнце увидели мы...

* * *

Просите у небес!..
Просите,
достигнув Стикса страшных вод...
Является тогда Спаситель
и крепко за руку берёт.
Вновь глыбы мрака исчезают,
вновь лики смерти далеки,
а звёзды нежными глазами
глядят из-под Его руки.
Его дыханьем веет ветер.
Он — в разговорах соловья.
Он — в лучшей музыке на свете,
что знала, да забыла я,

что волжскою волною шепчет
или в лесу шумит сосной...
И день мой расправляет плечи,
и жизнь моя опять со мной!

* * *

Есть вечерняя улица к дому
вдоль летящего шума шоссе.
А душа всё бредёт невесомо
к тихим звёздам по млечной росе...
И в неоновую бесконечность
убегают огни фонарей,
как мои, устремлённые в вечность,
отражения прожитых дней.

* * *

Я видела, как первый в жизни раз
пытается подняться в небо чайка —
расставив крылья, будто напоказ,
бежит и спотыкается отчаянно,

и в стороны мотает так её,
как старую горбатую пьянчужку.
Рывками, словно на ветру бельё,
мелькают крылья у смешной пичужки!

И думала я, радостью дыша,
что не напрасны будут все усилия,
когда взлететь пытается душа,
почувя развернувшиеся крылья!

г. Ярославль

ГРЕХОСТОЯНИЕ ИЛИ ЖИЗНЬ

Так, если правда обо всём сущем живёт у нас в душе, а сама душа бессмертна, то не следует ли нам смело пускаться в поиски и припоминать то, что мы сейчас не знаем, то есть не помним?

А.Ф. Лосев. «Платон. Аристотель»

В 1998 году ушли друг за другом три русских гения великой советской культуры: 6 января — Георгий Васильевич Свиридов, 21 марта — Галина Сергеевна Уланова и через десять месяцев — Валерий Александрович Гаврилин. Подобное культурное землетрясение последний раз было в 1910-м, когда ушли Толстой и Врубель. И если после Улановой оставались ещё её великие ученики, если творили ещё все трое Лиепа, если благодаря гению Григоровича ещё блистали Бессмертнова и Лавровский, если жива ещё была в Питере Вагановская школа, явившая миру чудо одухотворённого Русского балета, если на сцене Кировского театра ещё творили Алла Осипенко, Галина Мезенцева, Фарух Рузиматов и Юлия Махалина, то с уходом всей этой плеяды

ВЕЛИКИЕ ИМЕНА

балет постигла та же участь, что и весь театр, всё музыкальное классическое искусство, литературу, поэзию, живопись, архитектуру, эстраду времён «перестройки», то есть эпохи социального дарвинизма. Каким-то непостижимым чудом больше всех продержался кинематограф. Здесь даже позорный V съезд кинематографистов не помог пятой колонне. Если имена наших выдающихся кинорежиссёров знает весь мир, то имена документалистов-подвижников мы снова забываем: Карпов, Шиллер, Лизнёв, Гуркаленко, Матвеева, Дёмин, Тимошенко. Лучшие их работы известны благодаря трудам продюсера Александра Михайловича Гундорова. Честь им и хвала! Какие потрясающие композиторы работали тогда в кино: Левитин, Овчинников, Шнитке, Артемьев, Тищенко, Буцко, Пахмутова, Дашкевич, Таривердиев, Канчели, Шварц, Петров, Чекалов и, конечно, Олег Николаевич Каравайчук... Какая великая плеяда!

Роковой для Отечественной культуры 1998-й был ещё и годом 100-летия МХАТа. Последние корифеи уходящей эпохи благодаря сценарию Александра Феклистова и Дмитрия Брусникина были увековечены в юбилейной 10-серийной экранизации редких чеховских повестей и рассказов. Увы, там уже не было никем незаменимой Татьяны Васильевны Дорониной... Сугубая благодарность авторам за гениально-го Андрея Панина и незабвенную Елену Майорову. Последнюю свою великую роль в том же 98-м она сыграла в экранизации до сих пор недооценённого романа Николая Семеновича Лескова «На ножах». Недооценённого ещё и потому, что является предтечей «Бесов» Достоевского... И дело не только в датах: «На ножах» — 1870 год, «Бесы» — 1872-й, а в существовании образа Гарданова, то есть прообраза будущего Ставрогина.

Никто в год 25-летия их ухода от нас не вспомнил ни о Свиридове, ни об Улановой, ни о Гаврилине. Никто в честь уже 125-летия МХАТа не повторил тот замечательный фильм. И не потому, что МХАТа давно уже нет, а потому что есть Хабенский и Бузова. Да и зачем сегодня вспоминать? Надо «масштабировать конкурентоспособность» и углубить искусственный интеллект! Предваряя гробовое молчание министерства «нашей» «культуры» о предстоящем воистину звездопаде памятных для Русского мира дат 2023 года считая своим долгом напомнить предельно кратко лишь несколько имён: преподобный Андрей Рублёв, Державин, Крылов, Л.Н. Толстой, Тургенев, Тютчев, Языков, Аксаков, Апухтин, Островский, Ильин! Кутузов, Скобелев, Рокоссовский! Рахманинов, Прокофьев! Заболоцкий, Кузнецов, Паламар-

чук, Ямщиков! Юбилеи, слава Богу, здравствующих и дорогих каждому русскому сердцу Александра Андреевича Проханова и Станислава Андреевича Любшина! Чайковский! 5 марта — 70-летие убийства Иосифа Виссарионовича Сталина. Впрочем, двух последних они не забудут. Их ждёт та же участь, что Пушкина, Есенина, Вертинского и Шалапина. Чайковского и Сталина, оклеветанных ими, они не забудут. В такой «проект» Швыдкой миллиарды вложит. И, судя по развитию событий, Чайковского будет играть Киркоров, а Надежду Филаретовну фон Мекк — Ольга Бузова. Сталина, само собой разумеется, — Хабенский или Безруков. Нет, любезные читатели наши, такой культурной Хиросимы Россия ещё не знала. Даже в хрущевской слякоти, даже при Горбачёве-Ельцине такого не было.

В культуре, как в космосе человеческого организма всё взаимосвязано. Когда в Москве уничтожали единственный Русский театр Татьяны Васильевны Дорониной, а её, гениальную актрису и великого русского человека, отправляли в дом престарелых, почва уже была распахана и унавожена. Авторы этого воистину трагического акта теперь в главных патриотах ходят. Одному из них в благодарность за содеянное свой театр подарили в центре Москвы. Адольф Алоизович сжигал книги, а они сожгли декорации, чтобы спектакли Дорониной никогда не были восстановлены.

Этот апофеоз антикультурной революции, как и наши с вами судьбы, был предсказан ещё в 1872 году английским утопистом С. Батлером в романе «Эревуон», в котором процветают «музыкальные банки» и «институты неразумия», в коих высшей учёной степенью является «степень гипотетических наук». Технический прогресс представлен в романе Батлера как *атрофия способностей человека*, что мы и переживаем в ЭРЭФ. Подобные предвестия мы также находим в романе Д. Конрада «В пурпурной мгле», изданном в Германии в 1895 году. В нём описывается человечество ХХХ века, где в результате бесчисленных мировых войн «в самом центре запущенного сада культуры вырастает гигантский кактус»... Сегодня те немногие русские люди, что причастны к подлинной культуре, творящие её вопреки всему, либо заколоты, либо ранены этим гигантским кактусом, которого ежедневно заботливо поливает наша V-VI колонна. Впрочем, кактус этот источает такое зловоние, что от его паров есть уже отравленные... Россия, как великий Богатырь, сидит на огромном, почти неподвижном коне перед камнем, на котором начертано всё то же: «Направо пойдёшь...». «Так велика была его беда, что дать ему спасенье можно было лишь зрелищем

погибших навсегда» (Данте, «Божественная комедия», перевод М.Л. Лозинского).

Вспомним Илью Ильича Обломова. Не Андрею Ивановичу Штольцу, а нам с вами сказал он: «Все думают о том, как жить, и никто — зачем».

В истории мировой науки иногда случались феномены одного и того же открытия, совершённого на разных краях земли. Едва ли не подобно этому в разных городах России в одно и то же время два замечательных русских человека создали параллельно друг другу 1-ю главу программы будущего построения России — Сергей Владимирович Тимченко («Русский протокол») и Андрей Витальевич Сошенко («Русский Манифест»). Конечно, все нормальные люди хотят этого здесь и сейчас, но в том-то и дело, что без восстановления и приумножения Империи это невозможно. Значит, только после Победы. Комфорт, порождающий всеобщую нелюбовь, это и есть упорное **грехостояние**, которое погубит всех.

За много лет до Войны Алексей Валерьевич Артемьев писал: «Каждое царство вело свои войны. В последнем царстве будет идти и уже идёт война за души людей. Давно стал привычным термин «информационная война». Какова должна быть тактика и стратегия этой войны? Какое главное оружие против информационных атак? — **Образ**. Только образ можно любить. Любовь — это броня, которую не пробивает ни одна информационная пушка. Вера, Надежда, Любовь. И Любовь из них — бóльшая. А местом обитания этих трех сестёр испокон века была Россия». Если мы вспомним об этом, мантры о спасении экономикой, нефтью и газом исчезнут «яко исчезает дым»! И мы наконец-то поймём, что были и должны до Второго Пришествия оставаться **духовным колодецем человечества**. Любовь царствовала в нашем народе с 1939 по 1953 годы. В голодном 46-м, в полной разрухе уничтоженных гитлеровцами городов и сёл, 14% бюджета Сталин тратил на образование!!!

А ещё нам необходим полный и безоговорочный отказ от внедренной в 2003 году болонской системы и от дегенеративного ЕГЭ. Процент здоровых детей к окончанию школы исчисляется единицей. Да, 1%. Если во время Войны директором главного музея страны назначается сотрудник еврейского центра толерантности, политтехнолог по образованию, что могут в таком музее увидеть школьники? Перформансы и инсталляции?! А ведь еще не сожгли (надеюсь!) завещание Третьякова, которое по всем юридическим законам должно действовать вечно. В нём выделен пункт: «Ни в коем случае не помещать в экспозицию экспериментальные, сомнитель-

ные вещи». Как тут не вспомнить один из «перлов» Швыдкого: «Музеи — кладбища культуры». Воистину «Свобода — гулящая девка». Вспомните, сколько веков до нашей эры существовало и процветало государство Спарта, упадок и гибель которого начался с открытия «железного занавеса». Спустя тысячелетия великий Советский Союз повторил судьбу Спарты. Если **будем помнить** — поймём, что у нас один путь — восстановить Империю, воссоединив прежде всего весь Православный мир и закрыться хотя бы лет на 10, пока люди снова не обретут **почву — родную культуру**. Это и будет нашей окончательной Победой на всех фронтах сегодня и завтра. Только такая Победа и разрушит немое грехостояние. Тогда мы снова научимся отделять зёрна от плевел. И снова будет на Родине Царство трёх сестёр — Веры, Надежды, Любви.

«Кто живёт без гнева и печали, тот не любит Отчизны своей!» (Н.А. Некрасов).

Христос Воскресе!

Январь 2023 г.

Владимир ЧИВИЛИХИН
(1928 — 1984)

К 95-летию со дня рождения

КУЛИКОВО ПОЛЕ

Глава из книги «Память»

Прозрачный весенний день — весь как утро! Он совсем не похож на тот сумеречный дождливый полдень 1947 года, когда мне впервые довелось увидеть Куликово поле. Той осенью приехал я работать на станцию Узловая, и в одно из воскресений мы с товарищем, обладателем трофейного мотоцикла, собрались на рыбалку в донское верховье. Тихий Дон начинался в десятке верст от Узловой, из Иван-озера, но мы поехали на юг. Помню такие же, как сейчас, черные терриконики в черной распаханной степи, женщин, вручную выбирающих свеклу из холодной, сырой земли, искаленных, безногих фронтовиков у богородицкой чайной, длинную очередь перед крохотным магазинчиком в Елифани... Память о недавней большой и тяжелой войне жила тогда в каждом из нас и в каждом клочке этой земли, заслоняла всё остальное...

Ничего мы не поймали на даровой прокорм, зато завернули на Куликово поле. Товарищ мой был постарше, прошел войну, и, когда мы остановились у гигантской чугунной колонны, он сказал:

ЛАРЕЦ

— Знаешь, местные говорят, что как раз через этот холм проходил фронт. Смотри, окопы и воронки еще не все запаханы!

Величественный чугунный памятник на Красном холме. На барельефах с победоносным Георгием и многоярусной колонне вроде не было ни скола, ни царапины.

— Как могло это получиться? — спросил я. — Колонна уцелела!

— Тоже удивляюсь... Сотни тонн фигурного полого чугуна, высота сажен пятнадцать, диаметр внизу метра три. Местные говорят, будто она во время обстрелов ходила по полю... Красивая сказка! И отсюда он побежал, как Мамай когда-то. Подумать только — более полтыщи лет, а разницы вроде никакой! Даже конец один — что у Мамаея, что у Гитлера. И еще, знаешь, какое-то непонятное совпадение — с этого кургана Мамай побежал, а Гитлер в Сталинграде споткнулся о Мамаев курган и, как отсюда, тоже попятился до самого Берлина. Не знаешь, почему тот сталинградский курган так назван?

Полуразрушенный храм с худыми верхами и пустыми оконными проемами стоял неподалеку от колонны, и я не знал тогда, что это была последняя церковь, построенная на Руси. Храм во имя Сергия Радонежского освятили в 1918 году, а проектировал его знаменитый архитектор А.В. Шусев.

И вот через тридцать три года я снова на Куликовом поле. [...] Огромная гора камня и щебня высится близ Красного холма, и хорошо, что мы ее застали еще не рассыпанной по дорожкам и подъездам — такой точки обзора уже никогда здесь не будет!

Глазу и душе просторно перед Куликовым полем, нашей национальной святыней. Поблескивает справа Дон, впереди, в низине, угадывается Непрядва. Там, перед нею, встала утром 8 сентября 1380 года живая стена, и Мамаевой орде нельзя было ни проскакать сквозь нее, ни обойти через речные струи да куликовые болотца стороной. Остатки дубовой рощи справа — из этого заовраженного леса ринулся на врага Засадный полк, решивший всё в средневековой русской и мировой истории, сторицей отомстивший за товарищей, погибших на его омертвевших от ужаса и ненависти глазах... [...]

Колонна в честь Дмитрия Донского обновилась! Она очищена от патины и вековой затвердевшей пыли, ровно зачернена стойким красителем, позлащён ее верх, восстановлены надписи. Тульские мастера отлили новые граничные тумбы, предусмотренные стародавним проектом Александ-

ра Павловича Брюллова. От монумента трудно оторвать взгляд — так этот памятник величествен и гармоничен. Со всей округи, оказывается, приезжают сюда молодые пары перед свадьбами. Хорошо!

И храм Сергия Радонежского не узнать! Ни жутких ребер каркаса куполов, ни провалов, ни пустых глазниц в стенах. Над левым круглым приделом сооружено великолепное новое покрытие в виде шлема русского ратника — так замыслил в свое время сделать Щусев, но тогда власти ему этого не позволили. Прекрасно отреставрирован огромный собор в Монастырщине, где будет музей, приведены в порядок дороги, территория всего Красного холма...

Да стоит всё здесь века нескончаемые!

Жаль только, что мы, готовясь к 600-летию Куликовской битвы, не смогли создать панораму великого сражения, снять хороший исторический фильм и даже почему-то не решились освободить от запашки ту святую часть здешней земли, на которой насмерть стояли шесть веков назад наши предки. Это не было бы слишком большой потерей для сельского хозяйства района — пешее войско Дмитрия, стоявшее местами так плотно, что погибший не мог упасть, размещалось на нескольких — по нынешней мере — десятках гектаров перед Непрядвой. Их надо навечно заповедать! Пусть растет на них седой ковыль да конский щавель, выбрасывающий к осени красные семенники. А посреди *такого* поля Куликова, быть может, положить груды эпически огромных мечей, шлемов, щитов, секир и копий, сделанных из вороненой и нержавеющей стали, копирующих в десятикратном увеличении оружие подлинное, средневековое, чтоб можно было подойти к этому месту и снять шапку. Больше ничего не надо. [...]

Историческая память — животворная сила, устремленная в будущее. Она влечет нераскрытыми тайнами, полнится подробностями, глыбится в умах и сердцах великими свершениями предков, зовет быть достойными их!..

За народным войском Дмитрия Донского, победившим *такого* врага на святом жертвенном ристалище, стояла не только Русская земля с ее трудным и величественным прошлым, необозримым и трудным грядущим; за ним стояла вся разостлавшаяся вдруг от океана до океана Земля Знаемая, стояла сама История. [...]

Тысячелетиями для древних народов Евразии война, вытеснение иноплеменников с охотничьих территорий, а позже пастбищ и полей, насильственный захват рабов и добычи были естественными способами существования, нормой и образцом поведения. [...]

Тяжелый земледельческий и ремесленный труд, отнимая силы, постепенно охлаждал боевые страсти, прикреплял мужчин к сезонным и регулярным работам, к своим пашням, мастерским и семейным очагам, но из Азии, этого, по выражению Гоголя, «народовержущего вулкана», через Великую Степь еще много веков накатывали на Европу воинственные неземледельческие, не знающие постоянных городских и сельских поселений народы — скифы, сарматы, авары, гунны, печенеги, половцы, монголы, имевшие право быть в истории как все прочие. На тысячи лет проникала в глубь времен историческая память европейских народов, письменно фиксируя бесконечную череду больших грабительских войн, приходящих с востока. Прервать, остановить эту лавину выпало на долю русского народа в XIV веке — так распорядилась История.

Куликовская битва — военно-политическое столкновение огромной исторической значимости, отразившее назревающие социально-экономические процессы. Уклад и образ жизни, который на протяжении тысячелетий находил разрешение в захватнических набегах и нашествиях, опустошениях огромных территорий, военном грабеже и последующей непомерной эксплуатации покоренных народов, должен был уступить зарождавшейся прогрессивной тенденции общественно-хозяйственных отношений, соответствовавших качественно новому, более высокому уровню развития производительных сил, торговых сношений, социальной дифференциации и сопутствующим этнопсихологическим процессам, происходившим на Восточно-Европейской равнине; история поставила перед русским и другими народами, населявшими эту равнину, великую задачу по созданию сильного централизованного государства нового времени, и они с этой задачей блестяще справились.

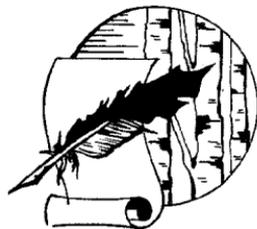
Старое, однако, никогда легко не уступало новому ни в большом, ни в малом. Через два года после Куликовской битвы золотоордынский хан Тохтамыш неожиданно привел на Русь семидесятитысячное войско, обманом взял Москву и уничтожил ее население. У Дмитрия не было ни времени, ни людских ресурсов, чтобы подготовиться и отразить нападение. И — снова тяжелая дань! Дмитрий Донской вынужден был платить в год семь тысяч рублей серебром, добавив однажды к этой огромной сумме десятитысячный взнос за тверского задолжавшего князя; представьте реки солёного пота, пролитые земледельцами и ремесленниками Московской Руси, чтоб наработать только один этот взнос... [...]

Позже Русь выдержала почти бесчисленные нападения большеордынских, казанских и крымских войск и грабительских отрядов Улуг-Мухаммеда, Мамутека, Седи-Ахмата, Мозовши, Мамутяка, Егупа и прочих. Отражая эти набеги, молодое Московское государство крепло экономически, расширялось территориально, развивало свою национальную культуру, становилось новой политической и государственной явью — **Россией**, а Золотая Орда, наследственный улус внука Темучина, сына Джучи, окончательно распадалась и слабела. При Ахмет-хане была предпринята последняя попытка вернуть прежнее силой оружия, однако она обернулась исторически неизбежным событием.

...Стою на современном мосту через Угру, неподалеку от Калуги, смотрю на широкую долину, распахнувшуюся по обе стороны быстрой речной струи. Ровно через сто лет после Куликовской битвы пришли сюда и встали на этих равнеликих, зеленых, гладких, как столешницы, пространствах два огромных войска. Вижу нечто символическое в том, что противостояние это сотворилось на старой Киевско-Московской дороге, и древняя столица как бы вручала здесь судьбу Руси новому стольному граду. Была символической и тревожная молчаливая недвижимость первого часа, за которой угадывался исторический неизбежный исход, и последующие победоносные сражения на бродах, и гром пищалей с русского берега, символически звучало имя почти никому сегодня не ведомого полководца, пришедшего сюда во главе русского войска, — Иван Младой...

Это было следствие Куликовской битвы — последняя немирная встреча грабительской Орды и молодой России... Освободительная Отечественная война 1612 года, беспримерная воинская и трудовая дружба народов нашей Родины в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 годов — всё это, как и многое другое из прошлого и настоящего, имеет корни в битве на Непрядве.

Слава полю Куликову!

**СТИХИ ЛАУРЕАТОВ
III ПОЭТИЧЕСКОГО КОНКУРСА
ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА
«УСЛЫШЬ, РОССИЯ, НАШИ ГОЛОСА»**

Владимир БОЯРИНОВ (гран-при)
(1948 — 2022)

Из Магомеда Гамзаева, перевод с аварского

ЗА ОКНОМ — АХИР ЗАМАН*

За окном — ахир заман
Смерть вселенскую пророчит,
И губительный обман
Людям головы морочит.

За окном — ахир заман,
И кругом царит разруха.
Застилает взгляд туман,
Меркнет свет людского духа.

За окном — ахир заман
Кличет беды и напасти.
Горе всходит на курган,
С глаз долой уходит счастье.

За окном — ахир заман,
И торговцы снова в храме.
Миром правит чистоган.
Что за ересь в этой драме?

*Ахир заман — приближение конца света.

За окном — ахир заман,
И творится злодеянье,
И утерян талисман
Для взаимопониманья.

За окном — ахир заман
Побивает души градом.
И не прошен, и не зван,
Дьявол бродит райским садом.

За окном — ахир заман.
Брошен мир на поруганье.
Всех мистический Тиран
Повергает в содроганье.

За окном — ахир заман.
Птицы огненные реют.
Наши страхи, как дурман,
На полях сомнений зреют.

* * *

С юности спеша,
Брел по городам.
Чувствует душа —
Стар не по годам.

Где-то рядом смерть,
И дороже нет
Тех, кто белый свет
Променял на твердь.

Тех, кто одинок,
Хочется обнять,
Радужный мирок
У себя отнять.

Нюхом иногда
Чувствую беду.
Позабыл — куда
И зачем иду.

С юности спеша,
Обошел весь свет.
И болит душа.
И просвета нет.

МАШУК

Ты помнишь вершину Машука,
Победный и радостный клич? —
Какая счастливая мука —
Заоблачной цели достичь!

Ты помнишь вершину Машука —
Безмолвно-холодную высь,
Пространство, лишённое звука,
Где наши дыханья слились?

Ты помнишь вершину Машука,
И снег, и сиянье вокруг,
Где смотрит Эльбрус, как на внука,
На виды выдавший Машук?

Ты помнишь вершину Машука,
Ты помнишь свои же слова:
«Над пропастью нет виадука,
И кругом идет голова?»

Пусть многое скрыла разлука,
Ты помнишь вершину Машука?

Нина ПОПОВА (1 место)

Из Тубхат Зургаловой, перевод с аварского

ПЕСНЬ СЕСТРЫ

Как же вы удивительны, женщины гор,
Эти мысли ко мне приходили не раз!..
И в смертельном бреду не услышат укор
Ваши братья, влюблённые в свет ваших глаз.

Если даже подняться сестре не дано,
Брат ступил на порог — поспешит угостить.
Хлеба нет? Перемелет в ладонях зерно.
Нет воды? Так слезой поспешит напоить.

Преподали вершины великий урок
Матерям, чтобы к дочкам потом перешёл,
Что мужчина в роду — это жизни исток,
Путь аварца-мужчины тернист и тяжёл.

Проживём, как нам прадедов опыт велит,
Жизнь свою — я и братья родные мои.
Слава Богу, есть те, о ком сердце болит.
Кто по праву достоин великой любви.

Не грустите, когда не приду навестить,
Я и сквозь расстояния чувствую вас.
Для меня быть обузою вам не в чести,
Хоть сестре тяжело без опоры подчас.

Я сегодня жива... Сроки жизни земной
Ограничены сроками вечных разлук.
Но любовь к милым братьям повсюду со мной,
Хоть и боль нестерпима порою от мук.

День настанет из бренного мира уйти,
«О, вы братья мои!» — жизни кончится срок.
Но в ладонях моих зёрна смогут найти,
А в кувшине — слезинок прощальный глоток.

ПОДЕЛОМ

Ещё мальчишкой, говорят,
В горах бродил с ночным привалом,
В тревоге бабушка твоя
Тебя бродягой называла.

Узнай она, что, словно тень,
Ты снова странствуешь по миру,
То, уж поверь мне, в тот же день
Толстенной палкой отходила.

Я любовалась бы, притом
И о крапиве бы мечтала!
Сказав с улыбкой — «Поделом!» —
Ведь русский бабушка не знала...

* * *

Подвластной тебе — не надейся! — не стану,
Будь даже ты мне предназначен судьбой.
Любовь твоя — слышишь! — подобна капкану,
Но даже в любви не бывать мне рабой.

Над миром лечу вдохновенной строкою,
Меня не привяжешь к богатству хором,
Один лишь Всевышний всевластной рукою
Владеет мечтою моей и пером.

Любовь предлагаешь в обмен за свободу?
Тубхат за свободу любовь не нужна!
Мою красоту опорочил ты сходу?
Моей красоте твоя ложь не страшна!

Спасибо за год, проведённый с тобою,
Улыбка погасла — я в том не корю...
Дочь ветра хотел приручить ты любовью?!
Но только свободу я боготворю!

Дина НЕМИРОВСКАЯ (1 место)
Из Анварбека Култаева, перевод с нагайского

КОГДА ПЬЮ ВОДУ АРТЕЗИАНА...

Когда взахлёб Артезиана воду
Вбираю полным ртом, легко, свободно,

В даль светлую меня уносят мысли,
Где молодая мама с коромыслом,

Набрав воды, идёт — стройна, красива —
Всем встречным удивление и диво.

Поставив вёдра у крыльца родного,
Свой двор окинет ясным взором снова —

Не влез ли кто чужой. А я люблюсь
И руки матери моей целую.

Прошли года. Теперь и сам немолод.
Но жжёт гортань Артезиана холод.

Последние слова и наставленья
От матери моей — мне вдохновенье.

Мне степь родная радостней и ближе,
Когда во сне виденье это вижу,

Наполненное величавым смыслом,
Где молодая мама с коромыслом.

Я, КУЛТАЕВ АНВАРБЕК...

Култаев Анвар-Бек,
Сын племени кыпчак
Времён Златой Орды,
Лечу я над Землёй.
Я соколом парю
Над степью в облаках,
Но по ночам Луна
Уносит мой покой.
Она твердит: «Пиши!
Народу часть души
Отдай! Стремись вперёд!
Не замедляй свой лёт!».
Не слушаю её...
Лишь ввысь — на риск и страх.
Страшусь — таланта вдруг
Лишит меня Аллах?
С песками, с ветром в спор
Стремлюсь я с давних пор.
Уверен — мой народ
Оценит и прочтёт
Творения мои.
Как горные ручьи
Они стремятся вниз.
Пишу — вот мой девиз!
Не мыслю без строки
Ни дня. Пусть нелегки
Поэзии труды.
До утренней звезды
Я не замедлю бег,
Култаев Анварбек!

МНЕ ДОРОГ БЕЛЫЙ СНЕГ

Белый снег под ногами звенит,
Сочный звон устремляя в зенит.

Сильный снег веселит молодой,
Загораясь снежинкой-звездой

На ладони моей и в душе.
Цепко держит меня он уже!

Где-то белый, как сахар, лежит,
Где-то чёрен от грязи... Ведь жизнь —

Это зебра — бела и черна.
Степь ногайская снегом полна!

Будет снег вспоминать и весной,
Степь, покрытая сочной травой,

Даже летом, в цветенье тепла
В душах снег не сгорает дотла!

И Эльбруса высокий приют
Часто все по снегам узнают.

Быть хочу чистым, светлым, как снег, —
Вот такой я в душе человек!

Александр КЕРДАН (2 место)
Из Марии Вагатовой, перевод с хантыйского

СЕРДЦЕ МАТЕРИ

В.И. Вагатовой

Как бы деревья шумели зеленой листвою,
Если б они не имели корней под собой?
Как бы цветы у подножья деревьев цвели,
Если бы не было вовсе земли?
Как бы узнали все люди, что Солнце взошло,
Если б оно не дарило свое нам тепло?
Да, никому никогда эту жизнь не начать —
Дверь в белый день не открыть,
если это не сделает Мать!
Сердце у Матери красного Солнца теплей,
Ну, а забота о детях — бескрайней дороги длинней...
Сыщется ль в мире любви материнской цена?
Честь бескорыстна, которая жизни равна.
Строгая совесть, которая ласки нежней.
Вечная песня, которая смерти сильней!

МУЖЧИНА ПРОЕХАЛ

Жизнь — дорога через тундру.
Хорошо бегут олени!
А возница сам походит
На оленя-вожака...
И несется вдаль упряжка
Вдоль урманов и селений,
И сидение на нарте
Сплетено из ивняка.
Бьют бубенчики игриво,
Каждый шаг встречая звоном.
И, как мох, черны возницы
И усы, и борода...
Мчит упряжка через годы —
После долгих перегонов,
Словно снежный ком на ели,
Станет голова седа.
Три стремительных оленя
Вдаль несут упряжку эту,
Чтоб потом, когда сомкнется
Вслед за ними окоем:
— Как красиво жил мужчина,
Как проехал он по свету
На своей счастливой нарте... —
Говорили бы о нём.

НЕ МЕНЯЙ РУКУ ДРУГА

Теплый ветер гладит щеки,
Иль кусает их пурга...
В дружбе будь всегда высоким,
Если дружба дорога.

Повстречаешься с бедою,
Или радость в дом войдет...
В дружбе будь всегда собою,
И она не подведет.

Вдруг дыханью станет тесно,
Будет в рытвинах твой путь...
В дружбе ты открытым, честным,
Настоящим другом будь!

Пусть несутся дни по кругу,
Пусть меняет облик жизнь...
Крепко взяв за руку друга,
За нее всегда держись!

Александр ПРЯЖНИКОВ (2 место)
Из Аскера Додуева, перевод с балкарского

ПРОСЬБА

Свой тяжкий груз
Я сам в горах ношу,
А потому
Всевышнего прошу:
Не надо возвращать
Меня к своим,
Я пропастью бездонной
Стану им.

По бездорожью
Я всегда иду,
И раздаю
То радость, то беду.
А для тебя
То нет меня нигде,
То появлюсь
На время в суете.

Что встречу дальше?
Дайте мне ответ.
Не предлагайте счастья —
Счастья нет.
И я здесь лишний,
И уйду за край,
Но то, что взял с собой —
Не забирай.

Душа покоя просит —
Не дано
Принять ей,
Что давно предрешено.
И прежними останутся,

Пускай,
И эта жизнь,
И этот чудный край.

Лишь кровь моя
Пусть греет землю ту,
За то, что я по ней
Опять бреду.
Я счастлив тем,
Что мне досталась роль
С собою унести
Чужую боль.

Под тяжким грузом
Я в горах иду,
И раздаю
То радость, то беду.
Не стоит возвращать
Меня к своим:
Я гибельной тесниной
Стану им.
Но только дай мне
Силы на пути
С собой все эти беды
Унести.

* * *

Не разгибая спин, не покладая рук
Трудись — на это воля Высшая была.
Известно: чем сильнее согнется крепкий лук,
Тем дальше и верней летит стрела.

КАМЕНЬ И ТРАВА

Упал на землю камень со скалы,
Как срубленная кем-то голова.
Теперь в ложине острые углы
Ему ласкает нежная трава.

Трава не знает, кем тот камень был,
Как проводил бесчисленные дни,
И почему лежит теперь без сил,
Без цели и без каменной родни.

А прежде ледяному ветру брат
И проливным дождям был камень тот,
Поверил, что стал легче во стократ,
И ринулся в единственный полет.

Он падал вниз, но прежде, чем затих,
Не ведая о том, кто впереди,
Своих, не замечая и чужих,
Всех разметал без счета на пути.

Но здесь, в ложине, знать не суждено,
Какой дорогой к ним пришел сосед,
С кем он боролся, с кем был заодно,
И осуждать его — причины нет..

Трава ласкает друга своего,
Траве о прошлом думать нет нужды,
Так с тем, о ком не знаем ничего,
У нас не будет никакой вражды.

Денис ТКАЧУК (3 место)

Из Анны Гасиевой, перевод с осетинского

* * *

Война завершилась, и город ничьи
не слушает стоны, как раньше;
днём окна домов — ловят солнца лучи,
а в ночь — как открытые раны.

Спина мостовой зажила, наконец,
и пули её не терзают,
во сне задыхается чей-то отец —
и крик тишину разрезает.

Хоть времени сходит тяжёлый отёк,
прошли и поминки, и слёзы —
семейный альбом достаёт паренёк —
увидеть до боли похожих.

Пусть отгрохотали лавины боёв —
руками в кровавых чернилах
скорбящая женщина хлеб печёт вновь.
Скажи мне — война завершилась?..

* * *

За что будет стыдно? За то, что моя
любовь будет камнем на шее,
за то, что я не поддержу вас, друзья,
прогнусь перед тем, кто сильнее,

за то, что я слухи вокруг раззвоню,
узнав невесёлые вести,
за то, что я в Бога вдруг верить начну
под страхом божественной мести,

за то, что куплюсь на дешёвую лесть
и не пресеку униженья,
в унынье впаду, уронив свою честь,
нахмурюсь над чьим-то везеньем,

за то, что врагу не подам на краю
во имя спасения руку,
за то, что я в бедности хлеб утаю
и в дом впущу сплетней гадюку,

когда я обиду навек затаю,
когда меня силы покинут,
когда перепачкаю душу свою
и стану своим псевдонимом.

Татьяна ЧЕСКИДОВА (3 место)
Из Валерия Цариева, перевод с осетинского

ЗЕЛЁНЫЙ ВАЛУН (СОНЕТ)

Ущелье гор. Валун зеленобокий,
Сполна познавший тяготы времён.
На пике скал когда-то правил он,
Теперь к реке низвергнут — одинокий.

Нещадно, то палим на солнцепёке,
То в тьму студёных ливней облачён.
Он прошлым в дар нещадно испещрён,
Суров, тревожен взор его глубокий.

Казалось, нет печальнее судьбы.
Но вдруг на нём цветок расцвёл мечтою,
Красней зари, таинственной звезды.

И дрогнул лёд души пред красотой,
Сползла по шрамам капелька воды —
Так сердце камня таяло слезою.

* * *

Летят по небу птицы на юга —
В дали мельчает бусин вереница.
Над ними — белой шерстью облака,
Под ними осень грустью золотится.

Полёт их волен, полон красоты,
А путь суров — иным уж невозвратен.
Но струны крыльев сталью налиты,
И к тяготам судьбы не привыкать им.

Под сенью материнского крыла
Летят птенцы — игривы и проворны,
Испытывают крепость ремесла,
С попутным ветром меряясь упорно.

А в глубине их крохотных сердец
Огромная любовь великой птицы.
Под синью неизведанных небес
Им свет родной лазури будет сниться.

Но час пробьёт, и вновь придёт весна,
Вернутся птицы на свои просторы.
И разродится трелью тишина,
И зазвонят весельем песен горы.

А если вдруг назад не прилетят,
(Не дай Господь такому приключиться)
И души гнёзд навечно замолчат,
И радость жизни в них не поступится,

И если трель в округе не слышна,
Наш сад в немом унынии зачахнет.
И если не настанет вдруг весна,
Тогда и наших сил родник иссякнет.

* * *

Та ночь была нежна и безмятежна,
Вблизи родник незримо щебетал.
С дерев свисали звёзды, как черешня,
Во мгле тонула мощь высоких скал.

Чуть слышно пели лёгким ветром дали,
Вокруг меня кружились светляки.
А ночь украдкой сеяла печали,
А ночь пускала памяти ростки.

Вдали вдруг света вспыхнули лучинки,
Казалось, как и прежде, не спеша
Копает грядку в свете керосинки
Отец — трудолюбивая душа.

И сердце затряслось, затрепетало,
Бежал на свет я с рвением юнца,
А небо звёздной кистью рисовало
Мне яркий образ моего отца...

Стекло луной лучилось, и бледнела
В земле лопаты старой рукоять.
Стоял и молча на него смотрел я,
А сердцу — слёз и боли не унять.

Евгений ЕВТУШЕНКО,
историк, педагог, Красноярск

О НАЦИОНАЛИЗМЕ И ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМЕ

Известно, что одним из догматов коммунистической идеологии был «пролетарский интернационализм», который вытекал из идеологии марксизма, где на первом месте были классы, а нации уже потом, поскольку после мировой революции все народы на планете должны были слиться в одну «братскую» космополитическую семью.

Знаменитое ленинское «право наций на самоопределение» (1922 г.) вытекало отнюдь не из стремления защитить малые народы, а из установки на будущую мировую революцию. Предполагалось, что европейские и азиатские народы, свергая своих капиталистов, смогут добровольно присоединиться к такому «союзу равных». А вот войти в состав централизованного Российского государства, которое предлагал Сталин (по плану автономизации), эти страны вряд ли пожелают.

Одним из результатов этой «интернациональной» политики стала троцкистская компания по коренизации национальных окраин (1923 г.). Это было целенаправленным ударом по «русскому шовинизму». На первом этапе коренизации планировалось почистить

РУССКИЙ МИР

русские кадры в местном управлении и заменить русский язык национальными языками в администрациях, школах и учреждениях культуры. Например, на Украине эта программа получила название украинизации. (Нам это ничего не напоминает?) Все служащие госучреждений до 1 января 1926 г. должны были выучить украинский язык под угрозой увольнения с работы. Решено было украинизировать газеты, книжные издательства, театры, вывески, надписи и прочее. Это к вопросу о преемственности космополитических «элит» на Украине (и не только).

Войдя в силу в 30-е гг., Сталин начал проводить противоположную национальную политику. Антирусский перекокс 20-х гг. был преодолён, программа коренизации, в основном, свёрнута, нападки на «русский шовинизм» прекратились. В идеологии стала вырисовываться концепция «Старшего Брата». Сталин так обозначил свою позицию: «Нужно развивать идеи сочетания здорового, правильно понятого национализма с пролетарским интернационализмом. Пролетарский интернационализм должен опираться на этот национализм». Другими словами — вот вам база (национализм), а вот — надстройка. Диалектика!

Таким образом, интернационализм при Ленине и интернационализм при Сталине — это два разных интернационализма. При Ленине интернационализм был космополитическим, даже русофобским. При Сталине интернационализм стал великодержавным. И это было то, что надо! Подобную систему межнациональных отношений, типичных для евразийского пространства, славянофилы называли «единством в многообразии» (при опоре на великорусское большинство).

Сталин, будучи нерусским человеком, прекрасно разобрался во всех тонкостях имперской национальной политики. Он понимал всю опасность узкого национализма. Сталин еще по своему дореволюционному опыту работы на Кавказе знал, что такое местечковый национализм и как его любит раздувать местная «национальная» интеллигенция. И чем это может быть чревато для имперской власти. Сталин отлично понимал феодальную психологию национальных элит, всех этих местных князьков, баев, нойонов, беков и их нукеров. И всех их он держал в кулаке.

Красный император Сталин чётко осознавал, что русские — это становой хребет империи. Поэтому на банкете в честь Победы в 1945 году он назвал русских самым «талантливым» и «руководящим народом». А потом, уже в узком кругу, добавил, что он вообще-то, считает себя «русским грузинского происхождения». И это весьма показательно. Если в ранней

юности Сталин был романтическим грузинским националистом, то со временем он превратился в русского империалиста. То есть поднялся с этнического уровня на более сложный — суперэтнический. (Суперэтнос — это группа близких этносов, между которыми возможны трения, но которые по отношению к остальному миру выступают как единое целое (напр. Китайский, Индийский, Европейский и др.). В Российский суперэтнос входят: русские (ядро), белорусы, украинцы (без западных и «химерных») и множество коренных народов России. Плюс ассимилированные иноземцы. Это — Русский мир в узком смысле. Стратегическими союзниками России (в перспективе) являются Казахстан, Средняя Азия и Закавказье).

Именно такой имперский национализм — на уровне суперэтноса — нам и нужен. Ибо Россия может существовать или как евразийская военная империя (суперэтнос плюс союзники), или никак!

Времена узкого национализма («Россия для русских!», «Якутия для якутов!» «Башкирия для башкир!» и т.д.), к которому до сих пор призывают некоторые горячие головы, закончились у нас ещё в XVI веке. Когда с присоединением Поволжья и началом присоединения Сибири небольшое Московское Царство (этнос великороссов) стало превращаться в огромную Российскую империю — цивилизацию-суперэтнос, где со временем вокруг стержневого русского народа объединилось более ста других народов! Узкий национализм с тех пор — это тупик самоизоляции.

Именно в такой национальной изоляции и заинтересованы наши враги, мечтающие о расчленении России и возвращении ее в границы Московии начала XVI века! И те «русские националисты», которые призывают сегодня сделать из России мононациональное «государство русских», льют воду именно на мельницу наших врагов. Источник такого «национализма» нам хорошо известен. Это — нацизм. Или, говоря языком этнологии, — нацистская антисистема, которая по своей разрушительной природе ничем не отличается от антисистемы космополитической («либеральной»).

Всё сказанное, однако, не означает, что национализм как идеология национально-освободительной борьбы («защитный национализм») не имеет права на существование. На земле нет этносов без национализма. Ни одного. Ибо когда исчезает национальное чувство, исчезает сам этнос.

С этнологической точки зрения — национализм есть то самое «неосознанное чувство» внутриэтнической комплиментарности (близости), которое выражается в чувстве пат-

риотизма, и которое лежит в основе естественного противопоставления одной нации всем другим: «мы — не мы».

И, повторим, это объединяющее этнический коллектив чувство не надо путать с шовинизмом (превосходством своей нации) и нацизмом (геноцидом других наций), которые идейно направлены не на поддержание этнического разнообразия (совокупность здоровых национализмов) и усложнение этнических систем (суперэтнотсы), а на их упрощение и уничтожение!

Лев Гумилёв говорил: «Истинный национализм состоит не из заимствований у чужих этносов и не в навязывании соседям своих навыков и представлений, а в самопознании». Данное определение, на первый взгляд неброское, на самом деле очень глубокое. Оно означает, что не надо обезьянничать на чужой манер, и не надо учить других жить, а надо быть самими собой. И как Божий дар хранить свою этническую неповторимость. В этом — внутренняя сила народа.

Что же касается интернационализма на суперэтническом уровне, то, опираясь на Гумилёва, можно дать ему следующее определение. Суперэтнический (имперский) интернационализм — есть ощущение всеми народами, проживающими в одном географическом ареале, чувства общности исторической судьбы.

Наш географический ареал — это Северная Евразия — огромная территория от Бреста (не от Лиссабона!) до Владивостока, и от «южных гор до северных морей». Поэтому можно даже расширить наше определение и назвать такой интернационализм — евразийским. Точнее, это будет уже не интернационализм, а геополитический союз здоровых национализмов. И в этом союзе ведущую роль, конечно же, должен играть стержневой, системообразующий русский народ. Потому что без русского народа все остальные народы Северной Евразии объединиться не смогут. Это геополитическая аксиома. (Ну, например, как смогут объединиться казахи и белорусы? Или даже родственные — буряты и калмыки?) И в основе такого Евразийского союза должен лежать золотой принцип «единства в многообразии». Ибо по железному закону систем сложная система крепче и жизнеспособнее!

В древности такой геополитический порядок обеспечивали военные империи хуннов, тюрков, монголов. А с XVII века огромные территории — от Чёрного моря до Тихого океана — объединила Россия, став правопреемницей древних многонациональных империй.

Напомним важнейший евразийский тезис Гумилёва: «Для народов Евразии объединение всегда оказывалось гораздо выгоднее разъединения. Дезинтеграция лишала силы, сопротавляемости; разъединение в условиях Евразии значило поставить себя в зависимость от соседей, далеко не всегда бескорыстных и милостивых».

Поэтому геополитический лозунг сегодняшнего дня должен звучать так: «Либо — вместе, либо нас сомнут!» И это «вместе» надо понимать не как слияние и взаимопроникновение народов (т.е. массовая миграция в Россию!), а как союз соседей, живущих каждый в своем доме.

Разумеется — это в идеале. На практике же надо исходить из того, что уже есть. Главная задача сегодня — немедленное ограничение потоков миграции в Россию. Для чего? Для того, чтобы предупредить возможность серьезных национальных конфликтов (пока это цветочки), которые неизбежны, если будет нарушен главный принцип существования народов в полиэтническом государстве, сформулированный Гумилёвым: «в мире, но порознь», когда этносы живут по соседству, преимущественно на своей территории, не вмешиваясь в дела друг друга.

Заметим, что та пятая колонна в российской власти, которая уже много лет под любыми предлогами проталкивает массовую миграцию в Россию, прекрасно понимает, что делает. Если отбросить краткосрочные интересы бизнеса и прочие «выгоды» от мигрантов, то в перспективе вырисовывается один из фронтов гибридной войны — **под коренную Россию закладывается мощнейшая «этническая мина» замедленного действия.**

Поэтому, исходя из интересов национальной безопасности, руководство национальной политикой (и не только!) следует передать в руки патриотов России. Пока не поздно! И в будущем при проведении национальной политики необходимо держать баланс между двумя крайностями — узким национализмом (изоляциялизмом) и политикой открытых дверей (мультикультурализмом). При этом стратегическая установка на союз с ближайшими соседями должна постоянно присутствовать, несмотря на меняющуюся политическую конъюнктуру и неустойчивость национальных элит (казахской и др.).

В конце 80-х годов, словно предчувствуя, что произойдет с нашей страной, Гумилёв говорил: «Каждый этнос, тем более составляющий государство, должен думать не о том, как нажить врагов, — они всегда найдутся, а о том, где найти верных друзей». Именно в этом заключается одна из главных идей Русского мира!

И надо заметить, что наши противники-глобалисты все эти вещи прекрасно понимают! Поэтому и вцепились мёртвой хваткой в Украину, удерживают за собой Грузию, «работают» в Молдавии и Закавказье. И потому же в последние годы они пытались устроить майдан батьке Лукашенко, подмять под себя элиты Казахстана и Средней Азии. Вот это последнее — самое опасное на сегодняшний день! И с этими «элитами» еще предстоит разбираться, так же как с разжигаемым в Казахстане и республиках Средней Азии радикальным национализмом и религиозным экстремизмом.

Но главное — для того, чтобы реальное, а не формальное Евразийское содружество состоялось, России необходимо самой встать на ноги, ликвидировать «либеральную» пятую колонну и восстановить былую военную мощь. По полной! Только после этого можно будет говорить о жизнеспособном Евразийском союзе. Ибо один из законов этнической истории гласит — дружат всегда с сильными.

Хватит ли запаса русской пассионарности? Теория этногенеза отвечает, что хватит. Наша пассионарность — средняя, и это немало. Остаётся лишь преодолеть последствия этнической болезни (фазы надлома) и сплотиться. Но это дело времени. Уже ближайшего времени.

МЕТАЛЛ ПОБЕДЫ

В преддверии Великой Отечественной войны у нас в стране была создана цельнометаллическая авиация. И в этом величайшая заслуга выдающегося учёного-металлурга, материаловеда, инженера Ивана Ивановича Сидорина.

Он родился 25 февраля 1888 года по н. ст. в Москве на Нижней Красносельской улице в глубоко верующей купеческой семье с крестьянскими корнями. После окончания Александровского коммерческого училища поступил на Химический факультет Императорского Московского технического училища (ИМТУ), где вскоре вошёл в Воздухоплавательный кружок проф. Николая Егоровича Жуковского, «отца русской авиации». Ныне это МГТУ им. Н.Э. Баумана.

В начале XX века интерес к воздухоплаванию был всеобщим. Поэтому совсем не случайно смельчаки из кружка Жуковского летали на крыльях планериста Отто Лилиенталя, выпрыгивая из окон Училища. Эти крылья немецкий планерист подарил русскому учёному при личной встрече в Германии. Самый деятельный ученик проф. Жуковского Андрей Туполев построил свой первый планер и лично испытал его.

В то время весь мир летал на деревянных самолётах. А Россия потрясла любителей воздухоплавания гигантскими по тем временам самолётами из дерева «Русский Витязь», «Илья Муромец» конструкции Игоря Сикорского. И только одна немецкая фирма «Юнкерс» строила самолёты из металла, а точнее, из дюралюминия. Придя к власти, большевики поспешили заключить договор с фирмой «Юнкерс» по созданию металлического самолетостроения у нас в стране. Однако на деле всё обернулось только сборкой привезённых из Германии деталей руками советских рабочих.

Заслуга молодого инженера Ивана Сидорина в том, что он, возглавляя Комиссию по проверке деятельности концессионного предприятия фирмы «Юнкерс», предложил отказаться от её сомнительных услуг. При этом на всех уровнях вплоть до Кремля он упорно доказывал, что мы можем сами научиться строить цельнометаллические самолёты. А для этого нужен был, прежде всего, свой металл.

В 1922 году в посёлке Кольчугино во Владимирской области на меднообрабатывающем заводе под руководством металловеда Ивана Сидорина, соратника и друга Андрея Туполева, был получен первый отечественный лёгкокрылый металл кольчугалюминий, который успешно прошёл все испытания в Центральном-аэрогидродинамическом институте (ЦАГИ), где была возможность большой экспериментальной работы. Для начала построили аэросани с деталями из этого металла. Устраивали опытные пробеги аэросаней во Владимирскую область. А затем построили и первый самолёт с деталями из кольчугалюминия АНТ-1. Это была «птичка-невеличка». Так ласково называли моноплан. Его на руках пронесли из первого здания ЦАГИ до Кадетского плаца в соседнем районе Лефортово. И вот 21 октября 1923 года первый металлический самолёт из кольчугалюминия АНТ-1 поднялся в воздух. В ноябре того же года на реке Яузе успешно прошло испытание цельнометаллического глиссера Гант-2. Вскоре 26 мая 1924-го с Ходынского аэродрома взлетел уже цельнометаллический аэроплан АНТ-2. Немецкая монополия на металлическое самолетостроение была подорвана! В 1926 году на самолёте АНТ-3, обшитом гофрированными листами кольчугалюминия под названием «Волна ЦАГИ», лётчик Михаил Громов облетел за три дня столицы Европы по курсу: Москва—Берлин—Париж—Вена—Прага—Варшава—Москва.

Потрясённая фирма «Юнкерс» подала иск в Международный суд в Гааге, доказывая, что у неё похитили патент на дюралюминий. Но суд признал, что «Волна ЦАГИ» — это

вполне отличный от дуралюминия сплав. В 1932 году на базе отдела Испытания авиационных материалов ЦАГИ был создан Всесоюзный институт авиационных материалов (ВИАМ), научным руководителем которого назначили И. И. Сидорина.

В 1937 году на самолёте АНТ-25 Валерий Чкалов совершил легендарный перелёт через Северный полюс в Америку. Это было самое сложное испытание для отечественного цельнометаллического самолётостроения.

Так в нашей стране постепенно создавался мощный воздушный флот из «крылатого металла». Хотя полностью от дерева по весьма проницательному предложению Сидорина не отказались.

В годы Великой Отечественной войны, когда ряд заводов по производству металла оказался на оккупированных территориях, некоторые самолёты строили с деталями из дерева: ЛаГГ, МиГ, Як, Ил-2. Вместе с тем, надо отметить, что в ряде случаев наш металл превосходил зарубежный. Кольчугалюминий показал себя с самой лучшей стороны. Наши отечественные самолёты даже с большим количеством пробоин не разваливались, а дотягивали до аэродрома в отличие от вражеских. Металл оказался упругим и прочным на растягивающие перегрузки — по свидетельству боевых лётчиков-фронтовиков, в частности, героя Советского Союза Вячеслава Медноногова (1924—1997).

Широко использовалась в авиации, а также в машиностроении созданная Сидориным в предвоенные годы в ВИАМе сталь «хромансиль». Превосходство этой стали признали даже американцы во время Корейской войны в 50-е годы прошлого века.

Кроме того, учёный-металлург Сидорин в годы Великой Отечественной войны участвовал в создании авиамоторных двигателей. Будучи главным металлургом авиамоторного завода 500 в Тушино (ныне ММП им. В. В. Чернышёва), а затем московского 45-го авиамоторного завода (ныне «Салют»), он наладил в годы войны производство самого мощного в мире дизельного мотора АЧ-30Б для бомбардировщиков дальнего радиуса действия Ер-2, а также Пе-8, на которых бомбили третий рейх.

Иван Иванович Сидорин по праву считается основателем школы Отечественного авиационного материаловедения, благодаря которой в предвоенные годы была создана цельнометаллическая авиация.

Занимаясь педагогической деятельностью, Сидорин основал в 1929 году первую в мире кафедру Металловедения в

МВТУ им. Н.Э. Баумана и написал в 1930 году первый в мире учебник «Металловедение». С течением времени эта кафедра переросла в кафедру Материаловедения и выпустила под руководством Ивана Ивановича Сидорина учебник «Материаловедение», отмеченный за второе издание в 1988 году Государственной премией СССР.

К 75-летию Великой Победы основанный Иван Ивановичем Сидориным Всероссийский Институт авиационных материалов переиздал книгу «Крылатый металл. Русский прорыв», написанную его внучкой, поэтом и прозаиком Натальей Сидориной. Эту книгу в память об Иване Ивановиче Сидорине ВИАМ благотворительно рассылает в школы, институты, библиотеки и музеи по всей стране.

На Проховором поле в музее «Битва за оружие Великой Победы» в экспозиции, посвящённой Ивану Ивановичу Сидорину, среди личных вещей учёного можно увидеть белый рушник с маками, который он бережно хранил. Ему казалось, что красные цветы по всей стране вбирают в себя кровь, пролитую за нашу землю в годы Великой Отечественной войны. Такие же маки он, по воспоминаниям родственников, сажал и на своём участке в подмосковном Пушкино, где жил до конца своих дней. Внукам прививал любовь к музыке и поэзии. Более того, говорил, что и наука поэтична, поскольку нацелена на поиск гармонии. Только то, что гармонично и естественно, приносит благодатные плоды. Главное, иметь духовную силу. Скончался И.И. Сидорин в 1982 году.

Уместно привести отрывок из поэмы его внучки Натальи Сидориной «Крылатый лес и Легкокрылый металл»:

*Над Россией лес летает,
Оторвавшись от корней.
И пилот не замечает
Той же участи своей.*

*Всё взметнулось: люди, поле —
Это тянет небосвод.
Два часа, пока не боле,
Продолжается полёт.*

*Глянь: гроба поднялись в небо,
И несёт их ураган.
Это в свисте, визге нэпа
Пролетел аэроплан.*

*Тяжело подняться в небо,
Оторвавшись от земли.
А в стране нехватка хлеба.
И война гремит вдали.*

*Самолёты из металла —
Это новая стезя.
Для Страны Советов — слава!
Победить её нельзя.*

*Бесконечные просторы —
Чкалов Полос одолел.
Приковал к России взоры.
У страны так много дел.*

*Мы построили заводы
И засеяли поля,
Где под вечным небосводом
К свету тянется земля.*

*Враг нагрянул на Отчизну
В Православный День Святой.
Мы отдали столько жизней...
Со Святыми упокой!*

*Небо — купол над Россией.
«МиГи», «Илы» и «Стрижи»...
Мы становимся сильнее,
Охраняя рубежи...*

СТИХИ, ОПАЛЁННЫЕ ВОЙНОЙ

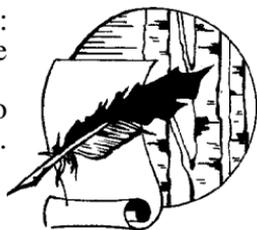
Фронтовики, слушая стихи Юрия Белаша, плачут. Всё в них настолько точно и правдиво. Поэт он странный, неожиданный. Из фронтовиков такой — единственный.

О себе Юрий Семёнович тоже написал предельно кратко и честно:

«Я никогда не думал, что могу писать стихи. Три строки я ещё мог, попотев, накропать, а вот зарифмовать четвёртую — было свыше моих сил. Белые давались легче, но и они, в общем, являли жалкий вид. Повоевав три с половиной года на фронтах Отечественной войны, я поступил в Литературный институт имени А.М. Горького — с пьесой, затем перешёл на критику, окончил аспирантуру — и занимался рецензированием и редакторской работой.

Видать, штудируя чужие книги и рукописи, я и сам кой-чему научился — во всяком случае в конце 1967 года написал своё первое стихотворение — «Слёзы». Не преувеличиваю: это было столь неожиданно, что долго не мог уразуметь, как же сие произошло...

С тех пор пишу стихи. В основном — о войне: другие темы мне кажутся пресными.

Конечно, о войне написано так много, что подчас представляется, что написано уже всё. Но это не так. И особенно это ясно тем, кто был в окопах.

А я был. Был сержантом в стрелковом батальоне, в нескольких сотнях метров от врагов и нескольких сантиметрах от смерти. Оттого-то и пишу, главным образом, о бойцах и сержантах переднего края — о том, что детально знаю по собственному опыту.

Понятно, для литературной работы знание материала ещё не всё. Но при равных прочих условиях непосредственное знание жизненного материала, точное следование ему — на мой взгляд, основное, что надо поэту.

Вот я и старался — предметно, в прямом изображении — передать чувства и мысли моих в большинстве своём давно погибших фронтовых товарищей, обстановку переднего края, собственные впечатления военных лет.

И когда я сейчас пытаюсь понять, а почему так поздно начал писать стихи, то прихожу к мысли, что главная причина, пожалуй, в том, что я, как ни странно, долго не мог постичь простую истину: поэзия должна быть познавательна не меньше, чем добротная проза.

Но лучше поздно, чем никогда».

Это — авторское предисловие к книге «Окопные стихи». Книга вышла в издательстве «Советский писатель» в 1990 году. В предисловии поэт так же искренен, прост и непосредствен, как и в своих стихах.

Что касается познавательности поэзии Юрия Белаша, то это действительно так, стихи его в буквальном смысле **познавательны**. Каждое из них, по сути своей, — новелла. Но всё же это стихи, а не рифмованная проза.

НЕПРИМИРИМОСТЬ

*В патронник загоню патрон.
Затвор поставлю на предохранитель.
Готово всё для похорон —
давайте, что ли, подходите.*

*Берите...
Но запомните одно:
ох, дорого вам это обойдётся! —
коль скоро мне греметь на дно,
то вам меня сопровождать придётся.*

*Я жизнь свою задаром не отдам.
Умоюсь я — и вас умою кровью.*

*Мы смерть разделим пополам,
и вашу долю — вам я приготовлю.*

*И то, что это не болтовня,
вы сами в этом скоро убедитесь,
и прежде, чем приняться за меня, —
вы за себя сначала помолитесь.*

*Пуškai глаза мне выключают вороны
и белый свет я больше не увижу, —
до самого последнего патрона
не принимаю вас
и ненавижу.*

*Я кончил.
Ровен сердца стук.
И отжимаю я предохранитель.
Ну что вы заскучали вдруг?
Давайте, суки, подходите!..*

О Юрии Семёновиче Белаше известно немногое. Родился в Ленинграде 8 ноября 1920 года, умер в Москве 17 июля 1988 года. До войны жил в Москве. Призван Ростокинским районкоматом в сентябре 1941 года.

Война для него началась неподалёку от пункта призыва, под Москвой. В составе 13-й дивизии народного ополчения прибыл в район Вязьмы. Войска Западного фронта под командованием генерала И.С. Конева вкапывались здесь в землю, готовясь принять удар группы армий «Центр». 26 сентября Ростокинская дивизия народного ополчения (ДНО) была переформирована по существовавшему на тот период общевойсковому штату и получила порядковый номер 140-й стрелковой дивизии. В самый канун начала немецкого наступления (операция «Тайфун») из 32-й армии передана состав 19-й. В первых числах октября 1941 года попала под удар 3-й танковой группы, затем окружена вместе с другими дивизиями и целыми армиями. Дралась в окружении. Потом, когда был отдан приказ на выход, с боями прорывалась на восток и юго-восток. Из окружения вышли разрозненные группы. В декабре дивизию расформировали — потери её составляли более 80 процентов личного состава. Потеряна почти вся артиллерия и тяжёлое вооружение. Многие попали в плен и содержались в концлагерях в Вязьме, Дорогобуже, Рославле, Вسخодах и Угре. В плен попал командующий 19-й ар-

мией генерал М.И. Лукин, многие командиры дивизий, штабные работники. Это был разгром. Но те, кто избежал гибели и плена, заняли оборону на новом, Можайском рубеже. Среди них оказался и красноармеец Юрий Белаш.

После расформирования 140-й стрелковой дивизии он попал в 96-ю стрелковую дивизию. В документах, которые удалось отыскать в Подольском военном архиве, он уже упоминается как сержант и миномётчик, вначале командир расчёта, а потом батареи 120-мм миномётов. Батарея тяжёлых миномётов принадлежала 338-му стрелковому полку 96-й стрелковой дивизии.

Из окружения Юрию Белашу пришлось выходить и в 41-м, и после, когда дивизия уже шла по Белоруссии. Пережитое легло в стихи.

КРУШИНА

*Я встретил его в окружении... Разный
Мотался в ту пору народ по лесам, —
и чтоб не промазать — решил, что устрою
на первом привале проверку ему...*

*Я сбросил свой «сидор», набитый харчами,
которые я у фашистов забрал:
— Ты, кореш, пока что костёрчик сложи,
а я за водичкой спущусь к ручью.
— Винтарь-то оставь. Надоело небось
таскать эту дуру по всей Беларуси!..
— Да нет, не скажи. Без неё даже скучно. —
И ёкнуло сердце тревожно и муторно.*

*Дошёл до кустов — и нырнул под крушину.
И вовремя!.. Только я выглянул — вот:
уже вещмешок мой подался в осинник.
— А ну-ка постой, молодой и красивый! —
И встал на колено и вскинул винтовку.*

*Я думал: раскрашу ему фотографию,
и ну его к чёрту, такого попутчика!
Но он себе выбрал другую судьбу,
когда передёрнул затвор карабина.*

*Я выстрелил первым — поскольку меня
не сразу открыл он меж листьев крушины.*

Из других документов, обнаруженных в архиве, явствует, что 16 января 1942 года сержант Ю.С. Белаш был тяжело контужен.

Девяносто шестая стрелковая дивизия была сформирована весной 1943 года под Тулой на базе 117-й и 160-й стрелковых бригад. Ещё зимой, не дожидаясь полного формирования, отдельные части дивизии были погружены в эшелоны и отправлены в район Валуйки, войдя в подчинение Воронежского фронта. Но уже в начале июля дивизия была переброшена в район Калуги и вошла в состав 53-го стрелкового корпуса 11-й армии Брянского фронта. Когда южнее соединения Центрального фронта (К.К. Рокоссовский) и Воронежского фронта (Н.Ф. Ватугин) отбили летнее наступление немцев (операция «Цитадель»), сразу несколько фронтов на гигантской дуге от Спас-Деменска и Жиздры на севере и до Белгорода и Харькова на юге перешли в наступление. Пошли вперёд и войска Брянского фронта. 11-я армия, в которую входил 53-й стрелковый корпус, атаковала немцев в районе Кцыни, прорвала фронт и начала продвигаться в направлении Брянска. После завершения Брянской наступательной операции 96-я стрелковая дивизия почти без всякой паузы приступила к участию в Гомельско-Речицкой наступательной операции.

Во время этой операции в Белоруссии сержант Белаш командовал миномётным расчётом тяжёлого 120-мм полкового миномёта. Это было мощное оружие поддержки пехоты. Советский 120-мм миномёт был изобретён и поступил на вооружение ещё до войны. Но во время войны дважды модернизирован. Расчёты его перевозили на лошадях, потом на «Студебеккере». Это было полковое оружие. Пудовая мина прицельно летала на дальность до 5700 метров. Расчёт шесть человек. При предельно допустимом темпе стрельбы 15 выстрелов в минуту полковой миномёт, как вспоминают фронтовики-миномётчики, перебрасывал на немецкие позиции гораздо больше железа, чем установка «Катюши». БМ-13 требовала много времени на зарядку. А 120-мм миномёт мог вести огонь беспрерывно, пока не перегревалась «труба». Расчёты разными способами и довольно быстро остужали «трубу» и вели огонь дальше. Вот такой бандурой и командовал сержант Белаш.

Осколочно-фугасная мина разрушала окопы и блиндажи, деревянно-земляные и бетонные сооружения, уничтожала огневые позиции артиллерии, пулемётные точки и ПТО. Были случаи, когда плотный огонь полковых миномётов срывал атаку немецких танков, самоходок и штурмовых орудий. В умелых руках да при хорошем подвозе 120-мм миномёт был грозным оружием.

В 1943 году в каждом стрелковом полку по штату было 21 единица 120-мм миномётов. Основная задача — поддержка пехоты. Особенно во время наступления, когда танки и стрелковые части прорывали оборону противника и стремительно уходили вперёд. В этих обстоятельствах тяжёлая артиллерия запаздывала с продвижением, попадала в пробки на дорогах, на новых позициях быстро расходовала ограниченный запас снарядов, который имела с собой, и долго ждала подвоза. Миномётчики же двигались и действовали вместе с пехотой. А порой и буквально — в окопах первой линии, с винтовкой и гранатами в руках.

Дивизия, в которой воевал расчёт сержанта Белаша, особенно отличилась во время проведения Гомельско-Речицкой операции 10 ноября — 30 ноября 1943 года. Прорыв намечался в участке фронта близ деревни Хальч. Из приказа на атаку: «323-я, 260-я, 96-я дивизии, составляющие первый эшелон, и 197-я, 217-я и 273-я стрелковые дивизии, составляющие второй эшелон, сосредотачиваются в узкой полосе между деревней Радуга и Кирпичным заводом. Поддержка оказывается частями 22-й артиллерийской дивизии и другими частями усиления. 96-я стрелковая дивизия — утром 12 ноября с истребительно-противотанковым артиллерийским полком (ИПТАП) атаковать высоту 141,1, прорвать вражескую оборону, занять деревню Хальч и, продолжая наступление в направлении посёлка Новая Жизнь, к вечеру того же дня выйти на рубеж Каничев—Остров.

331-й стрелковый полк Абрамова (96-я стрелковая дивизия) наносит удар по деревне Хальч с юго-запада.

350-й стрелковый полк (96-я стрелковая дивизия) наносит удар по деревне Хальч с юго-востока.

338-й стрелковый полк Балашова (96-я стрелковая дивизия) — во втором эшелоне».

Ударом севернее Гомеля полки 96-й дивизии прорвали немецкую оборону и форсировали Сож.

Из донесения штаба 11-й армии 10 ноября 1943 года:

«<...>

4. Противник занимал оборону на заранее подготовленных рубежах, что проходят по высоте 144,1 между Старым Селом и Хальч. Первая линия обороны пр-ка проходила сплошными траншеями по восточным скатам выс. 144,1 и была насыщена большим количеством ручных и станковых пулемётов, на зап. скатах выс. 144,1 были расположены арт. и мин. батареи, большое количество ДЗОТов и отдельных огневых очагов в районе с. Хальч.

5. Плацдарм наших войск был на правом берегу р. Сож между Старым Селом и Хальч с севера на юг 1,5 км и с восто-

ка на зап. 500 м., где занимала оборону пехота 96 СД, с задачей: удерживать плацдарм до подхода подкрепления».

Двенадцатого ноября подразделения первого эшелона 96-й стрелковой дивизии при поддержке полковой артиллерии и миномётов ворвались в населённый пункт Хальч, но при этом понесли большие потери и остановились. Дальнейшее продвижение из-за сильного огня противника стало невозможным.

Тем временем правее вперёд пошла 217-я стрелковая дивизия и 2-я отдельная штрафная рота лейтенанта П.И. Завьялова. Штрафники ворвались в немецкую траншею, сошлись в рукопашную. При этом командир штрафной роты лейтенант Завьялов был убит.

Пятнадцатого ноября подошёл танковый полк. После арт-подготовки, в которой участвовали и 120-мм миномёты, танки и пехоты 96-й и 260-й стрелковых дивизий пошли вперёд. Были заняты Старое Село и ключевая высота 144,1. Боясь охвата, немцы в этот день оставили Хальч.

Обстановка на 16 ноября: «...противник отошёл и занял заранее подготовленный оборонительный рубеж, который проходил по восточным скатам Безымянной высоты, что восточнее дороги Калиновка—Хальч. Передний край пр-ка проходит сплошными траншеями, насыщен отдельными ДЗОТами и очагами ручных пулемётов, станковых, миномётами и ходами сообщения в С. Калиновка. Артиллерия пр-ка главным образом расположена на окраинах с. Калиновка, Будёновский, Станки, выс. 144,9 и в районе Хуторов».

Бои на плацдарме день ото дня становились всё упорней и кровопролитней. Только к 25 ноября войска 11-й армии подошли к Гомелю, охватывая город с трёх сторон. Атаку стрелковых полков поддерживала штурмовая и бомбардировочная авиация и танки. Первыми в Гомель ворвались 96-я и 217-я стрелковые дивизии. Их ударные части захватили железнодорожную станцию, заводские кварталы и площадь у дворца и сада Паскевича. Бой шёл всю ночь, к утру город был очищен от немцев.

Свою первую медаль «За отвагу» сержант Белаш получил во время боёв на плацдарме, когда его 338-й стрелковый полк медленно продвигался к северо-западной окраине Гомеля. В те дни ствол его миномёта не остывал.

Верно говорят: о мужчине надо судить по отношению к женщине. Чего только не намесили некоторые воевавшие о женщине на войне! И такая-сякая... Мол, если санинструктор роты, значит...

Но вот — Юрий Белаш:

*Ах, не одного приворожили
эти невозможные глаза —
трепетные, синие, большие,
как на древнерусских образах.*

*Словно в бочагах с водою вешней
небосвод качнулся — и затих...*

*Вот с таких, как ты,
земных и грешных,
и писались облики святых.*

(«Люба, госпитальная сестра...»)

Но личная жизнь Юрия Белаша не сложилась.

Начиная с 1957 года несколько лет он руководил литературным объединением в Доме культуры МИИТа. В эти же годы работал в редакции журнала «Молодая гвардия». На жизнь зарабатывал внутренними рецензиями. Какое-то время работал в отделе критики журнала «Знамя». Жизнь вёл замкнутую. Одиночествовал. И этим весьма дорожил.

До того, как пошли стихи, Юрий Белаш написал пьесу — драму «Фронтовики». Её не принял ни один театр. Уже тогда театры становились полужакрытым местом для русских драматургов и писателей. Вячеслав Кондратьев, негодуя по поводу того, что режиссёры «не разглядели» пьесу, писал о драме «Фронтовики»: «Кроме напряжённого и драматического сюжета имеются прекрасно и выпукло выписанные образы», «Драма Белаша потребовала бы серьёзной и новаторской работы, которая оказалась не под силу нынешним режиссёрам», «Но я уверен: придёт время и для этого произведения, потому что такой поистине военной пьесы ещё не было на подмостках наших театров». К сожалению, и время прошло немалое, и времена изменились, но режиссёры за пьесу Юрия Белаша так и не взяли.

«Перечитывая Ю. Белаша, — а я делаю это часто, — невольно ловишь себя на некой зависти к поэту, — писал в предисловии к посмертной книге «Окопные стихи» Вячеслав Кондратьев. — Ведь то, для чего прозаику нужна не одна книга, поэту удалось сконцентрировать в тоненькой книжечке и рассказать в ней почти **всё** о войне. Но чего это стоило поэту, по-настоящему знал, наверное, только он один. Мы, его друзья, можем только предполагать, припоминая постоянную сосредоточенность этого человека, порвавшего много связей с прошлыми друзьями и знакомыми, называвшего свою квар-

тиру на Ломоносовке «моим блиндажом», в которой он без помех мог отдать себя одной страсти — поэзии. У Юры есть стихотворение:

*Нет, я иду совсем не по Таганке —
иду по огневому рубежу.
Я — как солдат с винтовкой против танка:
погибну, но его не задержу.
И над моим разрушенным окопом,
меня уже нисколько не страшась,
танк прогрохочет бешеным галопом
и вдавит труп мой гусеницей в грязь.
И гул его, и выстрелы неслышно
заглохнут вскоре где-то вдалеке...
Ну что же, встретим, если так уж вышло,
и танк с одной винтовкою в руке.*

В этом стихотворении вроде бы реальная картина, но, зная, что написано оно в ту пору, когда поэта не печатали, когда вообще было совершенно неизвестно, будут ли когда-либо такие стихи опубликованы, есть в этом стихотворении не только непоколебимость солдата, но и непоколебимость поэта продолжать начатое, встретить все жизненные препятствия, если уж так вышло, с одной книжкой стихов в руке, книжкой, в которой нет ни грана лжи, а там будь что будет, напечатают или не напечатают, но нравственная сверхзадача поэта выполнена».

Всё так. Солдат живёт и действует по уставу. Поэт — тоже. Дня него, поэта, устав тоже написан кровью. Кровью и страданиями предшественников — Пушкина, Лермонтова, Блока, Есенина.

Пьесе «Фронтвики» опубликовал журнал «Театр» в 1985 году в юбилейный год 40-летия Победы. В надежде, что найдётся режиссёр и для военной темы, и для «прекрасно и выпукло выписанных образов» драмы. Не нашёлся. Военные драмы вообще постепенно сошли с подмостков наших театров. Старые режиссёры и актёры ушли, а новое поколение ставить, играть войну на сцене не умеет. Та же проблема и в кино.

Стихи у Белаша появлялись порой ни на что не похожими. Так писалось. И дело не в отсутствии рифмы. Например, такое:

*Когда ты убиваешь врага в бою, ты не можешь быть уверен,
что убьёшь его, а не он тебя, и потому ты не чувствуешь
себя убийцей... Но почему ты не радуешься, когда после боя
приходится подчас расстреливать безоружного врага,
хотя ты хорошо понимаешь, что в бою он мог убить тебя?..*

Войну 96-я Гомельская стрелковая дивизия закончила в Восточной Пруссии.

Из наградного листа сержанта Белаша Ю.С., 1920 года рождения, русского, кандидата в члены ВКП(б) с 1943 года: «Во время боёв 25.06.44. — 14.07.44., находясь в боевых порядках пехоты, оказывал существенную помощь командирам подразделений в эвакуации раненых, доставке пищи и боеприпасов на передний край, оформлении наградного материала. 30.06.44. в бою под г. Осиповичи по ликвидации немецкой группировки уничтожил 5 гитлеровцев и 3-х унтер-офицеров взял в плен.

Достоин правит. Награды Ордена «Красная Звезда».

Командир полка подполковник Костеницын.

29 июля 1944 г.»

Шло наступление в Белоруссии — стратегическая операция «Багратион». Это был мощнейший удар, в ходе которого войска наших фронтов буквально разорвали, разметали по белорусским лесам и болотам группу армий «Центр», а потом добывали изолированно большие и малые котлы.

Юрий Белаш в это время занимался партийной работой. Но, как видно из наградного листа, нередко брал в руки автомат и воевал в окопах первого эшелона.

Умер Юрий Семёнович от рака. Лёжа, диктовал сотруднице Государственного Литературного музея Елене Волковой то, что вспоминалось.

Юрий БЕЛАШ

НЕУДАЧНЫЙ БОЙ

Мы идём и молчим.

Ни о чём говорить не хочется.

И о чём говорить, если мы четверть часа назад положили у той артогнём перепаханной рощицы половину ребят — и каких, доложу вам, ребят!

Кто уж там виноват —

разберутся начальники сами,

наше дело мы сделали:

сказано было «вперёд» —

мы вперёд.

А как шли!

Это надобно видеть своими глазами,

как пехота, царица полей, в наступленье в охотку идёт...

Трижды мы выходили на ближний рубеж для атаки.

Трижды мы поднимались с раскатистым криком «ура».

Но бросала на землю разорванной цепи остатки
возле самых траншей пулемётным огнём немчура.
И на мокром лугу там и сям бугорочками серыми
оставались лежать в посечённых шинелях тела...
Кто-то где-то ошибся.
Что-то где-то не сделали.
А пехота все эти ошибки
оплачивай кровью сполна.

Мы идём и молчим...

ГЛАЗА

Если мёртвому сразу глаза не закроешь,
то потом уже их не закрыть никогда.
И с глазами открытыми так и зароешь,
в плащ-палатку пробитую труп закатав.

И хотя никакой нет вины за тобою,
ты почувствуешь вдруг, от него уходя,
будто он с укоризной и тихой болью
сквозь могильную землю глядит на тебя.

СУДЬБА

Он мне сказал:
— Пойду-ка погляжу,
когда ж большак сапёры разминируют...
— Лежи, — ответил я, — не шебуршись.
И без тебя сапёры обойдутся...
— Нет, я схожу, — сказал он, — погляжу.

И он погиб: накрыло артогнём.
А не пошёл бы — и остался жив.

Я говорю:
— Пойду-ка погляжу,
когда ж большак сапёры разминируют...
— Лежи, — ответил он, — не шебуршись.
И без тебя сапёры обойдутся...
— Нет, я схожу, — сказала я, — погляжу.

И он погиб: накрыло артогнём.
А вот пошёл бы — и остался жив.

ОН

Он на спине лежал, раскинув руки,
в примятой ржи, у самого села, —
и струйка крови, чёрная, как уголь,
сквозь губы неподвижные текла.
И солнце, словно рана пулевая,
облило свежей кровью облака...
Как первую любовь,
не забываю
и первого
убитого
врага.

ПЕХОТУ ОБУЧАЛИ УБИВАТЬ

Пехоту обучали убивать.

Огнём. Из трёхлинейки, на бегу,
все пять патронов — по знакомой цели,
по лютому, заклятому врагу
в серо-зелёной, под ремень, шинели.

Гранатою. Немного задержав,
к броску уже готовую гранату,
чтоб, близко у ноги врага упав,
сработал медно-жёлтый детонатор.

Штыком. Одним движением руки.
Неглубоко, на полштыка, не дале.
А то, бывали случаи, штыки
в костях, как в древесине, застревали.

Прикладом. Размахнувшись от плеча,
затыльником в плечо или ключицу.
И бей наверняка, не горячась,
промажешь — за тебя не поручиться.

Сапёрною лопаткою. Под каску.
Не в каску — чуть пониже, по виску,
чтоб кожаная лопнула завязка
и каска покатилась по песку.

Армейскими ботинками. В колено.
А скрючится от боли — по лицу.
В крови чтобы горячей и солёной
навек захлабнуться подлецу.

И, наконец, — лишь голыми руками.
Подсечкою на землю положи,
и, скрежеща от ярости зубами,
вот этими руками задуши.

С врагом необходимо воевать.
Врага необходимо убивать.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Окопная земля. — М.: Советская Россия, 1985.
Оглошшая пехота. — М.: 1981.
Фронтовики. Пьеса. — М.: Журнал «Театр», 1985, № 8.
Подборка стихотворений в журнале «Знамя». № 2, 1986.
Окопные стихи. (Предисловие Вячеслава Кондратьева). —
М.: Советский писатель, 1990.
Антология русского лиризма. XX век. — М.: ООО «ФЭРИ-В»,
2000.

НАГРАДЫ

- Орден Красной Звезды.
Две медали «За отвагу».
Медаль «За оборону Москвы».
Медаль «За взятие Кёнигсберга».
Медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.»

ДИМИТРИЙ РОСТОВСКИЙ

Казачья среда отличалась не одной только переменчивостью и буйством. В нём была сильна привязанность к Православной Церкви. Один из самых ярких примеров беззаветного ей служения даёт образ святителя Димитрия, Ростовского и всея России чудотворца.

Он родился в декабре 1651 года в местечке Макарове в сорока верстах от Киева и был назван Даниилом. Отец Савва Григорьевич Туптало дослужился из простых казаков до звания сотника. Мать звали Марией Михайловной, о ней святитель отзывался с особенной теплотой как первой своей наставнице в деле христианского благочестия.

По достижении 11-летнего возраста родители отдали Даниила в Киево-Могилянскую коллегию. Здесь раскрылись отличные способности отрока, особенно же он преуспевал в искусстве стихосложения и умении выстраивать свою речь. Даниил не смог окончить полного курса обучения, поскольку в 1665 году, когда поляки на время завладели Киевом, здание коллегии было разрушено.

СИМВОЛ ВЕРЫ

В 17 лет, испросив благословения у родителей, Даниил принимает решение удалиться в Кириллов монастырь, где вскоре принимает постриг с наречением имени Димитрия. Менее чем через год он уже рукополагается в сан иеродиакона митрополитом Киевским Иосифом Тукальским.

Поскольку настоятелем Кирилловой обители был в прошлом преподаватель и ректор Киево-Могилянской коллегии Мелетий Дзик, Димитрий имел в его лице прекрасного научного руководителя, старавшегося, в свою очередь, чтобы талант воспитанника получил полное развитие. Иеродиакон Димитрий тщательно изучал Священное Писание и труды святых отцов, составляя по поручению настоятеля выписки, статьи, проповеди.

В 1675 году иеродиакон Димитрий был представлен архиепископу Черниговскому Лазарю Барановичу для рукоположения в сан иеромонаха, имея лишь 24 года от рождения. Это было признанием его духовной зрелости. Среди прочего, молодой иеродиакон уже тогда получил известность как нежданный проповедник.

Познакомившись с Димитрием ближе, архиепископ Лазарь пригласил его к себе в Чернигов, чтобы он исполнял должность проповедника при соборной церкви. В то время живая изустная проповедь была на Руси редкостью. Чаше с амвона зачитывались по книге толкования и поучения святых отцов. Но чтобы отвечать на живые вопросы современности, чтобы вести полемику с инославием, нужны были такие проповедники, которые не уступали бы своим искусством, своей эрудицией ни папистам, ни протестантам. Два года иеромонах Димитрий учил народ в Чернигове, и многие приходили послушать его наставления, так что вскоре слава о молодом русском православном проповеднике распространилась по многим соседним областям.

Особенно православная проповедь востребована была тогда в Литве и Белоруссии, где после отступления отсюда царских войск паписты наращивали обороты своей пропаганды среди русских православных людей. Поэтому в 1677 году иеромонах Димитрий отправился проповедовать в Литву и Белоруссию и принёс здесь немалую пользу в деле утверждения православия.

В 1679 году по приглашению гетмана Ивана Самойловича иеромонах Димитрий прибыл в гетманскую резиденцию — город Батурин и поселился в находящемся в семи верстах от него Николаевском Крупицком монастыре. К тому времени уже многие малороссийские обители хотели видеть Димитрия своим настоятелем и приглашали к себе, но более склонный к безмолвию иеромонах избегал начальственных должностей.

В 1681 году скончался игумен Максаковского Преображенского монастыря близ города Борзны (где в октябре 1708

года Мазепа изображал из себя умирающего). Иеромонах Димитрий согласился стать настоятелем этой обители, потому что находилась она в отдалённой местности, и здесь его меньше бы беспокоили, отрывая от научных трудов. Он был встречен архиепископом Лазарем Барановичем для посвящения в сан игумена. Совершив обряд, архиерей сказал: *«Сегодня память пророка Моисея Боговидца; сегодня сподобил Вас Господь Бог игуменства в монастыре, где храм Преображения Господня, яко Моисея на Фаворе. Сказавый пути Своя Моисею, да скажет и Вам на сем Фаворе пути Своя к вечному Фавору»*.

Однако лишь полгода прожил игумен Димитрий в этой обители, потому что был назначен настоятелем в Николаевский Батуринский монастырь, где через полтора года, тяготясь начальственными обязанностями, отказался от должности. Он точно предчувствовал скорое принятие на свои плечи главного труда всей жизни.

В 1684 году вновь назначенный архимандрит Киево-Печерской лавры Варлаам Ясинский предложил игумену Димитрию заняться составлением полного годового круга житий святых. Тот согласился, и ради этой научной работы перебрался в лавру.

Через два года гетман Иван Самойлович и митрополит Гедеон Четвертинский уговорили игумена Димитрия вновь принять на себя обязанности настоятеля Николаевского Батуринского монастыря. Однако он уже не оставлял труда над житиями святых, продолжая работать в прежде заданном темпе. Поэтому в 1689 году, после представления архимандриту Варлааму, в Киеве напечатали первую книгу житий, охватывающую месяцы с сентября по ноябрь.

В том же 1689 году игумен Димитрий отправился в Москву вместе с новоизбранным гетманом Иваном Мазепой. У последнего были свои дела, у игумена Димитрия — свои: он представил патриарху Иоакиму, царевне Софье и царям Иоанну с Петром написанные им жития святых. Получив одобрение патриарха, он вернулся в Малороссию с новыми силами для продолжения своего подвига. Отраднo было вскоре после того получить игумену Димитрию послание вновь избранного патриарха Адриана с горячей благодарностью за выполненную часть труда и ободрением для продолжения дела. Отправив, в свою очередь, патриарху признательное письмо, Димитрий вновь отказался от настоятельства, чтобы без всякого развлечения выполнять высокое поручение патриарха.

Здесь стоит заметить: труд святителя Димитрия, вбиравший в себя жития и древних, и новых, в особенности же русских, святых, помимо своей очевидной просветительской

пользы, служил делу скорейшей интеграции Малороссии в единое Русское государство. Ничто так этому не способствует, как общая молитва и общие святые. Димитрий, почерпнув знания и опыт, имевшиеся в западных епархиях Русской Церкви, соединил их с тем, что имелось у Москвы, и представил в своём труде гармоничный синтез двух традиций, спаяв их в единое целое. Так что жития святых святителя Димитрия стали любимым народным чтением как в Великой России, так и в Малороссии вместе с Белоруссией и Литвой. И написан был его труд понятным для разных частей русского народа языком.

Пример столь плодотворной созидательной деятельности был особенно важен, когда Русскую Церковь сотрясал раскол, когда взаимное ожесточение споривших сторон всё более возрастало. Святитель Димитрий нёс своим трудом примирение.

В 1695 году вышла вторая книга житий святых (охватывающая декабрь, январь и февраль). В это время по настоянию святителя Феодосия Черниговского игумен Димитрий принимал на себя управление разными монастырями. Хотя он всю жизнь отказывался от начальственных должностей, очевидно, имел выдающиеся способности к управлению. Признанием их стало его посвящение в 1697 году в сан архимандрита.

В 1700 году напечатали третью книгу житий святых (включающую в себя март, апрель, май). В это самое время царь Пётр Алексеевич обратился к Киевскому митрополиту Варлааму Ясинскому с просьбой *«поискать из архимандритов или игуменов, или других иноков доброго и ученого и блаженнопочтенного жития, которому бы в Тобольске быть митрополитом, и мог бы Божию милостию проповедовать в Китае и в Сибири, в слепоте идолослужения и других невежествах закоснелых чело- век приводить в познание и служение и поклонение истинного Живого Бога»*. Митрополит Варлаам никоим образом лучше архимандрита Димитрия выбрать не смог. Поэтому в начале 1701 года его вызвали в Москву. Здесь после встречи с царём он был рукоположен в митрополита Сибирского и Тобольского.

Святитель не смел прекословить, но и принять высокое назначение не имел внутренних сил. Поэтому тяжело заболел. Он понял, что с отъездом в Тобольск труд составления житий святых не может быть окончен. Пётр Алексеевич посетил митрополита Димитрия во время его болезни, выслушал его доводы против отъезда в Сибирь и согласился с ними, предложив святителю подождать, пока освободится какая-нибудь из ближайших к Москве епископских кафедр.

Как раз в это время преставился Ростовский митрополит Иоасаф, и святитель Димитрий был назначен на его место.

Теперь он стал не просто духовно зрелым человеком, но имел от Бога дар прозорливости. Поэтому многие из его поступков были исполнены надмирной мудрости.

Впервые в жизни прибыв в Ростов, святитель проследовал в Спасо-Яковлевскую обитель, в собор Зачатия Пресвятой Богородицы. Узнав по откровению свыше, что здесь ему готовится последнее на земле пристанище, он остановился в правом углу собора и сказал окружающим: «Се покой мой: здесь вселюся во век века».

Совершив первую в Успенском кафедральном соборе литургию, он произнёс перед новой своей паствой такие слова: *«Да не смущается сердце ваше о моем к вам пришествии: двери бо внидох, а не прелазяй инуде; не исках, но поискан есмь, и не ведах вас, ниже вы мене ведаете, судьбы же Господни бездна многа; тыя мя послаша к вам, аз же приидох, не да послужите ми, но да послужу вам, по словеси Господню: хотяй быти в вас первый, да будет всем слуга».*

Как сказал святитель Димитрий, так и поступал до последнего своего вздоха. Увидев многие нестроения в духовной жизни Ростовской митрополии, он решил, что исправления следует начинать с духовенства, поэтому вскоре открыл школу для детей священнослужителей. Когда была возможность, сам в ней преподавал, особенно любил изъяснять Священное Писание. Побуждал учеников неукоснительно посещать богослужения в соборном храме Ростова, сам исповедовал и причащал их.

Имея многие заботы по управлению митрополией, святитель Димитрий находил время для окончания труда всей своей жизни. В 1705 году он закончил четвёртую книгу житий святых, которая в том же году была отпечатана в Киеве.

В то время всю Русскую Церковь продолжал сотрясать соблазн раскола. Святитель Димитрий действовал против него, в первую очередь, духовным просвещением, исправлением нравов и всей жизни духовенства, в которой случалось тогда немало зазорного, что давало раскольникам поводы для критики и обличения православных. Однако ограничиться этим святитель не мог, когда в его митрополии ожесточившиеся раскольники постоянно мучили народ, призывая его к неповиновению духовной и государственной власти, а некоторые — и к массовым самосожжениям.

Чтобы обличить неправды раскольников всеобъемлющим образом, святитель Димитрий предпринял в 1709 году подлинно научное исследование, написав трактат «Розыск о Брынской вере», в котором дан богословский анализ лжеучений раскольников; обозначены причины их ожесточения, заключающиеся в горделивом невежестве; описаны их нра-

вы, исполненные лукавства; запечатлены их деяния, проникнутые духом неприязни. Сочинение получило название от Брынских лесов, располагавшихся на территории нынешней Калужской области, где массово селились раскольники и где было известно до пятнадцати разновидностей их учения.

В то время раскол в сравнении с Великороссией мало затронул Малороссию и Белоруссию с Литвой. Там куда актуальнее было противостояние агрессивной пропаганде папства. Но святитель Димитрий за время пребывания на Ростовской кафедре воспламенился ревностью о спасении вверенных ему Богом людей, так что все свои способности, все знания, весь духовной опыт, всю энергию посвятил устранению соблазна раскола. Он знал, что его ждут поношения и проклятия со стороны наиболее ожесточившихся людей, но не остался сторонним наблюдателем, а воистину стал душу свою полагать за паству свою.

Многие, кто узнавал близко святителя, почитали его как человека Божия. Он же не кичился ни перед кем своими дарованиями, а всё более погружался в пучину смирения. Так он писал своему другу справщику Печатного Двора в Москве монаху Феологу: *«Несъм таков, якова же любовь твоя нещует мя быти. Несъм благоденствен, но злонаствен, обычаев худых исполнен, и в разуме далече отстою от разумных; буй есмь и невежа; а светение мое есть едина тьма и прах... Молю же братскую твою любовь помолиться о мне Господу, свету моему, да просветит мою тьму, и изыдет честное от недостойного».*

Чрезмерность трудов подкосила здоровье святителя Христова, зато дух его окреп, и труды, это деятельное крестоношение, стали для митрополита Димитрия прямой и близкой дорогой в Царство Небесное. Он созрел для того, чтобы стать обителью Бога Вседержителя, и Господь не замедлил принять его в Свои объятия, послав лишь краткую предсмертную болезнь, за которой тотчас последовало избавление и утешение.

Святитель наперёд объявил некоторым из близких людей о своей кончине в ближайшие дни. 26 октября, в день своего тезоименитства, он совершил литургию, но проповеди сказать уже не смог по причине слабости. Вечером он призвал к себе певчих, которые исполняли песнопения, сочинённые самим святителем Димитрием. Потом он оставил при себе одного из них и пересказал ему кратко свою жизнь. Благословив его, святитель поклонился ему едва не до земли. Тот удивился и сказал: «Мне ли, владыко святой, последнейшему рабу твоему, ты так кланяешься?», на что тот лишь ответил: «Благодарю тебя, чадо».

Утром следующего дня святитель был найден почившим. Смерть его застала стоящим на коленопреклоненной молитве. В завещании было сказано, чтобы не искали по его кончине каких-либо денег, потому что он их никогда не собирал, а всё, что ему давали, тратил на украшение церкви или раздавал неимущим. Из имущества после святителя осталась только библиотека.

Согласно уговору между святителем Димитрием и его другом митрополитом Рязанским Стефаном Яворским, если один из них умрёт раньше другого, этот другой должен совершить обряд погребения. По причине осенней распутицы митрополит Стефан прибыл в Ростов только к концу ноября. Поэтому весь Ростов был свидетелем чуда: хотя тело митрополита Димитрия почти месяц лежало во гробе в храме, его не коснулось тление. Отпевание состоялось 25 ноября. Во время совершения службы митрополит Стефан не мог сдержать своих чувств и восклицал с убежденностью: «Свят Димитрий, свят!» Он был погребён в том самом углу Зачатьевского собора, на который указал, впервые в жизни прибыв в Ростов.

21 сентября 1752 года, когда в этом храме перестилали полы, получилось так, что крышка гроба святителя оказалась повреждённой упавшим на неё бревном. Сквозь пролом был виден лик митрополита. Тогда было засвидетельствовано нетление тела святого. Его с торжеством достали из-под спуда и переложили в великолепную раку с сенью в том же самом углу соборного храма Спасо-Яковлевской обители. В 1757 году митрополит Ростовский Димитрий был причислен к лику святых.

Очень скоро его имя прославилось по всей России. Поэтому закономерно, что построенная в низовьях Дона в 1761—1763 годах крепость получила имя святителя Димитрия Ростовского. Постепенно её стали называть просто Ростовской крепостью. Благодаря выгодному географическому положению она довольно быстро превратилась в город, который с 1806 года стал официально называться Ростовом. Так святитель Димитрий Ростовский, пришедший с юга на север, потом именем своим вернулся на юг. Теперь Ростов-на-Дону раз в сорок превосходит численностью населения Ростов Великий, сообщивший ему через святителя Димитрия своё имя.

Думаю, здесь уместно будет сравнить двоих современников: гетмана Ивана Мазепу и митрополита Димитрия Ростовского. Первый вынашивал идею «самостийности» Украины, второй почитал Россию общим домом отдельных ветвей русского народа.

Оба они родились неподалёку от Киева: один в Макарове, другой — близ Белой Церкви. Оба в своё время получили образование в одном учебном заведении — Киево-Могилянской коллегии. А вот дальше их пути кардинально расходятся. Юность Мазепы прошла при дворе польского короля Яна Казимира с его пышностью, интригами, романтическими похождениями. Юность Даниила-Димитрия прошла в монастырских стенах в напряжении молитвы и научных занятий.

После позорной истории с женой пана Фальбовского Мазепа ушёл в казаки, и здесь его более всего волновало продвижение по службе, стремление к всё большей полноте власти, чего он и добился, вовсе не имея полководческого таланта. Святитель Димитрий, имея значительные дарования от Бога, всю свою жизнь избегал начальственных должностей.

Иван Мазепа постоянно льстил высшим себя властям, одновременно затевая против них интриги, почему путь его отмечен незаконными казнями побеждённых соперников. Святитель Димитрий никому не льстил, а заботился о том, чтобы наилучшим образом вести порученные ему дела. Он позволял себе перечить власть предержавшим в высших интересах того дела, за которое отвечал. Через эту твёрдость он снискал себе их уважение.

Иван Мазепа стал «одним из богатейших феодалов Европы», а святитель Димитрий не скопил ни гроша.

Иван Мазепа попрал присягу, произнесённую перед святым Крестом и Евангелием, изменив своему царю в ходе тяжелейшей из войн, за что снискал вечное проклятие. Святитель Димитрий остался до конца верен монашеским обетам, до конца верен как небесному Царю, так и земному, которому как гражданин России давал присягу.

Мазепа скончался трясущимся от страха в турецких владениях, и могила его забыта. Святителя Димитрия Бог прославил нетлением, и к раке с его мощами тянется народ не первое столетие.

Стремление к самостийности, постоянно питая мазепинскую гордыню, привело его к гибели. Любовь Христова, постоянно питая смирение святителя Димитрия, привела его к вечной славе.

Крестом Мазепы награждали нацистских преступников, а имя святителя Димитрия славно будет до скончания века во всей Церкви Христовой.

п. Каменники Рыбинской епархии

НА РУИНАХ ОДНОПОЛЯРНОГО МИРА

В нынешней администрации США открыто заявляют, что не намерены никому уступать роль доминирующей державы в современном мире, и новый мировой порядок там решили выстраивать только по своим лекалам.

Так, в конце декабря 2021 года госсекретарь США Энтони Блинкен, фанатический сионист, известный своим участием в разработке первых санкций против России еще при Обаме, заявил, что США намерены и впредь играть только ведущую роль на мировой арене. Госсекретарь объявил, что «лидерство США необходимо», так как «мир не организует себя сам», а поэтому без их участия «получается хаос». Блинкен добавил, что по итогам личных встреч и бесед со своими зарубежными коллегами он пришел к выводу, что «каждый регион мира откровенно радуется участию и лидерству США». Вот так и не иначе!

То, что Блинкен упорно выдает желаемое правителями США за действительное, никого не удивляет уже потому, что они действуют исключительно с позиции силы, и если идут на компромиссы, то только для того, чтобы вве-

ТАЙНОЕ И ЯВНОЕ

сти своего противника в заблуждение. Так было, например, с «Минскими договоренностями», пообещав реализовать которые, США и их союзники по НАТО, как недавно признала экс-канцлер Германии Меркель, просто отвлекали внимание Москвы от лихорадочных приготовлений киевского режима к нападению на ДНР и ЛНР, Крым и другие исконно российские земли. Теперь и в Киеве уже не скрывают, что подготовка к этой агрессии велась совместно с США и другими странами НАТО с самого момента провозглашения независимости Украины, т.е. более 30 последних лет.

Как всегда, в Вашингтоне, претендуя на статус некоего вселенского светоча демократии и морали, не стесняются поучать суверенные государства, в первую очередь Россию и Китай, как им вести себя в современном мире и строить отношения с другими государствами. Не отстают по этой части и Великобритания, и страны Евросоюза. Причем предлагают слушать их безропотно и покорно. Как в мультике «Бременские музыканты»: «Ну-ка все вместе уши развесьте! Лучше по-хорошему хлопайте в ладоши нам!»

Естественно, возникает вопрос «А кто вы такие, господа, чтобы поучать весь современный и далеко уже не однополярный мир, будучи по всем своим родословным, назовем вещи своими именами, беспардонными агрессорами и захватчиками, гангстерами и убийцами, жуликами и аферистами?»

Напомню общеизвестные истины. Англосаксы отметились в современной истории как самое агрессивное и кровавое племя. Под британской короной веками безнаказанно осуществлялся геноцид коренных народов — от аборигенов Австралии и Новой Зеландии до коренных народов Северной Америки. Позорным клеймом отмечены США за века работорговли и рабства на их территории. И хотя отмена рабства была декларирована 13-й поправкой к Конституции США от 1 февраля 1865 года, четверть штатов ее не ратифицировала. Формально последним это сделал штат Миссисипи лишь в 2013 году.

По данным австралийской партии Wikileaks, США с 1945 года уничтожили и разрушили 73 государства и ответственны за гибель 25 млн. человек. Только во Вьетнаме убили, отравили химикатами и заживо сожгли напалмом три миллиона человек.

Великобритания практиковала в своих колониях геноцид местного населения. По разным оценкам, по указанию британского правительства было уничтожено до 90—95% аборигенов Австралии в ходе ее колонизации. Их изводили, охотились на них, как на диких животных. Война английской

короны с коренным народом Тасмании в начале XIX века привела практически к полному истреблению тасманийцев. Их травили ядами, загоняли в пустыни, где они умирали от голода и жажды, охотились на них, как и в Австралии.

К 1835 году в живых осталось всего около 200 человек. Ряд британских историков расценивает эту войну именно как геноцид.

Англичанам со школьной скамьи внушают, что британские колонизаторы якобы принесли «отсталым народам» цивилизацию на своих штыках. Ридьярд Киплинг писал с восторгом в связи с этим о «бремени белого человека». Но истина заключается в том, что подлинное бремя британской колонизации несла на себе едва ли не половина земного шара, занятая Британской империей, где, как хвастливо говорили в Лондоне, «никогда не заходит солнце». В ходе своих завоеваний англичане уничтожали цивилизации коренных народов, в том числе куда более древние, чем европейская.

Как-то во время одной из моих поездок в Англию я зашел в Британский музей, где выставлены трофеи, захваченные англичанами в ходе их колонизаторских походов. На одном из стендов африканского раздела были выставлены воинские доспехи удивительно тонкой чеканки, что явно свидетельствовало о высоком уровне развития уничтоженной в Африке древней цивилизации, которая оказалась беззащитной перед пушками и винтовками англичан. Примерно 13 млн. человек было вывезено с этого континента в качестве рабов. Количество погибших при этом в 3—4 раза больше количества вывезенных. Общее число жертв достигало ориентировочно десятков миллионов человек.

Страшными преступлениями отмечена британская колонизация стран Индостана, едва не погубившая существовавшие там тысячелетние цивилизации и наследие ариев. Конечно, в Британском музее никогда не выставят знаменитую картину русского художника Василия Верещагина «Дьявольский ветер». На ней изображена распространенная в XIX веке в Индии казнь, которую именно британское руководство придумало для подавления восстания сипаев. Приговоренного привязывали к жерлу пушки и умерщвляли при выстреле из нее сквозь тело жертвы. Эта одна из самых варварских в истории цивилизаций казней.

Английские и голландские Ротшильды десятилетиями травили наркотиками граждан Китая, получая на этом колоссальную прибыль. Англия всячески поддерживала эту операцию. Преследуя свои геополитические цели, она смогла наладить поставку опиума на территорию Китая и получила

колоссальную прибыль. Кроме того, достигалась и военно-стратегическая цель — разложение китайской армии и народа, потеря ими воли к сопротивлению. Стремясь спасти страну, китайский император в 1839 году начал массивную операцию по конфискации и уничтожению запасов опиума в Кантоне. Лондон отреагировал на это войной — так начались «опиумные войны». В итоге Китай потерпел поражение и вынужден был принять кабальные условия англичан. «Пока Китай остается нацией наркоманов, нам не стоит бояться того, что эта страна превратится в серьезную военную державу, так как эта привычка высасывает жизненную силу из китайцев», — так завершил свое выступление в 1895 году британский консул в Китае Дж. Херст на заседании Королевской комиссии по опиуму. Только в 1905 году власти Китая смогли принять и начать выполнять программу поэтапного запрета опиума.

В противостоянии с Россией международный сионизм и его командные центры всегда предпочитали действовать тихой сапой, укрываясь за спинами своих хозяев в США и Западной Европе. Вот и в наши дни, придерживаясь официально нейтралитета в конфликте на Украине, Израиль всячески способствует его разжиганию. И это касается не только глобальной русофобской кампании через контролируемые сионистским капиталом СМИ и соцсети, где окопались беглые «звезды» еврейского происхождения вроде гражданки Израиля Ксении Собчак, иноагентов Шендеровича, Познера, Гозмана, Фейгина и прочих экс-«властителей умов» из российской пятой колонны, перешедших на содержание западных спецслужб.

Как сообщила Николь Танг, израильский корреспондент газеты «Нью-Йорк таймс», известной как рупор сионизма: «Пентагон, по признанию американских и израильских официальных лиц, использует свои огромные, но малоизвестные склады американского вооружения в Израиле для покрытия нехватки артиллерийских снарядов и другого вооружения, в которых нуждается Украина. Эти склады использовались Пентагоном в ряде конфликтов на Ближнем Востоке». Теперь оттуда на Украину перебросят тысячи артиллерийских снарядов.

Помощь Израиля неонацистскому режиму Зеленского и всяческое лоббирование финансовой и военной помощи ему заставляют, и не впервые, вспомнить о том, что сионисты активно сотрудничали с нацистами до Второй мировой войны и во время нее. Об этом позоре сионизма всегда будет напоминать медаль, изготовленная Министерством пропа-

ганды Геббельса, на одной стороне которой была выбита фашистская свастика, а на другой — Моген Дэвид, шестиконечная звезда, символ сионизма и теперь государства Израиль. Сегодня этой медалью впору награждать сиониста Зеленского, который всячески поощряет деятельность неонацистских формирований вроде «Азова» и делает всё возможное для того, чтобы увековечить память гитлеровского пособника Степана Бандеры и его дивизии СС «Галичина», а памятники тем советским солдатам и военачальникам, которые освобождали Украину от фашистского зверья, сносит по всей стране. Память о преступлениях пособников фашистов всячески замалчивают в стране, где никогда не заживет кровавая рана Бабьего Яра, в котором бандеровцы вместе с гитлеровцами расстреляли тысячи киевских евреев. А теперь при сионисте Зеленском и его неофашистском окружении ветераны «Галичины» и их последователи на Украине маршируют по улицам с фашистскими символами и штандартами со свастикой. Неужели в Израиле забыли о Холокосте, жертвами которого стали практически все украинские евреи? А президент США и его сионистское окружение во главе с госсекретарем Блинкином, как мы понимаем, намерены и дальше закрывать на это глаза.

Бандеровский режим на Украине с момента переворота 2014 года и по сей день осуществляет геноцид русского населения Донбасса, подвергая почти круглосуточным обстрелам ДНР и ЛНР. Жертвы этой людоедской практики, заклеянной ООН и другими международными организациями как преступление против человечности, исчисляются уже десятками тысяч. На самой Украине и на оккупированных украинскими землями Донбасса осуществляется открытый этноцид русского населения. Русский язык запрещен, за разговор на нем на улице арестовывают и штрафуют. Русские школы закрыты. Книги русских классиков сжигают публично. И всё это происходит, как и все другие преступления режима Зеленского, без всякого осуждения Израилем и другими странами коллективного Запада.

Неотъемлемой частью политики этноцида по отношению к русским на Украине стал захват Киевско-Печерской лавры и храмов РПЦ раскольниками из ПЦУ, отколовшейся от Украинской Православной Церкви Московского патриархата. Святотатство их дошло до предела. Раскольники из ПЦУ/СЦУ под руководством предателя Епифания предложили причислить к лику святых заметно дебилизирующего президента США Джо Байдена, который здоровается с невидимыми собеседниками и путается в направлениях, и кано-

низировать его в качестве «спасителя Украины»! Ни больше ни меньше! В раскольничьей ПЦУ/СЦУ под руководством Епифания в угодничестве перед Вашингтоном готовы пойти на любое святотатство в своем русофобстве, граничащем с умственным расстройством. Зеленского на Украине нередко называют клоуном. Но не только потому, что, работая в шоу-бизнесе до избрания его президентом, он веселил публику своими развлекательными программами. Но и потому, что своими публичными декларациями о приверженности демократии, справедливости и порядочности он вызывает только смех даже у людей его малознающих.

Зеленский — послушная марионетка США, находящаяся на их содержании. Он военный преступник, готовый воевать «до последнего украинца». На нем кровь многих тысяч жертв ежедневных обстрелов Донбасса, Запорожья, а теперь и приграничных с Украиной районов России, подрыв Крымского моста и аэродрома в Энгельсе. Он — коррупционер, вор и мошенник, прикрывающий аферы сына президента Байдена на Украине. Он напрямую связан с продажей на сторону крупных партий полученного с Запада оружия и боеприпасов. Он замешан в сделках с украинским зерном, в результате которых зерно, предназначенное для бедных стран по решению ООН, уходило в Европу и США. Зеленский — убийца. Он сквозь пальцы смотрит на убийства российских военнопленных, пытки и издевательства над ними. Его спецслужбы подвергают избиению и пыткам негодных его режиму политиков, организуют расправы с его политическими противниками. Но самое страшное его преступление заключается в том, что именно по его приказам в мясорубку на передовой бросают в заведомо провальные атаки молодых ребят, в том числе необученных, против чего протестуют даже украинские военачальники.

И эта мразь, готовившая с момента своего прихода к власти нападение на Россию по сценариям Пентагона, позволяет себе свысока поучать нас, обвинять нашу страну и ее лидеров во всех смертных грехах, готовить против них покушения и теракты, да еще «требовать» при этом передать киевским неонацистам исконно русские территории!

История учит нас, что крах империй начинается, как правило, с падения морали и нравов как их правителей, так и их подданных. Империя по имени «Пакс Американа» (в переводе «Американский мир») не исключение, а лишь подтверждение этого наблюдения историков и цивилизациологов. Коллективный Запад и в прошлом веке не отличался высокой моралью и нравственностью, но с наступлением века XXI

его моральное разложение и упадок нравов достигли своего апогея. Там не только перестали стыдливо скрывать, но и принялись пропагандировать и даже возводить любой разврат и половые извращения в норму закона и бытия. Докатились господа до того, что принялись готовить закон о легализации педофилии!

Запад гниет на корню. И речь уже не идет об извращениях из ЛГБТ-сообществ, устанавливающих во всех странах коллективного Запада свои нормы антиморали, «стандарты» сексуальных, а точнее, гомосексуальных отношений и даже юридические нормы однополых браков. В норму возводится богохульство. Бывшая министр культуры Франции Розелин Башло в интервью английской газете Times рассказала, что после того, как в результате пожара в Соборе Парижской Богоматери рухнул шпиль, первая леди Франции Брижит Макрон поддержала проект, в котором предлагалось «создать шпиль в виде поднятого фаллоса». И очень была расстроена, когда этот проект отвергли. Напомню, что эта дама, будучи учительницей в школе, легла под своего ученика Эммануэля Макрона, который был вдвое ее моложе, но зато оказался через 20 лет президентом Франции.

«О времена! О нравы!» — воскликнули бы древние... Нет ничего более отвратительного, чем гей-парады, которые мне не раз приходилось наблюдать в Австралии, Франции, Англии и США под лозунгом «гей прайд», т.е. «гордость геев». От вспотевших мужиков в цветных париках, с волосатой грудью, напомаженных и с накрашенными губами, обнимающих и лобызающих друг друга, несло таким отвратительным «амбре», что это могло вызвать только рвотный эффект у нормального человека. Впрочем, как и после просмотра в ходе этих парадов лесбиянок, которые публично поделиться на Западе таким ощущением — засудят... Хотя и детей водят смотреть такие «шоу». Им со школьной скамьи внушают, что всё это нормально и даже хорошо, что не надо говорить папа или мама, а лучше — родитель № 1 и родитель № 2.

Как это ни позорно для России, где все религии осуждают гомосексуализм как смертельный грех, в нашем шоу-бизнесе он стал едва ли не пропуском на эстраду, и звездные геи даже похваляются своей принадлежностью к ЛГБТ-сообществу.

Федор Михайлович Достоевский писал о «пределах человека», которые определяют его идентичность. Один из таких важнейших пределов человека — семья. И именно поэтому

«бесы» всех времен, стремились ее разрушить. Но на Западе подобный сатанизм легализован законом. Возведение гомосексуализма в норму человеческого бытия и даже в показатель продвинутой современной цивилизации неизбежно повлекло за собой нарушение других табу и пределов человеческого сообщества, что неизбежно обернулось деградацией самой идеи гражданского общества по Локку и понятия «нормальность». Вседозволенность по Достоевскому разрушает и человека, и государство. Как «эталон свободы» она была известна еще в Древнем Риме и обернулась полным маразмом и разложением общества, особенно при Калигуле, а потом и падением Римской империи, но современные «патриции» добиваются утверждения ее не только в быту, но и в законодательстве. То, что в конечном итоге это приведет к коллапсу самой идеи государственности, очевидно. Но в этом и состоит замысел тех «мудрецов», которые веками стремились к господству над другими народами и их богатствами, к мировому господству.

Всё начиналось, казалось бы, с невинных призывов и безответственных заявлений лидеров протестных движений. В начале XX века один из идеологов футуризма итальянский художник-абстракционист Ферлингетти выбросил лозунг: «Давайте смело творить безобразия!». В России футурист Бурлюк вскоре после революции призывал «сбросить с корабля современности» всех классиков — от Рембрандта до Пушкина. Нацисты после фашистского переворота устраивали костры из книг «неарийских» авторов, прежде всего русских классиков.

В 70-е годы «новые левые» в США, Франции, Германии и даже в Японии выдвинули лозунг, родившийся в окружении лидера бунтарей Даниэля Кон-Бендита в Сорбонне, — «Запретить запрещать». Разрушение основ всей европейской и даже традиционной японской цивилизаций привело только к их ослаблению и полному подчинению всего западного мира американскому «Городу на холме».

С начала специальной военной операции США и их союзники уже выделили Украине более 100 млрд. долларов. В январе этого года было объявлено, что они готовят новый пакет военной помощи на три миллиарда долларов.

В топку войны бросают без оглядки и самое современное, мощное оружие, включая ракеты, танки, системы ПВО и залпового огня. По оценке генсека НАТО Столтенберга, военная поддержка ВСУ — это «самый быстрый путь к миру». И хотя серьезные военные эксперты в США, Западной Европе и Азии всё чаще говорят о бесперспективности попыток За-

пада затянуть конфликт на Украине, натовцы продолжают раздувать пламя войны.

Во время недавней встречи с руководителями российских СМИ министр иностранных дел РФ Сергей Лавров заявил, что у Запада скоро будет всё меньше возможностей диктовать всему миру свои правила. «Я вас уверяю: в ближайшее время мы будем наблюдать сокращение возможностей Запада, очень серьезное сокращение возможностей рулить в мировой экономике так, как ему хочется. И хочет он или не хочет — придется договариваться, мы, как уже не раз говорили, за ними бегать не собираемся. Они разорвали практически все отношения. У нас есть с кем развивать взаимодействие в экономике, социальной сфере, в культурной сфере, спортивной, в конце концов, и мы будем ориентироваться на тех, кто нас никогда не подводил», — сказал Сергей Лавров.

«ПРИШЛИ РУССКИЕ, МЫ СПАСЕНЫ!»

Известный своими русофобскими высказываниями 14-й премьер-министр Израиля Яир Лапид как-то давным-давно, на заре своей политической карьеры во время визита в Москву вспоминал, что русские солдаты спасли его отца, который находился в конце войны в будапештском гетто.

«Он должен был умереть, — признался Лапид, — но однажды услышал, как люди говорили на языке, которого он не понимал. И моя бабушка вдруг подняла голову и сказала: «Это русский язык. Пришли русские, мы спасены!»

История вполне обычная для массы еврейских семей. Недаром, 9 Мая в Израиле с недавних пор справедливо стал полноценным праздником. Иной вопрос, надолго ли?

По иронии судьбы на сегодняшний день сложилось так, что еврейский народ оказался одним из самых главных хранителей памяти о подлинной истории Второй мировой войны в мире, когда нет-нет да и проскользнёт где-нибудь зловонный выхлоп, что Освенцим освобождали не советские войска, а если и освобождали — то очень неправильно. Именно память о Холокосте является сегодня неким сдерживаю-

ТАЙНОЕ И ЯВНОЕ

щим инструментом, который мешает русофобам переписать историю Второй мировой войны окончательно. Похоже, два Богом избранных народа оказались намного ближе друг к другу, чем многие предполагали? Понимаю, вопрос острый, а значит... самое время для анекдота.

Помните, про еврея, которого нашли одного на необитаемом острове, где он успел построить две синагоги. Когда его спросили зачем, он воскликнул: «Как?! Одна, чтобы в неё ходить, а вторая, чтобы ноги моей там не было».

Двойная игра так называемого сионизма и есть главный лакмус еврейского вопроса. Поясню.

«Ротшильд, друг всей антисемитски настроенной знати...», — писала основоположница теории тоталитаризма Ханна Арендт в своей нашумевшей книге «Истоки тоталитаризма».

Американский историк Вебстер Тарпли о событиях Второй мировой войны писал: «Американо-еврейский комитет, контролируемый Варбургами, и масонская ложа Бнай-Брит опубликовали официальное совместное заявление двух организаций, где рекомендовалось «не поощрять ни один бойкот против Германии». Они продолжали эту жёсткую линию пресечения любых нападок на Гитлера на протяжении всего периода 30-х годов. Таким образом, сионистские лидеры сыграли зловещую роль в поддержке нацизма. Банкиры Ротшильды и Варбурги препятствовали появлению любой информации о том, кто и как финансировал приход Гитлера к власти».

Будучи убежденным антисемитом, Гитлер никогда почему-то не был ярым антисионистом. В истории фашистской Германии с 1933-го по 1945 год вы не найдете ни одного упоминания о судебном процессе над сионистами. Простых евреев — да, преследовали, ограничивали в правах, расстреливали.

Известно, что в 1933 году между министерством экономики третьего рейха и лидерами сионистского движения было заключено так называемое соглашение «Хаавара», согласно которому еврейским эмигрантам разрешался прямой трансферт их денег и имущества в Палестину. Механизм операций был простой: еврей-эмигрант клал в немецком банке энную сумму денег, а по прибытии в Палестину получал ее. Разумеется, с этой операции нацисты имели свой процент.

Таким нехитрым способом осуществлялся вывоз еврейских капиталов из Германии и происходило их инвестирование в колонизацию Палестины. Всего за 5 лет (с 1933 по 1938 год) сионистам удалось перекачать в Палестину огромную сумму денег.

Пьер де Вильмаре в книге «Досье Сарагоса» описывает этот процесс так: «С 1935-го по 1941 годы Гитлер, Розенберг, Гейдрих, Мюллер, все они одобряли идею отправки евреев в Палестину. Ялмар Шахт, министр финансов Гитлера, даже отправился в 1938 году в Лондон, чтобы убедить англичан облегчить доставку евреев из Европы в эту Землю обетованную».

Ну а дальше было то, о чём заявлял первый президент государства Израиль Хаим Вейцман: «Самая ценная часть еврейского народа уже находится в Палестине, а те евреи, которые живут за пределами Палестины, — не представляют для нас никакой ценности». И это в самый разгар Холокоста! Ближайший соратник Вейцмана, господин Шринбаум, в своем потрясающем цинизме по отношению к жертвам нацизма шёл еще дальше: «Одна корова в Палестине стоит всех евреев Европы» («Russian Forward», 28.01 — 3.02 2005).

В книге Татьяны Грачевой «Невидимая Хазария» приводится пронзительная цитата еврейского раввина Михаила Вайсманделя, который во время Второй мировой войны обратился к сионистам с такими словами: «Неужели вы не чувствуете себя виноватыми, наши еврейские братья? Жестоки вы и вы убийцы тоже из-за вашего хладнокровного молчания, с которым вы это наблюдали, потому что вы сидели, сложив руки, и ничего не делали, хотя могли бы остановить или воспрепятствовать убийству в тот самый час. Вы — наши братья, сыны Израиля, неужели вы обезумели? Неужели вы не знаете об аде, окружающем нас? Для кого вы бережете свои деньги?.. Убийцы!»

Стоит помнить, чем оборачиваются плохо выученные исторические уроки. Нацизм жив, и еврейский народ, в равной степени как и русский, остаётся одной из его главных целей.

Согласитесь, по логике вещей в связи с торжеством неонацизма на Украине, Израиль должен попросту разорвать все дипломатические отношения со странами НАТО и со своей стороны ввести против Украины жесточайшие санкции. А как же иначе? Ведь неонацисты Зеленского ставят памятники тем, кто уничтожал евреев десятками тысяч, жёг, резал, расстреливал, живьём закапывал в братских могилах. Именами этих палачей, руки которых по локоть в еврейской крови, называют улицы в городах, школы. Эти убийцы для Украины сейчас герои. Да, Израиль ближайший союзник США, а американцы очень «любят» Украину, но неужели еврейский народ готов терпеть издевательства над священной памятью о погибших и жестоко умученных только из-за этого?

Моё пространное вступление не напрасно... К чему я веду? А веду я к фигуре нашего главнокомандующего. Всего пару штрихов к портрету Вл. Путина, и у читателей станет меньше вопросов, сомнений, а главное будет побеждено всякого рода пустозвонство и пустобрехство недалёких умом ура-патриотов и откровенных наймитов Запада, которое липкой дурью поплыло по сети, в частности, после громкого увольнения верховным героического Алексея Павлова.

Непримиримый лай в адрес действующего президента в отношении его юдофилии, Интернет, пестрящий заголовками типа: «Путин — тайный агент Хабада», не выдерживают и детской критики. Дешевые уловки представителей пятой колонны нацелены расшатать государство с помощью пресловутого еврейского вопроса. Позиция Вл. Путина по еврейскому вопросу взвешена и политически выверена, комар носа не подточит. Судите сами.

9 июля 2014 года Вл. Путин пригласил в Кремль руководителей еврейских общин, которым в лоб сказал, что считает еврейские организации — главными союзниками России в борьбе против нацизма. Все, конечно, поняли, что речь идёт о нацизме, который в то время уже стремительно набирал силу на Украине и в Европе, и который, как мы уже выяснили, исторически культивируют некоторые еврейские организации.

Президент России напомнил собравшимся в Москве иудеям, что «в годы Второй мировой войны еврейский народ сражался с фашизмом и нацизмом бок о бок с советским народом. И нужно быть очень наглым, чтобы отрицать то, что было. Но, к сожалению, эта наглость часто достигает своей цели. Геббельс, главный идеолог нацизма в гитлеровской Германии, говорил: «Чем невероятнее ложь, тем быстрее в неё поверят». Те, кто сегодня передёргивает историю, кто старается поменять местами преступников и жертвы, кто делает всё, чтобы принизить заслуги тех, кто уничтожил нацизм, они действуют по той же самой логике».

Обращало внимание, что речь Путина начиналась с цитирования слов одного из присутствовавших там раввинов: «Объявлять целый народ врагом — это сумасшествие!» Повторив эти слова, Путин выразил своё согласие с этой мыслью раввина, сказав: «Это опаснее, чем сумасшествие!» Имея в виду, естественно, русский народ и день ото дня крепчающую в мире русофобию.

Речь президента в том числе указывала и на существующую проблему в сообществе мирового еврейства, когда это

самое сообщество разделилось внутри себя на два лагеря: на просто евреев, и на «иных».

Годом раньше, а именно 13 июня 2013 года, произошло ещё одно знаковое событие, когда Вл. Путин передал часть библиотеки Шнеерсона московским хасидам. В тот день президент мягко намекнул собравшимся в Еврейском центре толерантности в Москве, что он может легко открыть «ящик Пандоры», если «мировое еврейство» не умерит свой пыл. Ради порядка приведу полную и точную цитату:

«Решение о национализации этой библиотеки было принято первым советским правительством. И членами его являлись примерно на 80—85% евреи. Но они же, руководствуясь ложными идеологическими соображениями, шли тогда на аресты и репрессии и иудеев, и православных, и представителей других конфессий, мусульман. Они всех гребли под одну гребёнку. И вот эти идеологические шоры и ложные идеологические установки, они, слава Богу, рухнули. И мы действительно сегодня передаём, по сути, еврейской общине эти книги».

Другими словами, в массовых убийствах евреев большевиками можно винить евреев-сионистов. Вот что в тот день ласково и нежно сказал хабадникам наш президент. Согласитесь, настоящая дипломатическая бомба! Говоря о том, что «шоры рухнули», Владимир Владимирович, конечно же, выдавал желаемое за действительное, но такова была его установка, так сказать, условия и гарантии мирного сосуществования.

Так что это было? Зачем говорить столь пронзительную речь в столь «интересном» обществе? Провокация? Злой умысел? Неосведомлённость Путина о том, с кем именно он говорит? Я вас умоляю... В далёкие девяностые с подкаски Абрамовича Путин сам привёл, разумеется, заручившись лояльностью заинтересованных сторон, всем ныне известного равва Лазара. Именно после этой речи по сетям понеслось: «Путин вдохнул новую жизнь в старую антисемитскую ложь», Путин — антисемит, новый Гитлер и, наконец, новый Аман.

17 марта 2014 главный раввин Днепропетровска Шмуэль Каминецкий, отмечая Пурим в вверенной ему «епархии», при большом стечении народа заявил, что Путин — новый Аман. Выступая перед Днепропетровской общиной, Шмуэль, в частности, сказал: «Мы живем вместе с украинцами вместе уже 1000 лет. И Украина — наша Земля. Сегодня мы будем читать свиток Эстер, как читали его тысячи лет в Пурим. И именно сегодня это чтение имеет

особое значение. Именно сегодня, новый Аман, наш общий с украинцами враг, стоит совсем рядом...»

Поводом к такому вопиющему заявлению раввина Каминецкого стало поистине ужасающее для диаспоры происшествие. Только представьте, 16 марта 2014 года в Днепропетровске евреи праздновали свой победоносный Пурим, а тем временем в Крыму в этот же день (!) проходил референдум, на котором крымчане большинством голосов проголосовали за отделение Крыма от Украины и за присоединение к России.

Таким образом, 16 марта 2014 года раввин Каминецкий, выступив перед Днепропетровской еврейской общиной с пламенной речью, раскрыл секрет, что это вовсе не Украина потеряла часть своей территории, это иудеи, считающие Украину — своей «Обетованной землёй», потеряли часть своей территории. И за это они теперь не испытывают к Путину ничего, кроме ненависти.

Для понимания сути «аманства» и оценки меры накала хабадских страстей приведу справку из «Еврейской энциклопедии»: согласно библейской Книге Есфири Аман — злодей из рода Амалека, родоначальника народа амалекитян. Будучи советником персидского царя, он задумал истребить всё еврейское население Персидской империи. Но благодаря раскаянию евреев и возвращению их к Всевышнему, план Амана был разрушен, а сам он и десять его сыновей казнены. Параллельно мимоходом были уничтожены 75 тысяч персов. В память о спасении евреев от истребления Аманом-амалекитянином установлен весёлый еврейский праздник-карнавал, на котором евреи готовят треугольные печенки с названием хомен-таш, то есть «уши Амана».

К слову, Хабад любит подчёркивать, что Иосиф Сталин умер (по мнению многих, был отравлен) именно в день празднования так называемого Пурима.

На церемонии оглашения послания президента Федеральному Собранию 21 февраля мелькали представители всех религиозных конфессий, кроме иудеев. Не пришли? Не захотели «светиться»? Присутствовали, но в гражданском?

Наконец-то ФСБ обнародовала свидетельства того, как поляки убивали узников Освенцима. Весьма своевременно!

На своё место встает и «пазл» Сергея Лаврова, который недавно обвинил США в попытке сформировать коалицию европейских стран для решения «российского вопроса», ссылаясь на нацистский план геноцида еврейского народа во время Второй мировой войны, известный как «окончательное решение». «Они ведут войну против нашей страны с од-

ной и той же задачей: «окончательное решение» российского вопроса», — сказал Лавров, которого цитирует Reuters.

Как вопил по этому поводу Жозеп Боррель — нужно было только слышать! «Последние комментарии Лаврова, обвиняющего «Запад» в поиске «окончательного решения» для России, совершенно неуместны, неуважительны и попирают память шести миллионов евреев и других жертв, которые систематически убивались во время Холокоста. Это дополняет предыдущие антисемитские высказывания министра Лаврова», — ядовито брызгал слюной Боррель.

Это всё звенья одной цепи.

А под конец такой факт. Вениамин Вениаминович Фультмахт не таранил на самолете колонну фашистских танков, не закрывал своей грудью вражеский дот, не поднимал из окопов в атаку солдат. Он даже не был военным, а всего лишь — инженером-металлургом. Перед началом Великой Отечественной войны в свои 25 лет он стал главным инженером Днепропетровского металлургического завода и в эвакуации создал уникальную технологию производства снарядов, прожигающих танковую броню, а позже — супермашину для литья особо прочной бронированной стали. Коренной днепропетровец, В.В. Фультмахт дважды стал лауреатом Сталинской премии.

Светлана МАКАРОВА-ГРИЦЕНКО,
председатель Краснодарской краевой
писательской организации

ПО ПЛОДАМ ИХ УЗНАЕТЕ ИХ...

Одно из самых важных литературных событий начала 2023 года — февральский XVI отчётно-перевыборный съезд Союза писателей России. В Центральном Доме литераторов делегаты 92-х отделений СПР со всех регионов страны — поэты, прозаики, публицисты, литературные критики, редакторы журналов и альманахов, принимали решения по насущным вопросам, связанным с деятельностью творческого Союза — новой редакции Устава, выборам руководящего состава СПР, по приёму в свои ряды новых организаций Луганска и Донецка. Конечно же, шли на съезде разговоры о современном литературном процессе, состоянии русской словесности, о переводах с национальных языков, работе с молодыми авторами, популяризации чтения...

А у меня, честно признаться, то и дело возникал вопрос: а писательский съезд является событием в общекультурной жизни страны? Конечно, скажите вы, ведь литература — форма сохранения и развития не только высокого стиля языка, но и духовных, нравственных ценностей. К тому же литература, создавая художествен-

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

ные образы, фиксирует события и их героев для будущих поколений, анализируя общественную значимость происходящего, раскрывает его в полновесной смысловой и эмоциональной гамме. На основе сегодняшних стихов, рассказов, повестей и романов будут созданы сценарии для кинофильмов, написаны песни, жанровые художественные полотна. Достаточно вспомнить, что Союзом писателей России подготовлены к изданию и вышли в свет в издательстве «Вече» самые первые всероссийские поэтические сборники «Порохом пропахшие слова», «Стихи из огня», «Честь имею, Россия», антология современной патриотической поэзии «ПоЗЫВной — Победа!», запечатлевшие героизм наших воинов при защите Донбасса в 2022 году.

Но отчего же меня не отпускал этот странный вопрос? Может быть, от того, что деятельность писателей уже много лет курируется не Министерством культуры, а Министерством цифрового развития, связи и коммуникаций РФ. И поэтому можно ли отнести съезд к громкому событию в культурной жизни страны? В этой связи нам самим порой непонятно: создаваемые литературные произведения нужно относить к цифровому развитию, к связи или к коммуникациям? Честно говоря, долгое время эта несуразица казалась мне некой глупостью чиновников. Ведь для каждого нормального человека ясно: писатели — деятели культуры, но никак не айтишники, не связисты и не специалисты по коммуникациям. Так в чём же здесь дело? Зачем и почему писательский творческий Союз, в отличие от других творческих Союзов, закреплённых за министерством культуры, отнесён к цифровому министерству? Увы, в этом нет диссонанса, если рассматривать современную русскую литературу в системе образовательной и педагогической координат.

Более десяти лет назад, из разговора с директором школы в Ростовской области я узнала о том, что на ремонт крыши получить достаточных средств школа не может, а вот на подключение классов к Интернету, на прокладку мощных кабелей и приобретение необходимого оборудования для включения в учебный процесс всемирной паутины выделены суммы в три раза большие. Тогда ещё ни я, ни директор школы ничего не слышали о сверхзадачах программы «Образование 2030» и, конечно, о принятом позже форсайт-проекте «Образование 2030», которые оказались не чем иным, как «переформатированием» отечественного образования под стандарты ТНК (транс-национальных корпораций).

Не знали, что в целях продвижения инновационного бизнеса и необходимого этому бизнесу образования, по распо-

ряжению председателя Правительства РФ в августе 2011 г. было создано Агентство стратегических инициатив (АСИ). Директором группы АСИ «Молодые профессионалы» был назначен Д. Н. Песков (однофамилец пресс-секретаря президента).

Первые версии «общественных» форсайт-проектов для России проверялись зарубежными экспертами, в частности, транснациональной компанией Cisco, являющейся мировым лидером в области сетевых технологий, предназначенных для интернета. Так что не случайно руководство группы «Молодые профессионалы» главное внимание уделяет продвижению онлайн-образования. Д. Песков, не стесняясь, позиционирует форсайт «Образование 2030» как глобальный проект, в рамках которого создаётся кастовое образование. Одна группа учеников — это управленцы, те, кто форсайт делают. Для них образование оформляется как социальный процесс поддержки развития. А вторая каста — это так называемые «люди одной кнопки», которые не должны иметь навыков выбора, достаточно компетенции пользоваться готовыми сервисами. Для этих людей важнейшим мотиватором становятся «заставление», то есть механизмы экономического и внеэкономического принуждения. По мнению эксперта по образованию Ольги Четвериковой, описанный Д. Песковым результат этого кастового образования фактически представляет собой модель современного узаконенного рабовладения: «Людиардеры — это бизнесмены, владеющие командами лучших специалистов. Инвестиционный портфель можно собрать не только из акций компаний, но и из акций людей. Самые подготовленные люди будут всегда хорошо зарабатывать с доходностью отдачи с вложений более, чем с рынка наркотиков. Людиардеры — это богатые люди, у которых капиталы в пакетах владения людьми. Это реальность, биржа работает, где перспективной считается модель венчурных инвестиций в человека, которая уже отрабатывается в США».

И как в этот расписанный до мелочей форсайт-проект впишется русская литература, от первой до последней буквы обращённая к человеку, нацеленная на формирование его взглядов, чувств, характера, пробуждения любви к прекрасному, готовности к борьбе за торжество добра и правды? Однозначно — форсайт-проект «Образование 2030» и русская литература, в основе которой православное миропонимание, полностью исключают друг друга. Отсюда конспирологическая версия: чтобы как можно более снизить в воспитании новых поколений роль живого русского слова, писателей и прикрепили к Минцифре. И пазлы сложились: профессии «писа-

тель» в реестре РФ нет, современные литературные произведения выходят мизерным тиражом и не оказывают влияния на общественное мнение, да и сама цепочка писатель-издатель-магазин-читатель давно разрушена. И всё чаще приходится слышать, что дети после начальной школы не умеют читать!

Вот так все мы плавно переходим в категорию людей «одной кнопки». Так что вполне логично в этом случае, что Союз писателей России, несмотря на просьбы литераторов к главе правительства, курирует не Министерство культуры, а Министерство цифрового развития. Курирует в лице замминистра Бэллы Мухарбиевны Черкесовой, которую писатели России за долгое время якобы совместной работы ни разу не видели и не слышали (возможно, по этой причине избранного единогласно на второй срок председателя СПР Николая Фёдоровича Иванова сайт Минцифры назвал «президентом»).

Более известен, точнее — печально известен Владимир Викторович Григорьев, который входит в правление «Ельцин-Центра». Ведь В.В. Григорьев со времен раннего Ельцина не только возглавляет бессменно департамент господдержки периодической печати и книжной индустрии, но и всю литературную деятельность в стране. И благодаря государственному ресурсу издательский картель АСТ все эти годы держит тотальный контроль над литературным рынком, цены на книги растут, а выпуск книг упал в два раза по сравнению с доковидными временами. По плодам их узнаём их...

Олег КАССИН,
председатель Общероссийского общественного движения
«Народный Собор»

НАЦИСТЫ, А НЕ НАЦИОНАЛИСТЫ!

Одной из серьёзнейших ошибок российских СМИ («ошибка» ли? — Ред.), в том числе и многих центральных теле- и радиоканалов, является то, что в своих новостных блоках они

называют украинских военных националистами, эмоционально вкладывая в это слово максимально негативный оттенок. И при этом удивляются и возмущаются тем, что значительная часть западного общества симпатизирует им. непонятно, чего здесь больше — политической безграмотности или чего-то другого?

Дело в том, что в западном европейском восприятии понятие «нация» равно понятию «народ». У Англичан, французов, немцев, шведов и прочих европейцев национализм — это нормально. В Италии националист Берлускони был премьер-министром, а сейчас там премьер-министр Джорджия Мелони, которая также является лидером националистического крыла. Во Франции вторая по значимости политическая сила в стране — националистическая партия «Национальный фронт» («Национальное объединение»). В Австрии австрийский националист, многолетний лидер «Австрийской партии свободы», долгие годы был популярнейшим в стране политиком. В большинстве европейских парламентов националисты давно и прочно обосновались. Да и в США Трамп не раз открыто называл себя националистом, поясняя при этом, что действует в интересах всей американской нации. Кстати, китайцы у себя давно строят социализм с китайской (национальной) спецификой.

Британские, американские, японские справочники, словари и энциклопедии дают позитивную характеристику национализму, оценивая его как идеологию, основанную на верности и преданности индивида своему национальному государству. В западном понимании национализм — это идеология и направление в политике, основополагающим принципом которых является тезис о ценности нации как высшей формы общественного единства, её первичности в государствообразующем процессе. Национализм строится вокруг общего языка, религии, культуры или набора социальных ценностей.

Вообще понятие «национализм» довольно сложное. Существуют разные виды национализма. Есть гражданский национализм, который определяет нацию как гражданскую ценность («мы, американцы, французы, англичане...»).

Есть этнический национализм, родоплеменной, кровный, который определяет нацию с точки зрения общей этнической принадлежности, наследия и культуры, который иногда приобретает радикальные, крайне болезненные формы, зачастую замешанные на язычестве и неоязычестве.

Не вдаваясь глубоко в эту сложную тему, отмечу, что в отличие от существующих различных определений национа-

лизма, термин «нацизм» носит исключительно негативный характер, глубоко ассоциируясь у всех народов в первую очередь с нацистской гитлеровской Германией, её идеологией национального и расового превосходства и её зверствами.

Но именно эти проявления мы наблюдаем в действиях современного необандеровского режима Зеленского. Только сейчас на Украине на место гонимого и подавляемого ранее гитлеровцами еврейского народа поставлены все русские и русскоговорящие — те, кто цивилизационно принадлежит к русской традиции и культуре.

Поэтому и украинских военнослужащих и боевиков нацбатов, уничтоженных или взятых в плен, следует называть в СМИ нацистами, неонацистами, укронацистами, военнослужащими нацистского режима Украины, пробандеровскими нацистами, военными формированиями неонацистского режима и т.д. Подобных эпитетов можно подобрать довольно много.

Кстати, сами донбассцы их так и называют — укронацисты. Показательно, что когда взяли в плен в Мариуполе большое количество военнослужащих ВСУ, то многих из пленных шокировало, когда их называли нацистами.

Именно с этого, вообще-то, с правильного определения базовых понятий и начинается та самая денацификация, о которой у нас много говорят, но пока мало что реально делается в данном направлении. Российским войскам и народу надо постоянно говорить и напоминать о том, кто является нашим противником, с кем в реальности сражаются наши солдаты.

Логика здесь такая. Если режим Зеленского преследует людей, убивает их, лишает политических прав, бросает в тюрьмы только за то, что они русские или русскоговорящие, за то, что те принадлежат к русской, российской культуре и не хотят от нее отказываться, то такой режим — нацистский, а не националистический. Он возвышает представителей своей политической нации — украинцев — которая усиленно формируется на Украине. И при этом подавляет физически, политически и морально представителей других народов, духовно и культурно принадлежащих к Русской цивилизации. А это — типичное проявление именно нацизма.

Следовательно, те, кто этот бандеро-нацистский режим поддерживает и защищает, кто за него воюет, выполняя его преступные приказы, — тоже нацисты, защитники нацистского режима и соучастники его преступлений.

Это пусть они потом, как пленные немецкие нацисты, оправдываются, что их силой мобилизовали, что они не знали, не понимали, что творило их неонацистское руководство

Украины. Кто из них добровольно раскаялся или был мобилизован насильно и не имеет крови на своих руках, — может смыть позор, вступив в батальон им. Богдана Хмельницкого, создаваемый из граждан Украины, и участвовать в освобождении своей родной земли от бандеровской нацистской сволочи.

Поэтому при освещении специальной военной операции в боевых сводках должно жёстко звучать, что российские войска уничтожили не 500 украинских националистов, военнослужащих ВСУ или ВФУ, а 500 украинских неонацистов, укронацистов, защитников неонацистского режима Зеленского из подразделений ВСУ и нацбатов.

Обстрел городов и поселков с мирными жителями, расстрел машин с красными крестами, пытки и убийства пленных российских военнослужащих, затопление водой городов — все это типичные действия именно неонацистов.

Российская армия сражается не с военнизированными формированиями Украины или ВСУ, а с неонацистами, противостоящими нашим военнослужащим-освободителям. Это надо каждый раз неустанно повторять, освещая события СВО, показывая при этом кровавые зверства украинского неонацистского режима и его защитников.

Такая подача информации — это и элемент серьезной идеологической войны, который представит и нашей, и зарубежной аудитории картину ведущейся специальной военной операции в совершенно ином свете.

Юрий КОТ

КТО РУКОВОДИТ РУССКОЙ КУЛЬТУРОЙ?

Ректор Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина (с осени минувшего года) Наталья Сергеевна Трухановская в самом начале своей деятельности выступила с весьма странной инициативой — лишить русский язык статуса государственного в национальных республиках РФ

и считать его иностранным. То есть практически то же самое, что сделали нацисты на Украине, а также в Прибалтике. Только притеснениями русского языка в этих регионах мы гневно возмущаемся, подчас на официальном уровне, а инициативу, исходящую из самого центра страны от чиновника спокойно пропускаем... Этаким очередной пробный камешек в давно разрабатываемом направлении — прокатит или нет?

Ещё несколько лет назад разделили в республиках язык русский и язык родной, с начальной школы вбивая ученикам в головы, что русское родным не является. Сюда же можно отнести модернизацию в Московском областном университете, где с этого года русская литература подменена «литературой народов России».

И Трухановская продолжает руководить институтом русского языка, несмотря на подобное предложение.

Алина Николаевна Сапрыкина в ноябре назначена директором Сергиево-Посадского государственного историко-художественного музея-заповедника.

И какой же тут нас ждёт, не побоюсь этого слова, бэкграунд? В 2003-м Сапрыкина стала соосновательницей московского креативного кластера «Центр дизайна ARTPLAY». В 2008—2010 годах сотрудничала с Центром современной культуры «Гараж», созданным Романом Абрамовичем для его тогдашней подруги Дарьи Жуковой-Радкиной. Занималась организацией II биеннале молодого искусства «Стоять! Кто идёт?» в 2010-м и IV Московской международной биеннале современного искусства в 2011-м. Тогда же мэр Собянин назначил руководителем столичного департамента культуры нижегородского политтехнолога Сергея Капкова — всем известно, что это правая рука Абрамовича, бывший жених Ксения Собчак, покровитель Кирилла Серебренникова, ныне проживающий в Израиле.

При Капкове Алина Николаевна вошла в список наиболее влиятельных людей в области искусства в РФ по версии журнала «Артхроника». В 2013-м он назначил её на должность директора музейного объединения «Музей Москвы» и директора Московского центра музейного развития. Под руководством Сапрыкиной «Музей Москвы» стал площадкой для очень разных, нередко сомнительных людей «искусства»...

Фамилия Сапрыкина у Алины Николаевны по мужу. Юрий Сапрыкин был радиоведущим, музыкальным критиком, главным редактором хипстерского журнала «Афиша», редакционным директором изданий ЗАО «Афиша Индастриз», главным редактором интернет-проекта Slon.ru, шеф-редак-

тором объединённой компании «Рамблер-Афиша», колумнистом журнала GQ и много кем ещё...

В то же время Сапрыкин известен как ярый либерал и борец с режимом, возлагающий надежды на «революцию роз, тюльпанов и гвоздик» в России, воспевавший «майдан» и поливавший грязью Донбасс. «Подпись под письмом в защиту присоединения Крыма отменяет всё хорошее, что сделано автором — и до, и после», — это Сапрыкин о деятелях культуры, поддержавших воссоединение Крыма с Россией. Ну и о нынешнем, конечно: «Не могу даже написать «простите», такому нет прощения. Псы войны, будьте прокляты». Видит Бог, непонятно, что делает в нашей культуре эта чета.

Елена Владимировна Проничева недавно заменила Зельфиру Исмаиловну Трегулову на посту директора Третьяковки. Деятельность Трегуловой вызывала возмущение общественности на протяжении всех восьми лет ее попечения о святых святых русского искусства. За это время здесь была организована и выставка художниц-лесбиянок, и выставка учеников сатаниста Марата Гельмана с традиционным изобилием русофобии. Список можно продолжить. До Третьяковки Зельфира Исмаиловна возглавляла музейно-выставочный центр РОСИЗО. Заместительницей её там была сестра тогдашнего министра культуры Владимира Мединского. На должности директора Третьяковки её заместительницей стала дочь вице-премьера Ольги Голодец.

После восьми лет скандальных историй, связанных с наследием Третьякова, контракт Трегуловой истёк, и на её место была назначена дочь генерала ФСБ, близкого друга Николая Патрушева, Елена Проничева. В патриотических кругах эта новость была воспринята с большим воодушевлением. Очень хочется, чтобы они оправдались...

До этого Проничева занимала должность исполнительного директора Еврейского музея и Центра толерантности. А в 2015—2020 годах трудилась на аналогичной должности в Федеральном научно-методическом центре по вопросам психологии и педагогики толерантности. Опять «толерантность» — этот разрушительный идол современных «общечеловеков»... Но, как говорится, поживём — увидим. Нужно время, чтобы понять, какие шаги начнёт предпринимать Проничева.

Невольно возникает вопрос: кто опаснее для нашей страны — подобные чиновники или иноагент Монеточка? И почему они спокойно занимают должности, а наши депутаты и СМИ борются с артистами, юмористами, актёрами... Смысл

тут видится один. Нужно перевести внимание общественности на скандальный, но на самом деле ничего собой не представляющий случай, чтобы без лишнего внимания, «шума и пыли» не связываться с высокопоставленными, слишком «толерантными» чиновниками от «культуры»...

Андрей СОШЕНКО

НУЖНО ЗАБИРАТЬ СВОЁ

«Меркель была права» — так откровенно высказался экс-президент Франции Франсуа Олланд насчёт т.н. «минских соглашений». Именно он от Франции и всего «коллективного Запада» начинал переговоры по заключению минских договоров. Этим Олланд подтвердил казус Меркель. В декабре 2022 года бывший канцлер Германии Меркель заявила, что «минские соглашения» со стороны Запада нужны были для того, чтобы дать Киеву время на подготовку к войне с Россией. И Олланд это подтвердил: «Ангела Меркель была права... С 2014 года Украина усилила свой военный потенциал. Действительно, украинская армия была совсем другой, чем в 2014 году. Стала лучше обучена и оснащена. Это заслуга минских соглашений, что Киев получил такую возможность».

Хотя тогда, в 2015 году, Олланд говорил совсем иное: «Если мы не добьёмся успеха в поисках устойчивого мирного соглашения, мы прекрасно знаем сценарий: у него одно имя — война». Ведь знал, что «минские соглашения» ведут к войне, имеют цель уничтожение России, а говорил об «устойчивом мире».

Как можно было не распознать подлога сразу и участвовать в этой афере, направленной против России?! Еще в 2014 году я писал о том, что нельзя идти ни на какие переговоры: «Продолжать «диалог» с «цивилизованным миром»... всё рав-

но, что в 41-м вести душеспасительные беседы с Гитлером вместо защиты Отечества». А для чего были переговоры с врагом в конце марта 2022 года? Для чего был нужен т.н. «гуманитарный коридор» по вывозу т.н. украинского зерна? Абрамович был в первых рядах при подписании соглашения по зерну в Турции. Того самого «украинского» зерна, о котором В.В. Путин чуть позже сказал: «Американские компании собственники этого зерна. Оказалось, что земли на Украине давно проданы американским компаниям, это их зерно, они своё зерно и вывозят». И где зерно? Ещё чуть позже В.В. Путин констатировал: «Если исключить Турцию как страну-посредника, то всё, практически всё зерно, вывозимое с Украины, направлено не в развивающиеся и беднейшие страны, а в страны Евросоюза».

На самых высоких этажах российской власти и около власти до сих пор есть лица, которые ратуют за «мирные переговоры» с Западом и киевской хунтой. И такая точка зрения доминирует в российском официозе.

А время работает против России. И всегда работало, с 2014 года, против России. Разве «откровения» Меркель-Олланд не подтверждение тому? Сегодняшняя риторика про переговоры с Западом и Киевом, затяжка освобождения русских земель в Малороссии ведут к такому же эффекту, как «минские соглашения».

Есть хоть один пример периода «новой России» (а ещё правильнее говорить — со времён «перестройки»), когда «переговорный процесс» с Западом давал нам положительный результат? Нет, только одностороннюю выгоду «коллективному Западу» и США в их агрессивных целях, эскалацию и унижение России. Например, чем закончилась т.н. «перезагрузка» с вручённой Хилари Клинтон «красной кнопкой» Сергею Лаврову? (Кнопка, на которой латинскими буквами было написано: «Peregruzka». — Ред.). Это же было очередное надувательство! Москва пошла тогда на подписание договоров по сокращению ядерных и иных вооружений, которые до сих пор аукаются нашей стране. Мы-то сокращали, а Вашингтон — «по его усмотрению». Ещё Москва разрешила американцам и их союзникам транспортировать через Россию грузы для военных операций в Афганистане. Что там натворили США с точки зрения геополитики, дальнейшего взращивания международного терроризма, беспредела над мирными жителями и дальнейшего потока наркотиков в Россию, — известно.

Когда же поймём, что с Западом и Киевом говорить не с кем и незачем?! Ни о чём, кроме капитуляции киевской хун-

ты, договариваться нельзя. Всё остальное будет обращено против России. Никаких вообще разговоров ни с Байденом, ни Зеленским, ни Макроном, ни с Шольцем быть не должно! Никаких «переговорных групп»! Спекуляции насчет того, что без переговоров миру грозит ядерная война, — должны быть отброшены. Запад никогда не будет рисковать собственной шкурой. Существующий киевский режим только увеличивает вероятность масштабной ядерной провокации. Нужна быстрая очистка т.н. Украины от киевской хунты.

Нужно идти и силой забирать своё, восстанавливать историческую справедливость, достигать объединения искусственно разъединенного русского народа.

Роман ЮШКОВ,
член Союза журналистов России, Пермь

С ШИРОКО ЗАКРЫТЫМИ ГЛАЗАМИ

Прежде всего — нет в мире совершенства, ни в человеках, ни в государствах, ни в устройстве жизни в нашей многострадальной России. Давайте представим себя на месте, например, составлявшего большинство населения среднего русского крестьянина, оказавшегося перед лицом войны 1812 года. «Что, идти защищать своё крепостное рабство?! Сражаться за власть над собою оборотов-дворян, которые по-французски говорят лучше, чем по-нашему, по-русски? Биться за право офицеров выписать мне шпицрутенов, за право помещиков торговать нами как скотиной, разрывая при этом

семьи?! Идите вы к дьяволу, сами воюйте за такую страну!» И тем не менее покумекали солдат, крестьянин и партизан, затащили пояса и пошли воевать за Русь-матушку. Потому что, сколько бы ни было на ней горя, несправедливости и бедствий, а она одна-единственная и неповторимая, и если не убережешь её от наполеонов и прочей западной швали, то ничего не убережешь на этом свете, и грош тебе цена.

Возьмём Вторую мировую. Ситуация ещё более унижительная. Садисты-комиссары только что, в революцию и Гражданскую, пролили море русской крови. Потом истязали тебя коллективизацией, колхозами, церкви твои оскверняли и крушили, всюду русского ниже любого нацмена поставили, а во всех органах власти сплошняком всё те же «полюбившиеся» тебе с революции «милые физиономии» сидят. И вот эту захваченную инородцами с их свирепыми красными порядками страну идти сейчас защищать и жизнь за это отдавать?! Да не лучше ли вместе с генералом Власовым перейти на сторону немцев и поквитаться за всё с ненавистными лупоглазыми комиссарами?! Немцы вон и церкви открывают, и колхозы постылые разгоняют... Ох, как соблазнительно!..

Ан нет, опять поразмыслив, пришлось моему деду Николаю Ивановичу Юшкову сплюнуть горько, перебороть всё горячее месиво чувств в своём сердце и идти защищать свою бедную изнасилованную и поруганную страну и свою распятую инородцами русскость. И внучатому дяде даже с немецкой моей стороны Алексею Александровичу Генкелю тоже пришлось пойти на фронт добровольцем. И сгнули оба в той страшной мясорубке, и защитили ценой своей жизни русскую землю и русскую речь от окончательной гибели.

И вот опять мы перед аналогичным разрывающим душу выбором. Горько сегодня любому русскому солдату оглядываться назад — в тыл и в наше недавнее прошлое. Страна чернеет и узкоглазеет не по дням, а по часам. Отвратительные черношляпники вышвыривают вон сказавших правдивое слово русских генералов. По примеру Запада официально узаконена религия холокоста, русских профессоров и журналистов тащат на допросы и в суды за малейшие сомнения в сакральной цифре 6 миллионов. Да ещё, того и гляди, отвоёванную русскими Новороссию отдадут под новую Хазарию. В общем, тоска и жалость берёт от того, что сделано с Русской землёй...

И всё равно ведь надо зажмурить глаза и идти воевать. Всё равно придётся биться за полное уничтожение Украины и ядовитого антирусского украинства. Потому что на фоне всех самых горьких наших бед мы опять столкнулись с оконча-

тельной и витальной угрозой. Вопрос в нынешнем геополитическом и этнополитическом контексте стоит просто: исчезнет либо Украина, либо Россия, третьего не дано. Либо исторические русские территории, включая мать городов русских Киев, вернутся в Россию, либо Россия рухнет и развалится от своего внутреннего разложения, безволия и бессилия и будет разорвана большими и малыми хищниками, включая ту же Украину. Кто станет считаться со страной, которая проиграет Украине...

Снова горек вкус этой войны, русский солдат. Но путь твой неотвратим: на фронт, на запад, в Малороссию.

ПРОТУБЕРАНЦЫ

РАЗМЫШЛЕНИЯ И ВОСПОМИНАНИЯ

2023 год

(Февраль — март)

Глава МОК Томас Бах вдруг засуетился и высказался за допущение российских спортсменов на Олимпийские игры при соблюдении ими некоторых условий. Первое и главное — публично отказаться от поддержки СВО. Затем — обычное для Запада, привычное условие: «нейтральный статус», без флага, гимна, национальной символики и названия страны.

Понятно, что без российских спортсменов любые соревнования — просто неинтересны и неполноценны. Это западные спортивные воротилы понимают. Но разрешить нам выступать на Олимпийских играх и мировых чемпионатах без нашего унижения и оскорбления — «морально» не могут, не то удовольствие... Это мы знаем и к этому уже привыкли.

Но что вызывает огромное удивление — так это моментальная положительная реакция на высказывание

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

Т.Баха наших спортивных чиновников и самих спортсменов. Они словно с вожделием только и ждали этого предложения. Тут же от многих из них посыпались радостные восклицания: «Да, это хорошо! Это правильно! Спасибо Томасу Баху! Наконец-то! Мы на это надеялись! Мы этого ждали!..» Словно ничего не произошло за прошедший год. Словно западные лидеры уже прямо, откровенно не заявляют о войне с Россией. Словно 51 государство не проводит враждебную политику по отношению к нам и не снабжает Украину вооружением. Словно американские «Хаймерсы» каждый Божий день не сравнивают с землей больницы, школы, детские сады и жилые дома в Донбассе. Словно не гибнут каждый Божий день наши воины за освобождение Русской земли. Ради этого они гибнут? Ради того, чтобы ублюдочные и бесхребетные спортивные чиновники в это время ошивались на Западе без названия своей страны, хотя и за государственный счет, да еще и публично отказались от поддержки СВО? Чтобы безмозглые прыгуны, бегуны и игруны ради каких-то медалек опять отказались от флага, гимна и национальной символики? Теперь, когда идет война и наши ребята идут в бой с русским знаменем и русской национальной символикой.

Теперь это уже чистой воды предательство, настоящая измена — готовность пресмыкательства перед явным, откровенным врагом, готовность вновь ползти к нему на брюхе на его условиях. Не понимать этого могут только безмозглые, безнравственные приспособленцы и моральные ничтожества. А то и того хуже — предатели Родины.

Сколько уже лет мы наблюдали это спортивное угодничество перед врагом, это спортивное предательство нашей самоидентичности и уважения к самим себе. Российский спорт оказался таким же морально не стойким, как многочисленная часть нашей артистической псевдоэлиты. Уж больно их всех тянет на Запад! Личный интерес для них дороже всего остального. Вот она — шестая спортивно-артистическая колонна...

Конечно, не все они таковы. Но те, которые подают радостные голоса ради унижения перед ехидным Западом на любых условиях, — именно таковы. Мало нам отнятых золотых медалей у Дины Авериной и Камилы Валиевой! Что, очень хочется новых глумлений? После которых вся российская либеральная тусовка будет злорадно потирать ладошки...

Правда, тут надо всё же охладить пыл наших спортивных приспособленцев. Томас Бах пока лишь высказал свое личное пожелание. Каковым будет решение Олимпийского ко-

митета — еще неизвестно. Скорее всего наших бегунов, прыгунов и игрунов вместе с их тренерами и чиновниками, жаждущими западных халявных командировок, ждет полное разочарование. Поляки, хохлы и прибалты там будут глотки драть против их участия на ОИ. А хохлы даже грозят бойкотом. Но то, что наша спортивно-чиновничья камарилья, несмотря ни на что, вновь готова к унижению, говорит о многом.

* * *

Голая правда заключается в следующем. Через год военной спецоперации на Украине оказалось, что боевые действия происходят исключительно на территории России. То есть на тех территориях, которые оккупированы фашистским псевдогосударством, накачанным европейским вооружением. И мы сейчас в действительности проводим не спецоперацию на Украине, а оборонительные военные действия на российской территории. Это и есть итог годичной войны с т.н. «Украиной». За этот год войны, названной спецоперацией, мы не только не смогли освободить ни одного областного города «украинского» псевдогосударства, но так и не взяли паршивой Авдеевки, откуда происходят каждодневные варварские обстрелы жилых кварталов Донбасса из американских ракетно-артиллерийских установок. И причины всему этому заключаются вовсе не в том, что наши военнослужащие плохо воюют. Воюют они отлично, как воевали когда-то их отцы и деды. Причины заключаются совсем в ином. В том, что некто не желает вести боевые действия именно на территории т.н. «Украины». Поэтому через год спецоперации целы железные дороги и мосты, ведущие на Запад и обратно, целы киевские резиденции, где кривляющийся и скалящийся петрушка обнимается и целуется с европейскими русофобствующими гиенами, засылающими по этим железным дорогам и мостам в «украинское» псевдогосударство дальнобойные гаубицы и танки с фашистскими крестами — то есть на ту территорию, где мы проводим военную спецоперацию...

А громкие духоподъемно-патриотические фразы на собраниях и пресс-конференциях наши руководители произносить хорошо научились.

* * *

Исламистские и украинские террористы давно поняли, что при любых подрывах квартир и жилых домов в России центральные московские СМИ будут до упора долдонить о «взры-

вах бытового газа», даже если эти дома не газифицированы. И происходит это уже на протяжении многих лет, о чём мне так же приходилось писать множество раз. Но всё остаётся неизменным — и в российских СМИ, и в сознании обывателя.

Поздним вечером 7 февраля обрушился подъезд пятиэтажного дома в г. Ефремове Тульской области (8 погибших). Ранним утром 9 февраля в Новосибирске обрушились два подъезда пятиэтажки (14 погибших). Сообщения об этом в центральных СМИ проскочили мельком, затерявшись в потоке информации и телевизионных репортажей из Турции и Сирии, где произошли разрушительные землетрясения. Но при этом ясновидящие информаторы ни на йоту не сомневались в причинах этих обрушений, т.е. во «взрывах газа». На их ясновидения не влияют никакие сообщения о задержании по всей стране украино-исламистских диверсантов и о предотвращении опять же по всей стране готовящихся террористических актов. Многочисленные обрушения подъездов и целых домов за последние годы, а особенно за последние месяцы и дни, согласно информационной политике наших электронных СМИ, возможны только и исключительно из-за «взрывов бытового газа»... И ведь большинство обывателей привыкло верить этим *сверхубедительным* и *сверхдоказательным* утверждениям. И почему-то никого из компетентных органов не настораживает учатившаяся регулярность подобных трагедий. Во всяком случае мы пока еще с их стороны об этом ни разу не слышали.

Но вот удивительные кадры, которые нам то и дело демонстрировали по ящику после освобождения Мариуполя, Лисичанска, Соледача и т.д. — обстрелянные артиллерийскими снарядами жилые дома. В их стенах зияют пробоины от взрывов снарядов, в них разрушены квартиры, но дома стоят целые, и подъезды во многих из них не обрушились. Крупнокалиберный снаряд имеет гораздо большую разрушительную силу и ударную волну, нежели вспышка газа в квартире. И тем не менее от вспышки газа отчего-то обрушиваются целые подъезды... Такое возможно только одним случае: если вместе со вспышкой газа подрываются снизу (в подвале или на первом этаже) несущие конструкции подъезда. Приходит ли это в голову следователям — мы не знаем, потому что кроме заклинаний «о взрывах бытового газа» в подобных происшествиях мы за последние годы ничего другого не слышали.

Жители пострадавшего дома в Новосибирске рассказали о том, что за день до обрушения двух подъездов к ним приходили какие-то подозрительные люди и предлагали поменять

газовые трубы. Что это были за люди — никто не знает. Но, по всей видимости, кому-то они что-то заменили...

Не так ли готовятся и осуществляются теракты под имитацию взрывов газа?.. Во время войны.

* * *

В Киеве снесли памятники Валерию Чкалову и генералу Ватутину, освобождавшему Киев от фашистов. Причём памятник Ватутину стоял на его могиле. На нём была надпись: «От украинского народа с благодарностью». Когда памятник сносили, украинский народ молчал. Это означает, что никакого украинского народа больше не существует. Как и Украины. А то, что существует, это уже не украинский народ и не Украина. И когда какой-нибудь Соловьев или Киселев по ящику пафосно, подняв кверху указательный палец, произносит: «Я уважаю прекрасный украинский народ!», трудно понять, кого они уважают. Тех, кого больше нет?

В советское время я переводил на русский язык стихи и целые книги украинских поэтов. Была среди них киевлянка Светлана Йовенко (1945—2021), талантливая, неординарная. Вот стихотворение из ее книги «Пора любви» в моем переводе, вышедшей в «Советском писателе» в 1986 году:

*В победный год в осенней тишине
мне подарили солнечное имя.
Но были раны Киева моими:
лишь вспомню я о них — и больно мне.
Мой первый шаг — вдоль Золотых ворот,
мой первый сон — под стенами Софии,
и первые слова мои в полёт
благословил послевоенный Киев.
Еще Днепра угрюмая вода
по тем, кто в ней погиб, печаль хранила,
и мама в гимнастерке — молода,
и звёздочка с погон ее светила!..
И Прорезная в прорезях руин
сбегала на разрушенный Крещатик.
Останется надолго отпечаток
в моей душе от горестных картин.
И на рассвете — гул очередей
за сахаром, за маслом, за мукою...
И за косичкой худенькой моей
я помню, как толпа текла рекою.
Заботы взрослых горожан текли
перед глазами юной киевлянки,*

*и солнце нас ласкало спозаранку,
залечивая боль моей земли...*

А другое ее стихотворение начиналось такими строками:

*Кто проходил до утренних лучей
по Киеву, бродя во мгле туманной,
и кто оставит мог листок багряный
Ватутину на каменном плече?..*

Не стало больше для украинцев каменного плеча генерала Ватутина. А значит, и украинцев для него тоже не стало.

Русский город Киев мы в Россию вернем. И памятники Чкалова с Ватутиным в Киев тоже вернем. Но вернуться они уже не для бывшего украинского народа, который их предал. Нельзя вернуться к тем, кого больше нет.

* * *

С началом февраля ящик все уши прожужжал о нашем скором наступлении по всем направлениям украинского фронта. Но кто же кричит на весь мир о готовящемся наступлении?! Похоже, эта ежедневная долбёжка Первого телеканала и «Россия-1» о «широкомасштабном наступлении» — не что иное, как дымовая завеса над реальным положением дел на фронтах СВО.

Как раз в начале февраля центральные СМИ вместе с властями скрыли разгром наших войск под Угледаром. При лобовой атаке на город без поддержки авиации и артиллерии на узкой полосе трассы были сожжены десятки единиц техники и нашли смерть подразделения морских пехотинцев, спецназовцев, пехотинцев и танковых расчетов, оказавшихся фактически в котле, в ловушке. (Поля по обе стороны узкой трассы были заминированы.) Причем попадали наши войска в подобные ловушки уже неоднократно за прошедший год тяжелых боёв. И как это ни удивительно, высшее командование за этот год словно ничему не научилось на горьком опыте, то и дело наступая на одни и те же грабли. Желание скорых побед, видимо, толкает их на непродуманные и неподготовленные действия. Ну сменил начальник штаба генерал Герасимов на должности командующего объединенными силами СВО генерала Суrowикина — и что? Положили сотни наших бойцов на авдеевском и угледарском направлении, так и не взяв ни тот, ни другой укрепрайон. Причем точно по такой же схеме они уже были разгромлены там же в начале осени прошлого года. Я не говорю о всех военнoслу-

жащих, но генералы должны же чему-то научиться за год войны на собственных неудачах?!

Президент ограничился одной таинственной фразой: «Морские пехотинцы совершили подвиг под Угледаром». Проницательные люди, наверное, о чём-то должны были догадаться.

Как ни удивительно, через неделю после провального наступления на Угледар, которым командовал генерал-лейтенант Рустам Мурадов, министр обороны Шойгу присвоил ему звание генерал-полковника.

* * *

К вопросу: один ли мы с ними народ?

Когда во время Великой Отечественной германские фашисты занимали украинские города, то в них они для местного населения сразу утверждали исключительно украинский язык, как это делают нынешние украинские нацисты. А когда кто-то из советских солдат украинской национальности попадал в плен и смог доказать свою национальность и место жительства на Украине, то немцы их отпускали домой. Не потому ли среди украинцев было так много предателей, полицейев, бандеровцев и боевиков карательных батальонов? Они живьем сжигали жителей многочисленных Хатыней и вырезали людей в Волыни. Кстати сказать, большинство охранников фашистских концлагерей состояло именно из украинцев. Немцы знали, что по отношению к пленным украинские охранники относились гораздо безжалостнее, жесточе, чем сами немцы. И после всех этих и подобных им фактов некие большие эксперты и знатоки истории, курирующие кремлевскую верхушку, хотят внушить нам, что мы один с «самостийниками» народ...

Да, когда-то, давно, мы были с ними одним народом. Но за последние двести лет многое изменилось. Теперь это не так.

Сербы и хорваты генетически — это один народ. Они даже говорят на одном языке. Но по сознанию и менталитету, наверное, нет двух более непримиримых друг к другу народов.

Под Угледаром, где в феврале во время нашего наступления погибло и было ранено много российских военнослужащих, украинские вояки расстреляли наших медиков, пытавшихся вывезти раненых. Это при том, что наши медики оказывают помощь и украинским раненым солдатам, оказавшимся в плену. И после всего этого нас кое-кто заставляет поверить в то, что мы с ними один народ?..

* * *

После громко разрекламированных ударов наших беспилотников по киевской энергосистеме работает киевское телевидение и киевское метро, не говоря уже о театрах и ресторанах. Вот так уже целый год мы воюем с киевской русофобской пропагандой, с «артистом» Зеленским, требующем от НАТО самолетов и танков, и с «преступным киевским режимом». Как рассказал всему миру бывший премьер-министр Израиля Бенетт, Путин лично ему пообещал сохранить жизнь Зеленскому. Вот и светится эта лупоглазая обезьяна на украинском телевидении в качестве бесстрашного национального героя. Вот и катается по миру эта, по выражению Д. Медведева, «бородатая фотомодель». А чего ему не светится и не кататься? Жизнь ему обещана.

* * *

Очень многие удивляются: как, почему Израиль оказывает финансовую и военную помощь нацистской Украине? Ответ прост, как дважды-два. Потому что Израиль — такое же нацистское государство. И никакой Холокост здесь не может что-то изменить и на что-то повлиять. У власти в нацистской Украине находится лицо еврейской национальности, как и лица его окол властного окружения. Так же, как и в нацистском Израиле. Как сказано в русской поговорке, ворон ворону глаз не выклюет...

* * *

В 2014 году Янукович обратился к Путину с просьбой о введении на Украину российских войск. Тогда Путин не решился. Пришлось вводить через восемь лет. Но Украина уже стала другой. Нерешительность, как правило, приводит к гораздо большим потерям и проблемам, нежели решительные и смелые действия.

Случись это в 2014 году, ВСЯ Украина, как Белоруссия, уже была бы наша без кровопролитных боёв, а в Крыму и на границе с Польшей находились бы российские военные базы. И в 2022 году, скорее всего, она уже вошла бы в Союзное государство.

Именно кремлевская нерешительность 2014 года привела к обманным «минским соглашениям» и сегодняшним битвам за русские города Донбасса и Новороссии.

В 2014 году Кремль решил ограничиться одним Крымом, а нужно было забирать всю Украину. Повторяю: по просьбе руководства этой страны.

* * *

Через год спецоперации на Украине Киев посетил американский президент, т.е. страну, с которой мы ведем боевые действия. Приехал на поезде. По сообщениям СМИ и утверждениям множества теле-экспертов, Байдену Кремлем были даны негласные гарантии безопасности. Это как понимать? Это что за игра такая в «странную войнушку»? Оказывается, мы и это должны молча проглотить?..

На следующий день после байденовского визита Путин в своем очередном послании Федеральному Собранию несколько раз повторил: «Запад стремится нанести нам стратегическое поражение». И что? В связи с этим мы теперь можем никак не реагировать на посещение главы вражеского государства в воюющую с нами страну?.. Да еще и гарантировать ему спокойный, свободный и комфортный проезд? Может быть, нашу спецоперацию переименовать в Большую Игру? Недаром ведь на Первом канале в самое смотрительное время уже целый год под этим названием идет аналитическая программа?.. И не случайно же во время ее трансляции в левом углу экрана на несколько мгновений выскакивает «всевидящее око» — глаз в треугольнике?..

Может, уже пора прекращать эти «Игры»?

* * *

Многажды раз хвалёная реформа вооруженных сил, проделанная за последние двадцать лет, привела к тому, что в российской армии, помимо добровольцев и срочно мобилизованных, стало некому воевать. Дореформировались. Это открылось нам теперь со всей очевидностью. Это все понимают, но боятся открыто об этом сказать. И если бы не СВО, то армия была бы добита окончательно. Выходит, опять по высшей воле нам было даровано спасение. События на Украине, опять же по высшей воле, должны были сложиться именно так, а не иначе, чтобы у нас открылись наконец глаза, и мы опять через кровь и огромные жертвы остановили краснобайское разрушение страны и деградацию армии и начали восстанавливать то, что успели порушить внутренние враги и бесхребетные по отношению к Западу власти.

* * *

Вот уже украинские ДРГ (диверсионные группы) без особых проблем заходят на нашу приграничную с Украиной территорию и совершают здесь теракты. Можно подумать, что для всех это стало большой неожиданностью и что никто об этом не предупреждал. И гуляют украинские ДРГ на нашей

земле, как у себя в огороде. Особенно теперь, после публичного заявления погранично-фээсбэшной службы об окончании мероприятий по укреплению российско-украинской границы. С украинской стороны такое укрепление действительно состоялось — на всех дорогах, идущих из России, стоят их блок-посты — по всей их территории, независимо от военных действий. С нашей же стороны блок-посты, за редким исключением, там, где нет боевых действий, практически отсутствуют. Казалось бы, почему? Нет распоряжений сверху. В то время как местные власти совместно с военным руководством эти вопросы должны решать самостоятельно. В противном случае украинские ДРГ, и не только украинские, так и будут гулять на нашей земле, как у себя в огороде. Мало нам вражеских беспилотников, долетающих до Подмосковья...

2 марта в брянские приграничные деревни вошли две группы украинских ДРГ по сорок боевиков каждая. Убили и ранили несколько человек, расстреляли из автоматов и гранатометов жилые дома, установили противопехотные мины и ушли, пообещав вернуться. И тут невозможно не задать вопрос: а что в это время делали наши пограничники? У нас что, на границе с Украиной проходной двор? После года боевых действий. Почему она, эта граница, не заминирована и нет на ней нескольких рядов колючей проволоки?

Удивительно, однако все последние годы приходится задавать (самому себе) какие-то странные детские вопросы, которые множатся без конца и на которые ответа нет.

Весь наш народ ждал и надеялся, что к 80-летию победы под Сталинградом этому городу будет возвращено славное имя. Но нет, не случилось. Почему? Каждый может ответить по-своему. Видимо, время свершения народной мечты еще не пришло. А может быть, и сам народ пока не смог неотвратимо и убедительно проявить свою волю — так, как это сделал народ Крыма и Донбасса.

Они действуют синхронно всеми «колоннами» и по всем направлениям — военному, финансовому, идеологическому и даже спортивному. Против нас воюют американские реактивные установки «Хаймерс», дальнобойные гаубицы «777», противотанковые «Джевелины», ЗРК «Стингер», германские «Леопарды» и т.д. Против нас единогласно утверждены 10 пакетов экономических санкций и заморожены наши зару-

бежные активы. А по всем каналам российского ТВ **каждый день** идут американские фильмы. А также по спортивному каналу **круглосуточно** транслируются матчи европейских футбольных чемпионатов — как национальных, так и международных, откуда нас с великой радостью выперли и допускать не собираются ни под каким флагом, хоть под белым, хоть под радужным. Вся страна увлечённо это смотрит и почти никого это не возмущает. Во всяком случае публично. А «телеэксперты» всех центральных телеканалов изо дня в день не устают повторять: «Победа будет за нами!» За кем за «вами», говорливые штатные краснобаи?! Кстати сказать, большинство из них, как и ведущие политических шоу, получили соответствующее образование в американских и английских университетах. И как так вышло, что все они сделали карьеру на российском ТВ?..

В вечернее время в Женский день 8 марта по Первому каналу был запущен американский фильм «Красотка» — и если не вся, то большая часть страны сидела у экрана и замирала от удовольствия, созерцая олигархическую «любовь» главы рейдерской компании к бродвейской проститутке. Вот так «красиво» и «талантливо» дьявол ведёт войну за души людей. И добивается успеха. Ведь дьявол не бездарен. И действует он **одновременно** мягкой и грубой силой. Он, под ликом США, **одновременно** запускает «Красотку» и ракеты из «Хаймеров». Он убивает детей и русских солдат в Донбассе и **одновременно** разлагает, подчиняет себе человеческие сердца по всей России. И действует он, как всегда, через своих пособников — на Украине и на российском телевидении.

Дорогие друзья!

Не забудьте оформить подписку на «Молодую гвардию» на вторую половину 2023 года. Наш журнал существует исключительно на средства, поступившие от подписки. Мы же со своей стороны обещаем вам на страницах «Молодой гвардии» новые интересные, острые материалы, которые не оставят вас равнодушными.

В каталоге «Почта России» подписной Индекс «МГ»: П6410 — как для индивидуальных подписчиков, так и для предприятий и организаций.

Во втором полугодии 2023 года редакция планирует выпустить следующие номера: №7-8, №9, №10, №11-12.

Уважаемые подписчики «Молодой гвардии»!

У вас есть возможность подписаться на наш журнал на второе полугодие 2023 года непосредственно через редакцию. Для этого необходимо перечислить 1200 руб. на нашу карту Сбербанка (цена подписки на весь год соответственно — 2400 руб.). Номер карты: 2202 2005 6546 0175. А также сообщить свой полный почтовый адрес по телефону: 8 916 939 22 69 или на эл. почту: mg0002015@yandex.ru

Дорогие друзья!

Журналу «Молодая гвардия» очень нужна ваша финансовая помощь. Лишённый поддержки государства, наш журнал надеется на помощь верных читателей и подписчиков. Наша общая цель — сохранить «Молодую гвардию» в качестве патриотического национального издания, необходимого каждому честному и думающему человеку. Денежные средства можно перечислить на карту Сбербанка РФ: 2202 2005 6546 0175.

Также оказание финансовой поддержки можно осуществлять по следующим реквизитам:

ООО «Журнал «Молодая гвардия»

ИНН 9721060860

КПП 772101001

БИК 044525593

ОГРН 1027700067328

Р/с: 40702810302590002402

Корр. счет: 30101810200000000593

АО «АЛЬФА-БАНК»

В платёжном поручении указать: «Помощь журналу».